

Научно-Исследовательский Институт при Ленинградском
Коммунистическом Университете.

Я. К. ПАЛЬВАДРЕ

РЕВОЛЮЦИЯ 1905-7 г.г. в ЭСТОНИИ

В ПРИЛОЖЕНИИ — ДОКУМЕНТЫ

Fr. R. Kreutzwaldi
nim. ENSV Riiklik
Raamatukogu

2-150.174

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»,
ЛЕНИНГРАД

Издано-Исследовательский Институт при Ленинградском
Коммунистическом Университете

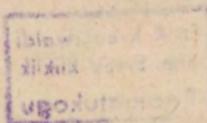
В. К. ПАЛЛАДЫ

РЕВОЛЮЦИОНАРИ 1905-7 гг.

В ЭСТОНИИ

В ПРИЛОЖЕНИИ

2-100-17

РАБОЧЕЕ НАСТАВНИЧЕСТВО В ЭСТОНИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Научной литературой революция 1905—7 гг. в Эстонии не разработана, и поэтому автору приходилось изучать этот вопрос по обширному материалу архива временного генерал-губернаторства прибалтийских губерний за 1905—9 г. г. Этот богатый архив, разбросанный по разным местам и большей частью еще не систематизированный даже в архивном порядке, требует для полного изучения и использования его гораздо больше времени, чем я имел. Я мог использовать не весь материал и извлечь из него не все интересующие меня документы, а только часть их.

Означенный архив составлен из разных донесений, переписки, сводок, судебных и административных постановлений, указаний, циркуляров, обвинительных заключений и т. д. и т. п. Кроме того, означенный архив дает и достаточный материал для изучения предпосылок революции, ибо в нем собраны специально составленные и проверенные материалы для особого совещания при генерал-губернаторе по разработке проекта земской реформы. В архиве имеются материалы по вопросам исторического, правового, экономического, классового и культурного характера.

На-ряду с архивным материалом автор мог использовать и обвинительные акты гражданских судебных властей, в частности по процессам Эстонского Союза РСДРП и других, и воспоминания участников движения в Ревеле, Юрьеве, Пернове, Валке и других местах.

Для предпосылок революции автор еще использовал по аграрному вопросу труды Бодиско, Тобиена, Земцева, Сааль и губернские статистические данные; по вопросу развития промышленности—Г. Крууса, Варзара; по общественным отношениям—Рубеля, очерк Юрисона—«Красные годы в Эстонии», Пранца и Юргенса—историков Эстонии.

Автор считает свой очерк первой попыткой разобраться в сложных вопросах эстонской революции в эпоху империализма, когда буржуазная революция сочетается с крестьянской войной и с национальной революцией и когда руководителем ее является рабочий класс и его партия—социал-демократия того времени.

В период развертывания национальных освободительных революций в колониальных и полуколониальных странах изучение революции пятого года на окраинах царской России имеет особый интерес и значение.

Автор счел также нужным приобщить к обзору часть документов по основным вопросам революции, дабы дать возможность широкой читающей публике ознакомиться с документами пятого года.

Я. Н. Пальвадре.

Декабрь, 1925 года.

Р. С. При опубликовании настоящего очерка автор не может не принести свою горячую благодарность старому члену партии и участнику движения пятого года т. *Гаймису*, который много помогал в извлечении документов и своими указаниями по архивам.

ГЛАВА I.

Предпосылки 1905 года.

А. Общие замечания.

Общее экономическое развитие страны, развитие промышленного капитализма, рост рабочего класса и его политического самосознания, аграрные отношения и вся предшествовавшая борьба классов и партий — вот что подготовляло 1905 год в России.

Эстония, как составная часть России, была подготовлена к революции 1905 года теми же условиями, что и Россия, но, в качестве колонии царской России, Эстония в то же время имела и свои особенности как в аграрном отношении, так и в отношении самоуправления и в национальном вопросе.

Самодержавие балтийских баронов и великорусский шовинизм в Эстонии несколько стирали чисто классовые интересы, объединяя часто весь местный народ — как эстонцев — против бароновщины и национального гнета. Вследствие этого и само революционное движение принимало тогда форму крестьянской войны колониального народа против империалистических ставленников — баронов и империалистической державы — метрополии. Поэтому при оценке событий в Прибалтийском крае царские чиновники (в лице прокуроров и начальников управления государственных имуществ) видели часто в аграрном движении одну только национальную вражду между бесправными эстами — латышами и всеильными угнетателями — немецкими баронами. Дворянство же подходило к аграрному движению, как к революционно-классовой борьбе за социализм, направленной своим острием в первую очередь против царского самодержавия, против частной собственности и т. д. ¹

Прав ли в своей оценке событий прокурор судебной палаты *Камышанский* или же предводитель дворянства *Теллинсгаузен*,

¹ См. приложение № 1. Оценка революции.

мы сможем установить только после разбора тех предпосылок, которые привели Эстонию к пятому году. Пока же можно только указать, что движение было национально-революционным. Оно было направлено против царизма и против дворянства, а в то же время и против национального гнета вообще.

Самым главным стимулом движения были, конечно, аграрные отношения, почему и следует начать с рассмотрения именно этих отношений.

Б. Историческое развитие аграрных отношений.

Датой освобождения крестьян Эстонии считают обыкновенно 1816—19 гг., но это не совсем так. Освобождение крестьян Эстонии проходило через несколько этапов, и окончательно разрешен этот вопрос был только в 1865 году. Прибалтийский край, как западная окраина России и побережье Балтийского моря, являясь посредником в торговле между Западом и Востоком, в силу географических условий, казалось, имел все тенденции к быстрому экономическому росту, к развитию своей промышленности и торговли. Но за неимением особых естественных богатств эта окраина осталась земледельческой. А как край земледельческий, он, в силу своих климатических и почвенных условий, не мог стать житницей ни Востока ни Запада. Но при всем этом географическое положение страны несомненно оказало свое влияние на рост экономики и на развитие аграрных отношений.

Уже в XIII веке немецкие мече- и крестоносцы захватили этот край в свои руки и превратили местное население в экономических и политических рабов. Таким путем образовались земельные магнаты из немецких баронов, высасывающие все, что только можно было, из местного народа. Поэтому так и понятны те частые восстания, которые здесь имели место.

Поскольку же этот край находился на рубеже между Западом и Востоком, он постоянно подвергался завоеваниям, при чем новые владыки для укрепления своего положения часто прибегали к реформам и новшествам.

Так, при господстве шведов (Карл XI) были установлены некоторые положения, регулировавшие взаимоотношения крестьян и помещиков. В 1690 году произошло распределение земли между помещиками и крестьянами. Земля была распределена на две категории: помещичья неподатная и крестьянская податная; земли, которые в 1638 году находились в руках помещиков, считались помещичьими-неподатными, а находящиеся в руках крестьян—крестьянскими-податными. Помещики таким образом лишились права присоединять к своим участкам новые земли и поднимать налоговое бремя на крестьянских участках.

Передавать крестьян другому лицу можно было только с землей. Крестьянская же земля не считалась собственностью крестьян: они не могли ее ни передавать ни продавать, они имели только право на пользование и на унаследование. Это не было освобождением крестьян, но оно внесло некоторые организующие начала во взаимоотношения между помещиками и крестьянами. Только крестьяне-финны в Прибалтийском крае получили свободу и землю.

Во время завоевания Прибалтийского края Петром I крестьянская земля была передана опять вместе с крестьянами в собственность помещиков «за службу на вечные времена».

А. Тобиен пишет: «Петр возвратил всю землю дворянам, и возвращение началось после Ништадтского мира 1721 г. и продолжалось многие годы. Во время войны имения были разорены, и теперь помещики старались брать все, что только было возможно от крестьян (А. Tobien «Die Agrarverfassung des Livl.-Festlandes»).

В 1713 году помещики получили право по своему усмотрению за провинности (für freche Vergehen) сечь крестьян розгами и нагайкой. В 1760 году это право было расширено вплоть до ссылки крестьян в Сибирь. В 1762 году был издан закон, по которому крестьяне не могли подавать жалоб в суд на помещика даже за убийство и ни один суд не имел права принимать жалобу крестьянина на помещика-дворянина. Такое рабское положение крестьян заставляло их часто вспоминать «благоденствия» шведского короля, вспоминать не только до освобождения, но и еще в 1905 году.

В конце XVIII века начались аграрные волнения. В 1802 г. трехтысячная толпа крестьян Вольмарского уезда поднялась против помещиков—своих угнетателей. В 1805 году в сентябре повторилось то же в северной части Эстляндии. Восстания были с жестокостью подавлены при участии «казаков» (в Эстляндии казаков не было, и для усмирения восставших передевали в казацкую форму матросов).

Все эти крестьянские волнения заставляли помещиков подумать об аграрной реформе, и 20 февраля 1804 года был опубликован закон о крестьянах—«Bauerverordnung von 1804».

Этот закон утвердил за крестьянами наследственное право на аренду той земли, на которой их застал закон в момент издания. Затем закон точно определил повинности, которые помещик мог требовать от крестьянина. Крестьяне получили даже право приобретать в собственность и продавать землю. Это давало крестьянскому землевладению большую устойчивость и фактически освобождало его от произвола помещиков. Закон в общих чертах устанавливал границу между помещичьей и крестьянской землей, лишал помещиков права выгонять своих работников—слуг.

В 1809 году закон был дополнен и изменен. Крестьяне прикреплялись к земле, а помещики могли продавать крестьян только одновременно с землей. Продавать без земли они могли только своих слуг.

Домашнему наказанию помещики могли подвергать только тех крестьян, которые у них же отбывали отработочные повинности. Домохозяева были освобождены от этого и от воинской повинности. Кроме того, была установлена свобода вступления в брак, уничтожено право первой ночи (*jus primae noctis*).

Был организован местный волостной суд, и хозяева получили право обжалования постановлений приходских и уездных судов.

24 февраля 1811 года ландтаг Эстляндской губернии принял следующий законопроект:

1. Дворянство отказывается от права на личность крестьянина.

2. Крестьянские земли превращаются в неограниченную собственность помещиков.

3. Пользование крестьянской землей устанавливается взаимным соглашением между помещиками и крестьянами.

Постановление ландтага, под названием «Крестьянского уложения Эстляндии», было высочайше утверждено 23 мая 1816 года.

Для крестьян Лифляндской губернии закон был утвержден 26 марта 1819 года.

Этот закон, провозгласив личную свободу крестьян, восстановил в то же время неограниченное право помещика на крестьянскую землю, предоставив вознаграждение за пользование последней взаимному соглашению землевладельца с арендатором. В результате крестьянин, лично объявленный свободным, оказался прикрепленным к месту, ибо не решался оставить свой участок, как бы ни были тяжелы условия его аренды, из опасения встретить еще худшие условия у другого помещика. Сократилась и площадь земель, отдаваемых в аренду. Такое освобождение крестьян вошло в народную поговорку о «птичьей свободе». — «linnu prüus».

«Освобождение» 1816 и 1819 гг. поставило крестьян еще в худшее условие, чем закон 1804 года. «Крестьянское уложение» развязало руки помещикам, и они начали присоединять крестьянские участки к своим угодьям. Хотя не было недостатка в рабочих руках, но помещики считали более выгодным вместо земледелия приступить к овцеводству. В этом помогало им и государство, субсидируя различные общества по заведению овцеводства (например, при учреждении Юрьевского общества овцеводства в 1836 году).

В Лифляндии, в 1832 году, в 32-х пунктах у помещиков-овцеводов было 15 308 овец, а в 1841 году уже в 106 пунктах — 101 000 овец.

Между тем в Прибалтийском крае начали орудовать миссионеры православной церкви. Многие крестьяне думали переходить в православную царскую веру и тем спастись от помещичьего произвола: лютеранская вера была верой помещиков-немцев. С переходом в православие они надеялись кроме защиты получить и подушный надел, как это было в России. Крестьяне стали посылать своих делегатов к миссионерам-священникам и к рижскому православному епископу. В связи с отправками делегатов распространялись слухи, что есть царский указ о земле и воле, что помещики это скрывают и т. д.

Голод в 1841 года переполнил чашу крестьянского терпения. Снова начались крестьянские восстания. Одно из наиболее крупных восстаний произошло в Юрьевском уезде в Пюхаярвской волости (это восстание вошло в народную поговорку, как «Пюхаярвская война»—«Pühajarve sõda»).

О восстании в Пюхаярвы А. Сааль в своей книжке «Päris järüi» пишет: «Приходские и уездные судьи приехали в имение Пюхаярвы, чтобы заставить народ повиноваться. 200 солдат распределили по крестьянам. Им было дано право употреблять в пищу только мелкий скот. После трехдневного пребывания солдат, крестьяне из Пюхаярвы и окрестных волостей собрались, и 9 сентября 1841 года произошла схватка между ними и солдатами. Много крестьян было искалечено, но убитых не было. Юрьевский уездный суд расследовал этот случай и нашел 120 виновных—зачинщиков восстания. Из 120 арестованных 38 были освобождены и 82 «виновника» из юрьевской тюрьмы были приведены в имение Пюхаярвы для наказания. Пюхаярвский помещик готовился к наказанию, приготовив несколько возов розог.

3 декабря 1841 года солдаты соседних волостей также были приведены в Пюхаярвы, так что всех солдат было 900:800 из волостей, 100 конвоиров и кроме того 25 казаков.

4 декабря вывели зачинщиков восстания в кандалах на место преступления. Их окружали вооруженные солдаты, а все поля были полны окрестными жителями, которых заставили прийти смотреть на наказание виновных, поднявших руки против помещиков и их защитников—солдат.

Один из присутствующих так описывает это «зрелище».

«На плацу была установлена возвышенность в 4 фута, куда поднялись судья барон фон-В. из имения Ропка и епископский ассессор барон фон-П. Барон из имения Ропка прочел речь о гражданских законах и о порядках. Помещик из Палупера читал священные законы и священное писание о послушании, что требуется для спасения души, после чего произнес длинную речь о современном положении.

«После этого господин из Ропки начал читать по бумаге преступное деяние арестованных, а также какое преступление

совершил каждый из них: кто является агитатором и сам накликал на себя беду, а кто через агитацию попал в беду. Потом от кандалов освободили 40 человек, вовлеченных в агитацию, и сказали им, чтобы они в будущем были осторожнее и больше не попадались. 42 агитаторов вывели на ровное место, на дорогу в Пюхоярвскую волость, где были выстроены 250 человек солдат в два ряда. Солдатам вручили длинные розги для сечения проходящих сквозь строй 42 виновников. 42 человека привели к строю солдат, сняли с них кандалы, одежду и нагишом пропустили сквозь строй. Полковник, командовавший экзекуцией, был хорошим человеком. Он сказал солдатам, чтобы они били не сильно, ибо виновны не крестьяне, а помещики. Солдаты послушались и не очень сильно били проходящих сквозь строй. Я стоял у конца строя и видел все 500 ударов, и они не были слишком сильными. Пюхоярвский помещик вызвал три подводы для отвоза умерших, но никто из 42 не умер. Полковник выругал помещика Штрика из Пюхоярвы, не пошел к нему обедать, солдатам запретил что-либо от него брать и увел их без обеда. Прошедших сквозь строй снова заковали в кандалы и провели на ночь в корчму, 5 декабря их направили обратно в юрьевскую тюрьму. В Юрьеве их держали еще два месяца и потом часть из них выпустили, а часть направили в Сибирь в каторжные работы. Из Сибири вернулись немногие, а большинство погибло там. Все расходы помещиков и содержание солдат возложили на крестьян Пюхоярвской волости. За неуплату этого налога крестьяне судились: часть была уплачена, а часть так и осталась неуплаченной».

В 1842 году те же судьи-помещики ходили в сопровождении 200 солдат и по другим имениям с целью экзекуции. Наказанию подвергались крестьяне, занесенные в особые списки и желавшие перейти в русскую веру. Весь народ должен был присутствовать при наказании. Юганес Нимрот из имения Камби получил 400 ударов и умер; его сын и еще 6 человек получили 300 ударов и были совершенно окровавлены, но молодость дала им силы вынести удары, и они остались жить. Так поступали во многих имениях, секли людей только за то, что они хотели перейти в русскую веру.

Такая же экзекуция была произведена и в Ревеле—на Русском рынке. Крестьяне жаловались в Петербург, но делегаты за это жестоко поплатились. Один из них—Петерсон—за хождение в Петербург был сослан в Сибирь.

После таких крестьянских волнений помещики опять заговорили о земельной реформе, и ландтаг в 1842 году создал комиссию, которой поручил обсуждение аграрного вопроса. В июне 1846 года комиссия закончила свою работу, и в 1847 году ландтаг утвердил следующее положение:

1. Арендную плату устанавливает помещик.

2. Земля распределяется на помещичью и крестьянскую. Крестьянская земля сдается в аренду или на выкуп членам волости. (Крестьянской считается та земля, которая была установлена в 1804 году).

3. Отработочная система упраздняется, но зато из крестьянской земли выделяется кватная земля для использования ее служащими работниками на помещичьих землях.

4. Крестьянская земля остается собственностью помещиков, но последние не имеют права нарушать контракта в продолжение 6 лет.

5. Помещики не имеют права присоединять к своим землям крестьянские участки.

В 1849 году это положение было утверждено для Лифляндской губернии.

В 1854 году вновь приступили к обсуждению аграрного вопроса, и ландтаг в 1856 году признал более выгодной арендной системой — отработочную систему. По новому положению выкуп крестьянской земли был затруднен. Также было учреждено «Дворянское земельное кредитное общество», членами которого состояли только помещики, при чем, в виду их интересов, крестьяне обязывались получать кредиты в данном обществе. Обыкновенный процент, взимаемый обществом, был 5—6 без погашения, тогда как Гос. крестьянским банком взималось $5\frac{1}{4}\%$ с погашением ссуды в течение $55\frac{1}{2}$ лет. Кроме того, банк давал ссуды до 90% , а общество лишь половину или немного больше.

По закону 1860 года кватная земля перешла целиком в распоряжение помещиков.

В 1864 году ландтаг рекомендовал упразднить отработочную систему и запретил смешанную аренду. При выкупе первенство было за арендатором участка.

В 1866 году крестьянам дали право покупать помещичью землю.

Конечно, все эти изменения, произведенные в земельных отношениях, происходили в силу постоянных крестьянских волнений. В 1864 году вновь вспыхнули крестьянские восстания. Одно из них произошло в Махтра и получило название войны «Mahtra sôda».

При помощи войск восстания были подавлены. Крестьян вновь пороли и сослали в Сибирь, при чем давалось до 1000 ударов розгами.

Согласно новому крестьянскому уложению, утвержденному 22 мая 1865 года, остатки крепостничества были уничтожены, в том числе и аренда в виде отработочной системы. Несмотря на это, она существовала еще в 1882 году во время ревизии сенатора Манассеина, а в некоторых местах—до 1905 года, хотя исчезнуть окончательно она должна была в Лифляндской губернии 23 апреля 1866 года, в Эстляндской же губернии, со-

гласно приказу губернатора от 25 марта 1868 года, к Юрьеву дню, т.-е. к 23 апреля 1868 года.

Таким образом, в конце концов, земля была разделена на три категории:

1. Мызная неподатная земля (Hofesland).
2. Крестьянская или повинностная земля (Gehoresland).
3. Мызная податная земля (квотная в Лифляндии и шестидольная в Эстляндии—«Steherpflichtiges Hofesland»).

Несмотря на все реформы, крестьянство все же осталось в полной зависимости от помещика, как при арендных договорах, так и при выкупах через кредитное общество, к помощи которого крестьянам поневоле приходилось прибегать: деятельность Крестьянского банка не была распространена на Прибалтийский край.

В. Земельные отношения перед революцией.

Поскольку мы установили происшедшие в результате аграрной реформы земельные категории, интересно ознакомиться с тем, какое количество земли приходилось на долю той и другой категории.

В Эстляндской губернии всего было 1758271 дес. земли, и из этого количества неповинностной помещичьей земли было 884284 дес. 828454 десятины числилось податной крестьянской землей. Но так как из крестьянской земли взамен отработочной системы к помещикам перешла $\frac{1}{6}$ часть, то эта категория составляла $138075\frac{2}{3}$ дес. шестидольной земли, так что фактически в руках помещиков оказалось $884284 + 138075\frac{2}{3} = 1022359\frac{2}{3}$ десятин, а в руках крестьян только — $690378\frac{1}{3}$ дес., при чем пахоты всего — 165000 десятин. В Лифляндской губернии удобной земли было всего 3187842 десятины. Из этой земли неповинностной помещичьей земли — 1670480 десятин, крестьянской-податной 1517362 дес. Но также и здесь одна шестая часть крестьянской земли была передана в распоряжение помещиков, как квотная земля взамен отработка; это составляло $252393\frac{2}{3}$ дес. Итого, в распоряжении помещиков оказалось $1670480 дес. + 252393\frac{2}{3} квотной = 1922873\frac{2}{3}$ дес. земли, а в распоряжении крестьян $1517362 - 252393\frac{2}{3} = 1264968\frac{1}{3}$ дес. земли.

Бодиско в своей книге «Der Bauerland Verkauf in Estland» 1902 года приводит данные о получаемой помещиками аренде, из чего видно, что на помещичьей и крестьянской земле было всего 33710 хозяйств. Из этих хозяйств являлось собственностью помещиков и пасторатов 21718 хоз. единиц или 54,4%; покупных же крестьянских земель насчитывалось 11992 единицы или 35,6%. По количеству земли в 1900 году в руках помещиков было всего 77,7%, а выкупных крестьянских — 22,3%. (В число последних входят земли 66 сельских школ — 1211 дес.).

14 118 крестьянских участков платили аренду помещикам в размере 1 024 685 рублей. 5 862 кр. уч. по натуральной и отработочной арендной системе платили—352 480 руб. 50 коп. Вся аренда составляла сумму в 1 377 165 руб. 50 коп., к которой приходится причислять еще разного рода платежи — помещикам—283 133 руб. Крестьяне-собственники из покупной суммы 26 000 000 рублей платят ежегодно процентов 1 560 000 рублей в кредитную кассу дворянства (6% в год) и особых налогов — 312 000 рублей.

Итого крестьяне Эстляндской губернии ежегодно должны были платить помещикам 3 532 298 рублей.

Если рассматривать систему арендной платы, то получится, что более высокая арендная плата приходилась на маленькие крестьянские участки. Так, участки до 5 десятин платили аренду 7 руб. 57 коп. за дес.

Участки с 5— 10 десят.	платили аренду	3 р. 67 к.	за десятину.
» » 35— 40 »	»	2 » 72 »	»
» » 70— 80 »	»	1 » 35 »	»
» свыше 100 »	»	1 » 13 »	»

Если рассматривать земельные отношения в Лифляндской губернии по статистическим данным 1904 года, то мы получим следующую картину:

729 майоратских	имений с волостями	занимали . . .	3 153 977 дес. земли.
95 казенных	» » »	» . . .	536 400 » »
55 немайоратских	» » »	» . . .	54 151 » »
106 пасторатов	» » »	» . . .	49 665 » »

За майоратами числилось:

Помещичьей земли	1 664 315 дес. земли.
Квотной »	256 318 » »
Крестьянской »	1 233 314 » »

Из крестьянской земли было удобной всего 1 064 000 дес. и из них пахоты—300 000 дес. Если взять население Лифляндской губернии по переписи 1897 года, то в деревнях жило всего 900 000 человек. Помещичьих семейств насчитывалось всего 700 человек.

На каждого крестьянина приходилось $1\frac{1}{2}$ дес. земли и $\frac{1}{3}$ д. пахоты. Из крестьянской земли выкупной было 89%, арендной—11%. На помещичьей земле выкупных участков было 22 272 хоз. На казенной земле выкупных участков было 9 586 хозяйств.

По величине участки распределялись:

До	1	дес. пахоты	41	хоз. на помещицъей	369	хоз. на казен. земле.
С	1— 5	»	»	55	»	»
»	5— 10	»	»	40	»	»
»	10— 20	»	»	779	»	»
»	20— 30	»	»	4 075	»	»
»	30— 40	»	»	5 744	»	»
»	40— 50	»	»	4 550	»	»
»	50— 60	»	»	2 890	»	»
»	60— 70	»	»	1 782	»	»
»	70— 80	»	»	1 057	»	»
»	80—100	»	»	834	»	»
»	100—120	»	»	251	»	»
»	120—140	»	»	79	»	»
»	140—160	»	»	44	»	»
Свыше	160	»	»	42	»	»

Самое большое количество крестьянских участков на помещицъей земле приходится на участки с 20 до 80 дес., на казенной земле с 1 до 40 десятин, так что «казенные» крестьяне имели более мелкие участки.

В 1902 году 20 445 крестьянских участков было заложено в банк за 35 миллионов рублей (это составляет 90% всех участков). За 1894—1896 гг. было продано с молотка, как несостоятельные, 2 926 крестьянских участков. Эти данные доказывают, что, несмотря на высокий процент выкупных земель, они все почти были заложены и с года на год продавались с молотка, как несостоятельные хозяйства.

Крестьянство по своему положению никогда не было однородным. Такое же положение наблюдалось и в Лифляндии.

Крестьян мелких собственников было	29 815	семей.
» арендаторов	10 159	»
» батраков у крестьян	71 610	»
» » помещиков	23 428	»
» безземельных	137 982	»

Согласно переписи 1897 года, в Лифляндской губернии в деревнях насчитывалось 903 744 крестьянских души, из них 40 594 сем. $\times 5 = 222\,970$ чел. имели землю, а 685 504 чел. считались безземельных.

В Эстляндской губернии 155 000 человек имели землю, а 191 841 ее не имели.

Из материалов для особого совещания при вр. генерал-губернаторе Прибалтийского края составлена таблица на основе дополнительных данных 1901 года, из которых видно;

Крестьянское земельное и безземельное население.

Губерния.	Населе- ние.	Сельск. населен.		Безземельн. крестьян.	Процентн. отнош.	
		Всего.	Кре- стьян.		Ко всему на- селению.	К кре- стьянам.
Лифляндск. .	1 299 365	918 584 70,7%	887 198 96,5%	255 251	27,7%	28,7%
Курляндск. .	674 034	518 273 76,8%	471 577 90,9%	175 500	33,8%	37,2%
Эстляндск. .	412 716	335 635 81,9%	322 691 96,1%	68 227	20,6%	21,1%
	2 386 115	1 772 492 74,2%	1 681 466 94,8%	498 978	28,1%	29,6%

Примечание: крестьяне, пользующиеся землей, как-то: арендаторы, полужерники, а равно занимающиеся земледельческим трудом, в число безземельных не вошли. Безземельным считается каждый безлошадный двор.

Согласно этой таблице, к безземельным были отнесены только быбли или безлошадные двory, которых числилось на три губернии 28,1% всего населения, и 29,1% крестьян, что составляло почти $\frac{1}{3}$. Если же к ним прибавить сельско-хозяйственных рабочих и батраков, то первое вычисление гораздо ближе к истине: в соответствии с ним в Эстляндской губернии было безземельных 55,3% общего числа населения и в Лифляндской губернии—75,4%.

Безземельные крестьяне должны были наниматься в батраки, переселяться в города или же совершенно переселяться из Прибалтийского края. Действительно, из северной Эстонии за период 1881 — 1887 годов переселилось 26 000 крестьян, из которых только 50% или 13 000 переместились в города, а 50% должны были переселиться в Россию или эмигрировать в другие государства.

В продолжение XIX века крестьянство пережило несколько восстаний, и многие из крестьян ушли в Крым, на Кавказ, в Сибирь и в другие районы России, так что почти 50% всех эстонцев считалось разбросанными по России, не считая эмигрантов в других государствах, в частности—в Америке.

Что касается помещиков или балтийских баронов, то в Лифляндии их было всего 162 семейства:

66 семейств	имело по одному	имению.
64	»	» от 2— 5
19	»	» > 6—10

149 семейств владело 407 имениями; 13 семейств имели 211 имений; барон Вульф один имел 36 помещичьих усадеб площадью в 28 000 десятин, что составляет 8% из всей земли Лифляндской губернии.

Помещики пользовались 60% земли, а крестьянство только 40%. Средняя выкупная цена в Лифляндии была 120 рублей за десятину, средняя арендная плата 3 рубля 59 коп. Поскольку эти 40% земли крестьянам приходилось или выкупать, или арендовать у помещиков, — ясно, что крестьяне во всем экономически зависели от помещиков. Крестьянство же составляло огромное большинство населения.

Народонаселение Прибалтийского края.

Губерния.	Всего населения.	В городах.	В деревне.	% крестьян.
Лифляндская	1 299 365	380 781	918 584	70,7
Курляндская	674 034	155 761	518 273	76,89
Эстляндская	412 716	77 081	335 635	81,94

А при рассмотрении сельского населения в отдельности мы получаем:

Губерния.	Сельское население.	Дворяне	Духовенство.	Мещане.	Иностр.	Крестьяне.	Остальные.
Лифляндская	918 584	2 727 0,3%	1 268 0,14%	24 103 2,62%	1 904 0,21%	887 193 96,58%	1 384 0,15%
Курляндская	518 273	1 010 0,74%	442 0,08%	40 218 7,76%	1 066 0,21%	471 577 90,99%	3 960 0,22%
Эстляндская	335 635	1 542 0,46%	331 0,1%	9 336 2,78%	653 0,2%	322 691 96,14%	1 082 0,32%
Итого	1 772 492	5 279 0,3%	2 041 9,13%	73 657 4,16%	3 623 0,23%	1 681 466 94,81%	6 426 0,37%

Значит, в Лифляндской губернии 0,3% населения пользовалось 60% земли, а 96,58% населения пользовалось только 40% земли, или обратно: 96,58% сельского населения зависели от 0,3%, а при переводе всего этого на более понятный язык выходит, что от каждого дворянина, хотя бы он имел от роду только пару дней, зависели 322 чел. крестьян. Один—против 322. В Эстляндской губернии так же помещики (0,46% всего населения) пользовались почти 60%, а крестьяне — (96,14% населения) — только 40% земли, так что от одного дворянина зависело более 200 крестьян.

Только ничтожная часть крестьянства была свободна от произвола помещиков-баронов. Это были крестьяне, пользующиеся казенными землями.

Начальник управления земледелия и государственных имуществ Прибалтийского края от 14 ноября 1905 г. за № 28, сообщает, что в Лифляндской и Курляндской губерниях всего 730 казенных имений с площадью в 107 316 дес., что составляет лишь 1,6% общей площади земли. Из этих земель было, на основании закона 5 июля 1900 г., сдано в аренду к моменту сообщения 3 362,14 дес. или приблизительно 3%. Казенные лесные дачи и болота занимали 107 500 десятин, из которых годными для пользования были 16 000 дес.; из них было передано в аренду, начиная с 1902 г., 701,65 десятин. Из казенных земель можно было бы еще выделить 63 300 десятин. Безземельных же семейств в Курляндской губернии было 60 000 семейств, в Лифляндской губернии — 80 000 семейств, малоземельных в Лифляндской губернии — 7 000 сем., в Курляндской губ. — 8 000, всего 155 000 семейств, а земли 63 000 десятин, так что удовлетворить нужды крестьянства казенными землями не было никакой возможности.

Положение крестьян острова Эзеля выясняется по журналу совещания у комиссара по крестьянским делам Эзельского уезда, Лифляндской губернии. Согласно этих данных, в 1905 году в уезде было всего 230 000 десятин земли. Эта земля распределялась так:

Казенных земель в имениях под лесами	22 000	десятин.
Частновладельческих—мызных земель	51 000	»
Квотной земли	7 000	»
Крестьянской арендной земли.	60 000	»
Крестьянских выкупных земель.	80 000	»
Почтовых и неудобных казенных.	10 000	»

Вся эта земля распределялась на хозяйства:

Казенных мызных хозяйств.	27
Частных	73
Почтовых.	15
Пасторатов.	14
Деревень крестьянских	391

В 391 деревне дворовых участков	3 320
» » » бобыльских »	4 296
» » » » плацовых.	1 000

Крестьянского населения в уезде всего 30 743 мужчин и 34 736 женщин, всего—65 579 человек.

Крестьянское население, размещенное по дворовым участкам	40%
» » » » бобыльским »	30%
» » » » плацовым »	10%
» » » » безземельным »	20%
Итого	
	100%

Из дворовых участков на выкупном праве было всего 1 573 двора с 75 000 дес. земли или же только $\frac{1}{3}$ территории уезда.

Если рассматривать бобыльские участки, то из них

имеют только площадь под дом.	$\frac{1}{4}$
» до полудесятины земли.	$\frac{1}{8}$
» от 1 до 4 десятин »	$\frac{1}{2}$
» » 4 » 7 »	$\frac{1}{8}$

Большинство населения (безземельных 20%, плацовых 10%, бобыльских 24%) 54% не могло прокормиться у себя в уезде и должно было подыскивать работу на стороне, на континенте, землекопами и т. д. Та часть, которая находила работу в уезде, еле-еле могла прокормиться на этот заработок.

Батрак на своих харчах за 160 рабочих дней (с 23 апреля по 30 сентября) получает:

10 пур ржи по 2 р. 50 . . . =25 руб. — коп. (пура=20 гарнцам).	
10 » ячменя по 2 р. 50 к. =25 » — »	
1 кюлимат пшеницы . . . =— » 70 » (кюлим = 4 гарнцам).	
2 «куска» сенокоса 2 » — »	
$\frac{1}{2}$ чурного места картофеля. 1 » — »	
На косу деньгами: 1 » — »	

Итого 54 руб. 70 коп.

Средний дневной заработок мужчины при своих харчах был 34 коп., заработок женщины считается на 5 коп. меньше, т.-е. 29 коп. По оплате батраков помещиков можно разделить на четыре группы:

У одних дневной заработок мужчины.	34 коп.
» других » » »	32,5 »
» третьих » » »	35,6 »
» четвертых » » »	46,2 »

В зимний период работы было слишком мало, и не все ее могли найти. Счастливицы зимою на своих харчах получали в среднем за день 25 копеек.

У крестьян средний летний заработок в день был 50 коп.

Положение батраков Эзельского уезда было одним из самых худших. Имея заработок лишь в летние месяцы, они на всем своем получали в среднем только 34 коп. в день; поэтому они могли питаться только сеledкой и хлебом, о мясе, конечно, говорить не приходилось.

На основе материалов совещания при генерал-губернаторе в 1907 году можно установить положение сельско-хозяйственных рабочих и батраков и других уездов. Батраки на континенте по своему заработку делятся на 1) ландкнехтов (вознаграждение землей), 2) полужерников — «Halbkörner» (отдающие за пользование землей половину получен. зерна), 3) половинников — «Hälftner» (отдающие половину валового дохода), 4) депутатов — «Deputat» (получающие вознаграждение, кроме денег, квартиры, еще продуктами), 5) батраков — «deputatischen», «moona-mees», 6) сдельных рабочих — «Accordarbeiter» «kwaartneeks», «tükitöömees».

Система оплаты труда в Прибалтийском крае весьма разнообразна, чему и соответствует большое количество названий.

Рабочий день в Эстляндской и Лифляндской губерниях в среднем в летнее время равняется 14 часам, зимою — 10 час., в Юрьевском уезде рабочий день в летнее время доходит даже до 18 час.

За такой продолжительный рабочий день в Прибалтийском крае средняя заработная плата до 1905 г. была:

в Курляндской губернии . . .	83 коп.	(вместе с женой)	и 65 к.	холостому
» Лифляндской » . . .	71 »	» » » »	» 60 »	»
» Эстляндской » . . .	57 »	» » » »	» 45 »	»

Средняя годовая плата батраку в Лифляндской губернии:

У помещиков холостому . . .	145 р.	женатому — с женой . . .	184 р.
» крестьян » . . .	144 »	» » » »	181 »

По другому вычислению того же совещания, средний годовой заработок равнялся:

В Лифляндской губ. семейного . . .	206 руб.	холостого . . .	173 р.
» Эстляндской » » . . .	165 »	» » » »	139 »

По материалам того же совещания минимальный расход батраков Вольмарского уезда, Лифляндской губ. равнялся: у холостого — 146 руб. 80 коп., у семейного — 217 руб. 50 коп. У семейного ежегодный недостаток таким образом равнялся 11 руб. 50 коп.

Заработная плата у семейного батрака слагалась следующим образом:

в Курляндской губ. . .	17,9 ⁰ / ₀	деньгами,	7,5 ⁰ / ₀	квартирой,	74,6	продукт. = 100 ⁰ / ₀ .
» Лифляндской » . . .	32,6 ⁰ / ₀	»	7,4	»	60,0	» = 100 ⁰ / ₀ .
» Эстляндской » . . .	27,8 ⁰ / ₀	»	13,3	»	58,9	» = 100 ⁰ / ₀ .

Отсюда средний заработок семейного батрака для края состоял из 25,3% деньгами, 9,4% квартир., 65,3% продукт. = 100%.

Заработная же плата холостого батрака слагалась (исключая довольствие) из следующего:

В Курляндской губ.	из 50,7%	деньгами,	49,3%	квартирой.	
» Лифляндской	» »	41,0%	»	59,0%	»
» Эстляндской	» »	41,0%	»	59,0%	»

Средний заработок в крае равнялся 44,6% деньгами и 55,4% квартирой.

Эти цифры сами довольно красноречиво говорят о положении батраков и безземельных крестьян Прибалтийского края в то время. Если к этому еще прибавить, что не все безземельные могли найти в сельском хозяйстве приложение своему труду, то плачевное положение крестьянства станет совершенно очевидным. Крестьяне постоянно искали выхода из такого невыносимого положения, тем более, что за последнее время, благодаря применению сельско-хозяйственных машин, помещики перестали нанимать семейных рабочих. Все это увеличивало число безработных и ухудшало общее положение безземельных крестьян, тем более, что города не могли использовать всех свободных рабочих рук в крае. Часто крестьяне с котомкой за спиной пускались в Россию подыскивать работу или клочок земли для того, чтобы хоть куда-нибудь приложить свой труд и найти пропитание. Поскольку в крае большая часть земли находилась в руках у помещиков и крестьяне зависели от их «доброй» воли, — вполне понятна и та ненависть, которую они питали к помещикам-баронам. Даже царский чиновник был вынужден писать:

«Крестьяне эти, равно как и проживающие в имениях, находятся в полной зависимости от собственников имений в отношении размеров арендной платы и покупных цен на участки. В виду сего, если еще не настало время для перевода означенных крестьян на обязательный выкуп, то во всяком случае *было бы необходимым принять какие-либо меры к ограничению произвола собственников* при назначении арендных и продажных цен, на что крестьяне очень часто жалуются.

«По поводу крестьян помещики говорят, что многочисленные их ходатайства о сдаче им в аренду или о продаже в собственность казенных земельных, оброчных статей должны быть объяснены не нуждой в земле, но стремлением со стороны дворохозяев и малоземельных крестьян увеличить площадь принадлежащей им земли, а также тем, что в крестьянской среде все более укрепляется уверенность в получении от казны различных земельных льгот.

«Только-что приведенные мнения представителей лифляндского дворянства я не могу разделять, так как из общего числа,

поступающих в управление от крестьян ходатайств об удовлетворении их земельной нужды, большая часть исходит именно от крестьян безземельных и лишь меньшая часть от мало-земельных.

«Что касается указания представителя лифляндского дворянства на несоответствие арендного спроса на частновладельческие земли их предложению, то я полагаю... что отсутствие спроса сплошь и рядом свидетельствует лишь о неприемлемости предлагаемых арендных условий.

«По местным для Лифляндии сельско-хозяйственным и обще-экономическим условиям не должен быть менее 25 десятин участков по расчету — 10 десятин пашни, 10 десятин выгону, 5 десятин луга, так как лишь при такой величине участка арендующие их крестьяне не будут нуждаться для удовлетворения всех своих потребностей в сторонних заработках»...

(Господину Главноуправляющему Землеустройством и Земледелием от начальника Управления Земледелия и Государственных имуществ прибалтийских губерний за № 28 от 14 ноября 1905 года, Рига).

Г. Правовое устройство, как средство притеснения крестьян.

1. Положение местного самоуправления.

Местные самоуправления, за исключением волостных, в прибалтийских губерниях полностью находились в руках помещиков дворянских ландтагов. Ландтаги заботились о благополучии местного населения гораздо меньше, чем земства в России. Если сравнивать, хотя бы поверхностно, заботы земства с заботами ландтагов, то получается, что земства расходовали на каждого человека по 1 руб. 31 коп., в иных местностях даже более 3 руб. 50 коп., ландтаги же в Лифляндской губернии — всего по 1 руб. 23 коп., в Эстляндской губ. — 1 руб. 15 коп. Если же раскинем расходы по статьям, то получим:

Земства расходовали	на санитарию	по 29,3 к.	на каждого человека.
Ландтаг в Лифляндии	»	» 11,2	»
»	» Эстляндии	» 20,2	»

Эти расходы в смете земства составляли 29,9%, а в смете ландтагов в Лифляндии — 9,1%, в Эстляндии — 17,6%.

На народное просвещение земства в среднем расходовали по 24,7 коп. на каждого человека, в Лифляндии — 4,3 коп., в Эстляндии — 1,1 коп., что составляет в смете земств 18,9%, а в Лифляндии — 3,5%, в Эстляндии — 1,0%.

Больше заботились ландтаги о дорогах, но перелагали всю тяжесть этой заботы на крестьянство.

Сбор в пользу ландтагов в Лифляндии составлялся следующим образом:

От помещичьих земель . . .	1 655 476 дес. по	5,9 к. с десятины =	99 260 руб.
» кватных » . . .	257 576 » »	13,9 » »	= 35 970 »
» крестьянских » . . .	1 231 142 » »	12,7 » »	= 157 050 »

Поскольку на кватных землях жили батраки, — плату в пользу ландтага вносили они так, что от крестьян с десятины брали плату в 2½ раза больше, чем с земли помещиков. В общем количестве, несмотря на то, что земли в пользовании у крестьян было меньше, чем у помещиков, крестьяне все же платили в два раза больше, чем сами помещики.

Согласно данных ревизии сенатора Манассеина в Лифляндской губернии починка дорог ежегодно обходилась более миллиона рублей, из каковой суммы крестьяне покрывали 96,3%, а помещики только 3,7%.

В 1905 году почта Лифляндской губернии обошлась:

Крестьянам деньгами . . .	46 202 руб.,	натурой . . .	9 214 руб.
Помещикам » . . .	23 635 »	» . . .	2 287 »

Так что, согласно вычислению Тобиена, почта крестьянам стоила 55 416 руб., помещикам 25 942 рубля. Иначе говоря, из почтовых расходов на крестьян пало 68%, на помещиков только 32%.

Если взять крупные подати в Лифляндской губернии, то мы опять видим, что тяжесть податей и здесь падала всецело на крестьян:

П О Д А Т И.	Поме-	Кре-	Всего.	%
	щичи-	стьяне.		
В р у б л я х.				
Земельные подати без островов (1908 г.)	99 260	222 280	321 540	14,38
Земельные подати на островах (1905 г.)	5 234	13 789	19 023	0,85
Приходские подати (1897 г.) . .	38 170	29 543	68 013	3,04
Натур. подати (1886—1900 гг.) .	41 132	451 869	493 001	22,06
Волостные подати (1904 г.) . .	—	1 333 733	1 333 733	59,67
И т о г о	184 096	2 051 214	2 235 310	100

Из суммы податей крестьянам приходилось платить 91,7%, а помещикам лишь 8,3%. Значит, помещики правили, помещики расходовали, а вся тяжесть расходов на местное самоуправление ложилась на крестьянство (Н. Круус—«Jaan Tõnisson», стр. 14).

Ко всему этому необходимо добавить монопольные права помещиков; монополией их являлось:

1. Винокурение, пивоварение, содержание трактиров, пивных и т. д.
2. Учреждение посадок, устройство ярмарок, рынков и т. д.
3. Содержание мызной полиции.
4. Право охоты во всех лесах, право рыбной ловли во всех водах.
5. Устройство мельниц, фабрик, заводов и т. д.

Крестьянам предоставлялось право платить подати, не разговаривать и иногда обрабатывать землю. Все же в руках крестьян находились волостное правление и волостной суд. Здесь правили крестьяне-собственники, арендаторы или хозяева. Они в свою очередь налегали на безземельных и батраков, которые составляли большинство населения. Так, в 1904 году волостные правления облагали подушной податью всех крестьян, начиная с 14-летнего возраста, по 4 руб. 53 коп. в среднем; несмотря на то, имел ли он заработок или нет,—платить должен был каждый. Насколько тяжелой и невыполнимой была эта подушная подать, можно заключить из данных 1897 года, когда остались не уплаченными 64,9% всех волостных податей.

2. Патронатное право.

Патронатное право всю тяжестью опять ложилось на крестьянство. По этой линии крестьянство вело большую тяжбу с помещиками, тем более, что патронатное право касалось не только экономических интересов крестьянства, но и его интересов в отношении «святой» веры и служения своему богу.

О патронате и церковных повинностях имеется большая литература, этот вопрос разработан всесторонне, но мы, пользуясь архивом генерал-губернатора, приведем данные, составленные Крпоткинским специально для особого совещания.

1. Церковно-пасторскими доходами являлись:

1. Доходы от земель и угодий пастора и кюстера.
2. Повинности издельные (работа в известные дни в пасторате).
3. Натуральная повинность (приношения разных видов: дичи, яиц, дров и т. д., всего 46 видов).
4. Плата за требы.
5. Прочие доходы—кошельный сбор и т. д.
6. От корчмарей и лавочников (при каждой церкви были корчма и лавка).

II. Церковно-строительные повинности.

Ремонт и постройки церквей и зданий пастората производились за счет волости и прихода, при чем помещик отпускал материал, крестьяне его подвозили, давали солому и т. д. на постройку. Эти повинности были определены законом 28 декабря 1832 года.

В Эстляндской губ. в 48 приходах удобной земли . . .	11 997 дес.
» » » » » неудобн. » . . .	696 »

Всего . . . 12 693 дес.

В Лифляндской губ. в 120 приходах удобной земли . . .	44 162 дес.
» » » » » неудобн. » . . .	4 732 »

Итого . . . 48 894 дес.

В городах Риги и Вольмара удобных земель	726 дес.
» » » » » неудобн. »	45 »

Итого . . . 771 дес.

На острове Эзеле удобных земель	10 957,53 дес.
» » » неудобн. »	1 362,51 »

Итого . . . 12 320,04 дес.

В Курляндской губернии удобной земли	20 385 дес.
» » » » » неудобн. »	4 100 »

Итого . . . 24 485 дес.

§ 459 устава евангелическо-лютеранской церкви, который вошел в свод местных узаконений 1845 года (ст. 927, II часть), гласит: «Данные на содержание проповедников, пасторские видмы (земли), так называемые милостивые гакены и другие земли составляют собственность церкви; духовенству же принадлежит право пользования ими, получение неотъемлемо всех доходов и внутреннее управление имениями».

Кроме церковных земель в распоряжении пасторов находились и крестьянские земли:

В 1905 году в Лифляндской губ. без Эзеля у пасторов было крестьянской земли	22 259 дес.
---	-------------

В 1905 году в Эстляндской губ. у пасторов было крестьянской земли	7 311 »
---	---------

В результате крестьяне зависели экономически не только от помещиков, но и от своих духовных отцов-пасторов.

Таким образом, если присмотреться поближе к патронату, то мы увидим, что крестьяне являлись рабами помещиков не только экономически и политически, но и духовно. Даже бог был в распоряжении баронов.

В Риге церковь «Святого Духа» и в Ревеле «Вышгородская» управлялись церковным советом, называвшимся коллегией или конвентом; он состоял из 4 или 12 членов, избранных на 3 года церковными старостами или попечителями.

В других церковных приходах—церквями управляли церковные попечители (Kirchen-Vorsteher), подчиненные или церковным инспекциям, магистратам городов или главным церковным попечительствам (Ober-Kirchen-Vorsteher-Aemter).

Церковные попечители избирались на три года церковным конвентом; церковный конвент состоял из владельцев дворянских вотчин. Так как дворянские вотчины не продавались, а передавались в семействе по линии дворянского сословия (рыцарства), то не все крупные земельные собственники могли быть попечителями церкви, а лишь одни потомки рыцарей. Даже либерально-буржуазный дух не мог проникать в церковный конвент. И только на техническую работу, от которой «рыцари-меченосцы» отказывались, в помощь попечителям назначались или выбирались из крестьян-собственников церковные старосты (Kirchen-Vormünder, Sechsmänner und Unter-Kirchen-Vorsteher). Старшина подчиняется попечителю и пастору, в его обязанности входит надзор за порядком, надзор за учительством и т. д. Старшина является своего рода церковным полицейским, а для того, чтобы полицейские не были крамольниками, они «избирались» только от зажиточных крестьян-собственников, из числа так называемых «серых баронов».

Иногда этих «серых баронов» называли «серыми баранами», поскольку они должны были послушно исполнять волю и желания попечителя или пастора.

Схема церковного управления была следующая:

1. Управляет церковью и приходом церковный конвент или собрание из дворян-помещиков.

2. Исполнительной властью являются церковные попечители, избираемые конвентом из своей среды на три года.

3. Церковная полиция—старосты из зажиточных крестьян, непосредственно подчиненные попечителю и пастору.

Главные попечители в уездах избираются на ландтагах из дворян-помещиков. Самая высшая власть—генеральная консистория, состоящая из пасторов и дворян-помещиков. Дело производится, конечно, на немецком языке.

Попечители и конвент сами назначают в приходы пасторов, определяют им плату и т. д.

Ни один пастор, поскольку он выбирался помещиками, не мог быть сторонником местного крестьянского населения. Он должен

был быть или слугой помещиков или же происходить из их среды и служить им на пользу.

Поэтому и понятен девиз церкви—«Kes on loodud orjama, see orjaku heameelega»—«Кто создан рабом, тот пусть будет рабом».

Крестьянство было устранено от церковного управления, от выборов пастора и должно было рабски переносить все, что делали помещики-дворяне.

Главой церкви—богом на земле—был тот же дворянин-помещик.

Д. Промышленное положение края.

Эстония занимала площадь в 37 468,6 кв. верст с 958 351 человеком населения в 350 волостях и в 10 городах.

Эстонцев по переписи 1897 года было 867 794 человека, т.-е. 91% всего населения.

Население по уездам распределялось следующим образом:

ГУБЕРНИЯ И УЕЗД.	Простран- ство (кв. в.)	Число во- лостей.	Число го- родов.	Колличес- тво насе- ления.	Эстонцев.	%/о.	Лагтшей.
Эстляндская.							
Ревельский	5 026,4	35	2	157 736	130 819	82	290
Везенбергский	5 629,0	36	1	120 230	108 522	90	106
Вейсенштейнский	2 522,9	19	1	56 673	50 971	89	33
Гапсальский	4 128,0	39	1	82 077	76 647	92	43
Итого	17 306,3	129	5	412 716	365 959	89	472
Лифляндская.							
Веррокский	3 601,1	48	1	97 185	90 060	93	3 371
Перновский	4 678,3	42	1	98 123	92 265	94	671
Юрьевский	5 620,6	68	1	190 317	165 101	87	790
Феллинский	3 766,0	45	1	99 747	96 872	97	130
Эзельский	2 496,3	18	1	60 263	57 537	96	36
Итого	20 162,3	221	5	545 635	501 835	92	4 998

Несколько эстонских волостей или деревень имелось в то время и в Валкском и Вольмарском уездах, где насчитывалось 12 361 эстонцев.

Прирост населения и рост городов характеризуются следующими цифрами:

В Ревеле в 1871 году было 30 000 жителей.
 » » » 1889 » » 50 000 »
 » » » 1897 » » 64 000 »
 » » » 1909 » » 90 000 »

В Юрьевском уезде в 1882 г. было . . 147 926 жит., в 1899 г. . . 151 256 жит.
 » Феллинском » » » » 90 183 » » » » 93 455 »
 » Верроском. » » » » 88 221 » » » » 95 649 »
 » Перновском » » » » 81 182 » » » » 82 175 »

Рост населения городов.

Г О Р О Д А.	1871 г.	1881 г.	1897 г.
Ревель	31 269	50 488	64 572
Гапсаль	2 203	2 884	3 212
Вейсенштейн	1 718	2 000	2 507
Вейзенберг (1874 г.)	3 159	3 509	5 890
Балтийский порт	837	933	900
Юрьев (1860 г.)	13 869	29 974	42 421
Пернов	6 799	12 966	12 856
Феллин	2 309	5 325	7 659
Верро	1 496	2 697	4 151
Аренсбург	3 367	3 454	4 621
Всего	67 026	114 230	148 789

С 1871 года по 1897 год население городов увеличилось с 67 026 человек до 148 789 человек. Рост городского населения показывает, что развитие капитализма шло довольно быстрым темпом.

В Ревеле уже в 1825 году была основана писчебумажная и картонажная фабрики, в 1828 году—машиностроительный завод Гутти, в 1831 году—кожевенный завод Грюнвальда, в 1834 году—суконная фабрика в Синди (близ Пернова), в 1857 году—Кренгольмская мануфактура в Нарве, в 1858 году—суконная фабрика в Квелленштейне и т. д.

По отчетам губернаторов, промышленность в Ревеле развивалась следующим образом:

Г О Д Ы.	Колич. фабрик и заводов.	Колич. рабочих.	Стоимость продукции.
1860	6	115	200 486
1887	32 ¹	749	144 978
1890	29	1 034	7 747 225
1895	45	1 984	8 387 225
1900	70	7 268	12 339 435
1905	65	6 981	15 126 667
1910	77	7 893	23 485 140
1914	98	16 188	35 098 741

Если сравнивать ценность продукции 1860 года—200 486 р. с ценностью продукции 1905 года—15 126 667 рублей, то видно, что промышленность выросла в 75 слишком раз. Такую же картину получаем мы при сравнении торговых оборотов города Ревеля.

Торговый оборот ревельского порта:

1870 г. вывоз = 1 250 000 руб. ввоз = 3 560 000 руб.
 1900 » » = 32 000 000 » » = 56 400 000 »

Доход от таможенных пошлин:

В 1771 году было 329 000 руб.
 » 1899 » » 15 000 000 »

Внутренняя торговля (морская):

В 1880—1884 году ввоз = 561 843 руб. вывоз = 222 372 руб.
 » 1900—1904 » » = 9 194 612 » » = 6 206 850 »

Внешняя торговля через ревельский порт:

В 1871 г. ввоз = 9 916 794 руб. вывоз = 2 863 538 руб.
 » 1890—94 » » = 36 342 729 » » = 15 189 487 »

¹ Из них 23 фабрики.

Как видно из этих данных, гор. Ревель сделался центром торговли и промышленности Эстонии, и развитие капитализма шло быстрым темпом, на что указывает и товарооборот в других пунктах. Так, например, торговый оборот города Пернова в 1880 году равнялся уже 8 746 163 руб. Весьма показателен товарооборот по Северо-Западной жел. дороге: ввоз по этой дороге в 1880—1884 гг. составлял 15 612 458 пудов, а в 1900—1904 гг. уже 24 954 280 пудов; вывоз за те же годы—10 862 227 и 11 688 734 пуда.

Фабрично-заводская промышленность развивалась и в других городах. В Юрьеве в 1860 году имелось 2 сигаро-заготовительные фабрики и 44 кустарные предприятия; а в 1878 г. 76 предприятий с 5 и более рабочими (всего 1 318 рабочих) и 429 кустарных предприятий с 1 035 рабочими.

Рабочих в Юрьеве в 1878 г. было	2 749 чел.
» » » » 1897 » »	5 571 »

На развитие промышленности указывают также факт уничтожения в 1866 г. цехового положения, постройка в 1870 г. железной дороги и т. д. Особое значение для развития капиталистического Ревеля имела постройка нового порта в 1885 году и военного порта в 1901 г.

Развитие капитализма влияло и на социальные отношения. Раньше полными господами положения в городах и деревнях являлись дворяне-помещики или бароны, а теперь, по мере развития капитализма и промышленности, стали нарождаться новые классы: буржуазия и пролетариат. В связи с появлением этих новых классов и классовая борьба принимает совершенно новый оттенок. Буржуазия, недовольная своим подчиненным положением, втягивает в борьбу с бароновщиной и с остатками феодализма все недовольные и революционные элементы.

Так, городская буржуазия в 1877 г. добивается нового городского уложения, а в 1882 году в Ревеле новая буржуазия выступает на городских выборах, уже как самостоятельная сила, под именем эстонской партии. В 1904 году буржуазия—эстонская и русская—добивается большинства в городском самоуправлении, и тогда же выдвигаются новые политические буржуазные фигуры, как Темант, Пунг, Поска, Пятс, Штрандман и другие. Будучи революционерами в борьбе против остатков феодализма и против колониального положения страны, все эти буржуазные революционеры, добившись власти в самостоятельной Эстонии, превратились в ярых реакционеров, и теперь на Теманта, Пятса и других смотрят, как на палачей рабочего класса.

Кроме буржуазии выдвигается и рабочий класс. Он начинает вести борьбу и против феодалов и против новой буржуазии.

Так, по данным фабричных инспекторов, в 1897 году были 2 стачки с 1182 участниками, а в дальнейшем стачки становятся обыкновенным явлением. Сила рабочего класса росла и количественно и качественно. В 1901 году насчитывалось уже 15 438 фабрично-заводских рабочих.

Е. Политические течения и партии до 1905 года.

Национальное движение в Эстонии выявляется уже в 50-х и 60-х годах, с каждым годом усиливаясь, расширяясь и углубляясь. Особенно большую роль в национальном движении сыграли редактор почти первой эстонской газеты «Perno Postimees» Янсон, поэтесса Койдула, Крейцвальд, издававший «Kalevipoeg» (эпос эстонского народа как, в России богатырский эпос, а у финнов «Kalevala») и т. д. Наиболее прогрессивную и национально выявленную позицию занимал редактор Якобсон со своей газетой «Sakala». Якобсон вел ожесточенную борьбу за национальную культуру, за раскрепощение эстонского народа от немецких баронов. Якобсон в одном из своих писем к Койдула (от 28 апреля 1870 года) пишет: «Со стороны русских нам нечего бояться, что же может быть от них скверного,—мы на своих спинах тащим в десять раз больше от немцев. Превратить наш народ в русский никто не сможет и не имеет права, как видно по ингерманландцам—финнам... Если настоящая власть немцев продолжится еще десять лет, то конец нашему народу, и название эстонца упадет на уровень названия цыгана...»

Ненависть к балтийским баронам и их культуре, все углубляясь, постоянно подымала национальное самосознание эстонского народа, которое выявлялось в устройстве различных общественных организаций, как, например, «Общества эстонских литераторов», «сельско-хозяйственных обществ», «певческих обществ», в организации краевых певческих празднеств и т. д.

В 1880 году, по инициативе «Общества эстонских литераторов», эстонские общества выделили делегацию в 18 человек и направили ее в Петербург для предъявления своих требований—просьб. Требования состояли из девяти пунктов и главным образом касались аграрных отношений и школьного дела.

Пребывание делегации в Петербурге имело свои последствия: в 1882—1883 г. посетила Лифляндскую и Курляндскую губернии ревизия во главе с сенатором Манассеиным.

Эстонский литератор Гренцштейн приветствует ревизию и дни ревизии называет «днями радости»—«gõõmu päevad».

Ревизия, действительно, выяснила бесправное положение крестьянства и произвол помещиков, и в результате ее началась руссификация края. В 1882 г. в воинских присутствиях вместо

немецкого языка ввели русский язык. В 1887 году школьными инспекторами назначаются русские, в школах вводится русский язык. В 1882 году на место немецких судей сажают русских. В 1893 году Дерптский университет получает название Юрьевского и т. д.

В период 1880—1890 гг. в Эстонии начинает выходить несколько новых газет, при чем вместо газет с немецким направлением издаются руссификаторские, как напр., «Walgus» в Ревеле; на-ряду с этим появляются газеты и национально-прогрессивного направления: в Ревеле «Wirulane», в Юрьеве «Postimees» и более радикальная «Olevik».

Шаховской, в отчете министру внутренних дел от 22 сентября 1892 года за № 213, описывая положение в эстонских партиях, нападает, главным, образом на газету «Olevik» и на ее редактора Гренцштейна, который будто бы руководит оппозиционными группами. Шаховской считает его влияние настолько большим, что приписывает этому влиянию волнения рабочих на Кренгольмской мануфактуре в 1892 году в Нарве; Шаховскому, вероятно, не было известно, что и без Гренцштейна там же в 1872 году были большие волнения рабочих, число которых тогда уже достигало 6 000 человек.

Шаховской в предложении департаменту полиции от 13 января 1893 года за № 10 об обществе «грамотных» эстонцев в городе Дерпте пишет, что в результате новой правительственной политики немецкий сепаратизм с девизом — «Baltischtum ist Deutschtum; Deutschland über alles; hier kennen wir keine Russen, Esthen, Letten oder andere, hier sind nur Deutsche ¹» за 8 лет потерял свое значение, но возникла более опасная группа и более сильная с девизом «Эстония эстонцам» — «*Eestimaa eestlastele*».

Это мелкобуржуазное—националистическое течение не представляло опасности для политики руссификации, так как оно, главным образом, было направлено против балтийских баронов. Самодержавию же оно было опасно, ибо устоями царизма в Прибалтике были те же немецкие бароны-помещики.

В 90-х годах оформляется новое национально-клерикальное течение во главе с редактором старинной газеты «Postimees» Яном Тениссоном. «Postimees», ведя больше полвека борьбу с немецкими баронами, к 1905 году становится официозом эстонской буржуазии. Буржуазия же сама оформляется в партию прогрессистов «Eduerakond».

Эта буржуазно-националистическая партия складывалась из развивающейся националистической торговой и промышленной буржуазии, из крестьян кулаков-собственников (серых баронов)

¹ Балтика это Неметчина; Германия выше всех; здесь мы не видим русских, эстонцев, латышей, ни других, здесь только—немцы.

и из той небольшой части пасторов-эстонцев, которым при помощи помещиков удалось получить пастораты и приходы. В образовании этой группировки некоторое значение имели и помещики.

Поскольку в девяностые годы появляются социалистические течения, начинается организация пролетариата и рост забастовочного движения,—буржуазная партия начинает искать себе союзников.

В 1897 году в своем органе «Postimees» буржуазия признает большую заслугу за помещиками в культурном развитии народа («Postimees», № 94). В том же году «Postimees» призывает помещиков к совместной работе и к взаимному доверию (№ 259).

В 1900 году «Postimees» в № 220, признавая политику мелкобуржуазной газеты «Olevik» вредной и не этичной, поскольку «Olevik» возбуждает ненависть к помещикам-немцам,—считает, что между эстонцами (крестьянами. Я. П.) и немцами (помещиками. Я. П.) должны быть дружеские отношения.

В 1904 году «Postimees» в № 40 требует в органах местного самоуправления равноправия с помещиками для того, чтобы совместно работать на общую пользу.

К 1905 году буржуазно-клерикальная партия «Eduerakond» нашла союзников в лице помещиков—немецких баронов.

Другое течение в эстонском национальном движении, основоположниками которого являются Якобсон с газетой «Sakala» и Гренцштейн с газетой «Olevik», как течение мелкобуржуазное, к 1905 году приняло социалистическую окраску. Из этого течения постепенно развивалось и воспитывалось социалистическое направление. Появлению социализма, кроме экономических и политических предпосылок, содействовало и культурное влияние журналов «Lõbu ja Teadus», «Rahva lõbuleht» и произведения писателей Эд. Вильде, Петерсона и других. Кроме влияния этой литературы, громадное значение имела и немецкая социал-демократическая литература. В Эстонии одиночки социал-демократы работали уже в 80-х и 90-х годах, не говоря уже о 900-х годах, когда в Ревеле и в Юрьеве образовались социал-демократические кружки.

К 1905 году национальное развитие и борьба политических течений приняли уже определенную форму и вылились в три основных партии—течения:

Первая—буржуазно-клерикальная партия Яна Тениссона. Партия, которая искала поддержку у помещиков и баронов и опиралась на национальную торгово-промышленную буржуазию, на серых баронов и пасторов. Центром ее деятельности был гор. Юрьев.

Вторая—социал-демократическая рабочая партия с газетой «Uudised» и с редактором Спек и социал-демократич. работниками: Мартна, Вильде, Аст, Рей—меньшевики, Руга (умер), Кес-

Юля, Янсон, Гроссман и другие—большевики. Социал-демократия опиралась на рабочий класс, на большинство крестьян и студенчество. Центрами ее работы были Ревель и Юрьев.

Третья—мелкобуржуазная партия с социалистической окраской, с газетой «Teataja», во главе которой были адвокаты—Пяте, Темант, Штрандман, Пунг, Олеск, журналисты—Пегельман и другие.

Эта группа опиралась на мелкобуржуазную интеллигенцию, но стремилась увлечь за собой рабочих и крестьян. Группа действовала, главным образом, в Ревеле.

Ж. Выводы.

Какие же выводы можно сделать из предпосылок революции пятого года?

1. Аграрные отношения к пятому году дошли до того, что в Лифляндской губернии 0,3% населения пользовались 60% земли, в Эстляндской—60% земли пользовалось 0,46% населения, при чем безземельного крестьянского населения в Лифляндской губернии было 75,4%, в Эстляндской губернии 55,3%. Кроме того в Лифляндской губернии 96,58% и в Эстляндской 96,14% населения были бесправны: экономически, политически и даже духовно зависели от 0,3% и 0,46% населения—помещиков-дворян. Первые платили из общей суммы податей 91,7%, а вторые лишь 8,3%.

Такие отношения дальше продолжаться не могли, они должны были вызвать взрыв недовольства, тем более что к 1905 году крестьяне имели свои культурные общества и газеты, и самосознание их было уже в достаточной степени определено.

2. Промышленное развитие к пятому году дошло до того, что количество фабрик и заводов увеличилось, хотя бы только в одном Ревеле, с 6 в 1860 году до 65 в 1905 г.; число рабочих за тот же период дошло с 115 до 6981. Ценность продукции увеличилась с 200486 руб. до 15126667 руб. и т. д.

3. Рабочий класс осознал самого себя, он через стихийную борьбу пришел к оформленной социал-демократической организации и увидел перед собою промышленную буржуазию, а над ней балтийскую бароновщину с российским самодержавием, которые все время давили его, как экономически и политически бесправного раба.

4. Буржуазия почувствовала свою экономическую силу, культурное превосходство над дворянством и остальными классами края, свою политическую зависимость от дворянства и самодержавия. Она начинает мечтать о конституции, о равноправии с дворянством и для этой цели хочет использовать крестьянство и пролетариат.

5. Мелкая буржуазия, придавленная крупной буржуазией, дворянством и царизмом, беспомощная экономически и политически, бросается в борьбу, но с опаской за частную собственность.

6. Национальный гнет дворянства и царизма над пролетариатом, крестьянством и националистической буржуазией заслоняли собой ясность классовых интересов.

ГЛАВА II.

1905. год.

А. Период агитации и петиций.

Оживление революционного движения в Эстонии обозначилось в начале XX века, когда образовались социал-демократические группы среди интеллигенции Юрьева и среди рабочих Ревеля. Частичное влияние на образование юрьевской группы, кроме РСДРП, оказала латышская социал-демократическая рабочая партия, члены которой работали среди юрьевского студенчества. Один из основоположников юрьевской группы Карл Янович Руга, студент Юрьевского университета, непосредственное социал-демократическое воспитание получил в Риге, где он учился в конце XIX века. Поступив в Юрьевский университет, он начинает вести активную парторботу. В 1904 году социал-демократическая агитация захватывала уже широкие слои населения.

Руга, хороший агитатор и хорошо знакомый с жизнью масс, объезжал в целях агитации Лифляндию и Эстляндию и всегда умел завоевать массу. Кроме него и до него работали и другие социал-демократы в Юрьеве, так что юрьевская группа проделала большую работу. Так же образовалась ревельская социал-демократическая группа, где уже в 90-ые годы читалась социал-демократическая литература Германии. Более оформленный вид приняла работа только в 1903 году, когда образовались кружки. На Ревель особое влияние оказали РСДРП и высланные в Ревель члены партии, напр. М. Калинин и другие. Активным работником в Ревеле до пятого года можно считать Дебуа, но в 1904 году работали уже и ревельские рабочие, как Леберехт, Кирик, Кунигас и другие.

В 1904 году агитация и пропаганда перебрасываются и в деревню. Там образуются кружки самообразования или, как их называли, кружки для чтения «Lugemisingid». В этих кружках, образованных без ведома властей, и велась социал-демокра-

тическая пропаганда. Одним из вдохновителей этих кружков был тот же т. Руга.

Социал-демократическая пропаганда была направлена в первую очередь против войны, против помещиков и против царизма.

На-ряду с социал-демократией действовала и радикальная буржуазия, в особенности в Ревеле, где она в 1904 г. получала большинство в городской думе.

Поскольку революционное движение было направлено в первую очередь против помещиков, немецких баронов, постольку эта радикальная группа буржуазии сыграла довольно большую роль в революции пятого года в Эстонии.

Главные политические группы в 1905 г. были те же, которые сформировались уже до этого, а именно:

1. Буржуазно-клерикальная партия Тениссона с пасторами Каллас, Липп, Эйзен и другими, ведущая яркую критику социал-демократии и призывающая балтийских баронов для совместной работы на общее благо.

2. Радикально - буржуазная ревельская группа—во главе с Пятсом, Темантом, Пунгом, впоследствии и с Пегельманом. Эта группа старалась завладеть рабочими и революционным движением в Эстонии. Она даже вела переговоры с с.-д. партией, чтобы партия признала их орган «Teataja» своим органом, от чего партия, конечно, отказалась.

3. Социал-демократическая партия с органом «Uudised» («Новости»), выходящим в Юрьеве под редакцией П. Спек. Вокруг нее группировалось большинство тогдашних социал-демократов, как Аст, Штернбек, Кескюля, Рей и другие. Но эта группа не была единая, поскольку часть социал-демократов осталась верной РСДРП, ее большевистской части, а часть во главе с редактором Спек образовала эстонскую социал-демократическую федералистическую организацию на подобие «Бунда». Но все же социал-демократическая партия сыграла колоссальную роль в революции пятого года. Под ее лозунгами и руководством шла вся борьба, поскольку вообще можно говорить об организованном руководстве в то время. Сама партия тогда только сколачивалась, не имела в достаточной мере подготовленных работников, не могла еще охватить своей организацией весь край.

Непосредственным толчком для активного выступления послужили события 9 января в Петербурге. 12 января в Ревеле началась забастовка.

Микель Юрисон в своей книжке описывает январские дни следующим образом: «Всеобщая стачка в Ревеле началась на вагоностроительном заводе „Двигатель“. Утром до начала работ руководители движением собрались у фабричных ворот и предлагали прибывающим рабочим не приступать к работам. Наконец, собрались все рабочие, и все они были за забастовку.

«Потом рабочие пошли на фабрику, выпустили из котлов пар и фабричным гудком дали сигнал другим фабрикам и заводам приостановить работу. После этого рабочие направились к другим заводам и помогали приостановить работу, пока все фабрики

Карл Руга—«Papp» один из основоположников и вождей РСДРП в Эстонии. Родился в 1882 году в крестьянской семье, Загницкой волости, Юрьевского уезда. Уже в Рижской духовной семинарии он познакомился с социалистическими идеями и при окончании получил по поведению «3». По поступлении в Юрьевский ветеринарный институт (потом перешел в университет) он стал активным работником партии, будучи хорошим оратором, умел увлекать своих слушателей. Он вел агитацию и пропаганду по всему Эстонскому краю. Руга был одним из основателей социал-демократической газеты «Uudised». В ноябре 1905 года он скончался от чахотки, простудившись во время одной из агитационных поездок. Весь революционный Юрьев провожал его в могилу, как энергичного агитатора-пропагандиста.

и заводы не прекратили работу. Работы были приостановлены не только на заводах и фабриках, но и в мастерских, в магазинах, в лавках, в банках, в типографиях и т. д. Даже городской газовый завод забастовал, и ночью город погрузился во тьму.

«Всеобщая стачка продолжалась приблизительно 10 дней. Во время забастовки устраивались митинги, распространялись листовки и т. д. На митингах разрабатывались требования для предъявления фабрикантам и т. д.

«12 января полиция была как бы парализована в своих действиях и очнулась только на второй день, приказав открывать магазины и лавки.

«На одном из митингов сообщили, что химический завод Майера приступил к работе. Собрание постановило идти закрыть завод. Часть рабочих направилась к заводу по железнодорожной линии. Но солдаты во главе с полицмейстером Норбеком уже охраняли завод и, как только Норбек увидел рабочих на переезде у Балтийского шоссе, он приказал солдатам стрелять. Двое рабочих—Отс и Клем были убиты наповал. 8 рабочих умерли от ран в лазарете, и около 20 рабочих отделались легкими поранениями. Далее, рабочие пытались прекратить работу на элеваторе, но полиция направила туда солдат, которые, догнав забастовщиков у элеватора, стали избивать их прикладами, так что некоторые рабочие, чтобы спастись, были принуждены броситься в море. Тут же был заколот штыком на-смерть молодой рабочий Касман. Так произошло первое кровопускание в Ревеле.

«Для переговоров с предпринимателями и губернатором и для представления требований рабочие на время стачки выбрали Совет старост, который в Ревеле заменил Совет рабочих депутатов.

«Губернатор Бельгард принял Совет старост очень ласково, предоставив принимать репрессивные меры своему помощнику Гирсу.

«Рабочие действительно поверили Бельгарду, думая, что он—хороший человек и желает улучшить положение рабочих, но это был известный прием зубатовщины, ибо Гирс, как помощник, действовал только по директивам своего непосредственного начальника.

«В апреле Бельгард был заменен Лопухиным»¹.

Январская стачка закончилась, но революционное движение продолжало жить в рабочих массах.

Вечером 1 мая рабочие собрались в Катеринентале у памятника «Русалка»; здесь произносились речи, разбрасывались листовки и т. д. Потом многотысячная толпа (в Ревеле при 80 000 жителей было 15 000 фабрично-заводских рабочих) направилась

¹ Mihkel Jürison «Punased Aastad Eestis», стр. 108—112.

в город. Полицмейстер Норбек при помощи кавалерии опять устроил побоище, но на этот раз без жертв. Этот случай послужил причиной для новых требований и агитации. Радикальная буржуазия во главе с Темантом подняла этот вопрос в Городской думе, демонстративно нападая на правительство. Была учреждена комиссия для расследования. Радикальная буржуазия все время стремилась встать во главе движения.

В Иванов день (24 июня) рабочие опять устроили демонстративную прогулку за город. В лесу был устроен митинг, на котором выступали социал-демократы в масках, распространяли летучки и т. д. На это полиция ответила арестом 40 человек, думая этим избавиться от социал-демократических агитаторов. На это через две недели (9 июля) рабочие ответили новой демонстрацией, во время которой произошла настоящая схватка с полицией, при чем Норбек был избит рабочими. Из нападающих казаков один был убит и несколько ранено. Из рабочих одного арестовали, но потом выпустили. Норбек за это получил орден св. Владимира и 1 000 руб. наградных.

Так разрасталось революционное движение в Ревеле. Согласно сведениям, собранным канцелярией генерал-губернатора, в Ревеле стачек и митингов за февраль - март было — 18, с марта по сентябрь — 62.

К этому времени началось революционное движение среди крестьянства. Летом крестьяне напали на судебного пристава, который хотел выселить арендатора Айцама.

В Эстляндской губернии разных революционных выступлений, по данным генерал-губернатора, в декабре 1904 г. было 119.

В 1905 году в январе	219 случ.
» » » » феврале	268 »
» » » » марте	217 »
» » » » апреле	256 »
» » » » мае	195 »
» » » » июне	213 »
» » » » июле	255 »
» » » » августе	376 »

Это показывает, что крестьянское движение в Эстляндской губернии все разрасталось, достигнув наивысшего напряжения в августе.

В 1904 году и в начале 1905 года среди крестьянства проводились собрания, где обсуждались разные вопросы—о войне, царизме и помещичьем произволе. Только после манифеста 18 февраля 1905 года внимание крестьян было направлено на выработку определенных требований правительству. Манифест 18 февраля разрешил крестьянам собираться, обсуждать свое положение и обращаться с просьбой на высочайшее имя, в комитет министров и т. д. В марте начинаются сходки крестьян-соб-

ственников, арендаторов и безземельных крестьян, где они разрабатывают свои требования, излагают их в форме прошения и отправляют на высочайшее рассмотрение. Эти прошения не имели, конечно, реальных результатов. Собрания же имели громадное значение, поскольку крестьянство могло свободно собираться, вырабатывать и формулировать свои требования. Они имели также агитационно-пропагандистское значение, так как на них выступали социал-демократы и тем самым придавали движению более революционный характер.

Если рассматривать прошения крестьян, то в основе все они направлены против помещиков-немцев. В этом пункте прошения собственников, арендаторов и безземельных крестьян совпадают¹.

Арендаторы Энгесской волости, Феллинского уезда на сходе 13 апреля формулировали свои просьбы так: «Ростовщичеству законом положены границы, а помещику никто не мешает взимать с арендатора столько, сколько ему угодно и сколько возможно, так как на это закона нет. Поэтому желательно было бы, чтобы чрезмерное взимание помещиков с крестьянина-арендатора было ограничено».

Арендаторы волости Калью, Гапсальского уезда, в своем постановлении от 18 мая 1905 года, пишут: «Арендные дворы имений Калью имеют плохую почву — песчаную или плитняковую, где урожай бывает сам 3 или 4; сенокосы болотистые — с десятины получается в среднем по 15 пудов плохого сена; выгон тоже болото. Между тем арендная плата слишком высока: так, за двор, имеющий 6 десятин плохой пахоты, владелец требует 125 рублей арендных денег в год. Так как почва не плодородна, то мы большею частью принуждены покупать себе хлеб, не говоря уже об аренде, которую мы принуждены зарабатывать на стороне».

Арендаторы Авандусской волости, Везенбергского уезда на сходе 10 апреля 1905 года жалуются:

«Крестьяне-арендаторы ныне должны продавать картофель по цене, определенной помещиками-владельцами винокуренных заводов; сами крестьяне лишены права устроить винокуренные заводы на крестьянской земле...».

Во всех прошениях арендаторы жалуются то на одну, то на другую сторону крестьянской жизни, управляемой властной рукой помещика, диктующего свои условия крестьянину, для которого иного выхода нет.

Положение батраков и безземельных было еще хуже.

Мызные батраки Энгесской волости 22 апреля пишут о своем положении следующее:

¹ См. Приложение № 2 — Постановления крестьянских сходов и прошения.

«В виду того, что земля эта, как мызная неподатная, находится в безусловном и не ограниченном законом распоряжении помещика, арендное требование им повышено до такой степени, что просто невозможно. Так, например, нам теперь приходится платить по 11 руб. за лофштель или около 30 рублей за десятину пашни, при чем некоторые из арендаторов отбывают и барщинную работу. Чтобы всегда иметь возможность во всякое время повысить аренду, помещик не выдает никакого письменного контракта, хотя арендаторы и заявляют об этом в ходатайстве».

Безземельные Старо-Койольской волости, Верроского уезда в своем прошении пишут:

«Огромная часть безземельных крестьян Лифляндской губернии, живущих в деревне, не может найти столько работы, сколько нужно, чтобы прокормить себя. Спрос на человеческую рабочую силу гораздо меньше, чем предложение. Это обстоятельство дает работодателям возможность довести рабочую плату до крайности. Крестьянин, чтобы не умереть с голоду, а хоть как-нибудь обеспечить свое существование, вынужден довольствоваться и самым крошечным вознаграждением за свой труд. Но массы безземельных крестьян, из-за переполнения всех рабочих мест, как у крупных, так и у мелких землевладельцев, вовсе не находят определенной постоянной работы. Не зная других занятий, кроме земледелия, эта часть крестьян (называемая бобылями) вынуждена нанимать у помещиков и дворохозяев в пользование незначительные земельные клочки, чтобы как-нибудь завести на них свое хозяйство, дабы не умереть с голоду. Такие участки обыкновенно невелики; например, в Старо-Койольской волости они достигают от 1 до 3-х лофштелей (пурных мест), редко когда больше. Плата за пользование этими земельными участками довольно высока. В Старо-Койольской волости, например, за лофштель земли следует отбывать 25—30 рабочих дней, при чем в самую страдную рабочую пору. Обыкновенно бобыли, взявшие от домохозяина в пользование клочок земли, не имеют своих лошадей, а потому для обрабатывания своего земельного клочка должны нанимать лошадь у домохозяина, за что, однако, в пользу последнего нужно отбывать пешие рабочие дни, по расчету 3—4 пеших дня за один конный. За пастьбу коровы в хозяйском стаде требуется обыкновенно 20 рабочих дней в пользу хозяина. Таким образом, бобыль, имеющий в своем пользовании одну лофштель земли и содержащий корову, должен за это добро служить, и притом в самое страдное время, в пользу хозяина около 50—60 дней.

«Понятно, что такие незначительные клочки земли никоим образом не могут прокормить крестьянина-бобыля, имеющего почти всегда семью из 4—6 (в среднем) членов. А потому бобыли должны непременно искать занятий еще на стороне, отправляться в отхожие промыслы и т. п.

«Но как уже было сказано, дворохозяин, от которого бобыль получает в пользование клочок земли, за это эксплуатирует силу последнего, в страдную пору, в свою пользу. Поэтому в свободное время бобылю трудно, а часто почти невозможно найти более или менее удовлетворительные заработки на стороне.

«Одним словом, положение безземельных крестьян жалкое и безвыходное. Часто и часто приходится терпеть или нужду, или страдать от голода. И это не потому, что они не любят трудиться, а потому, что их гораздо больше, чем требуется в деревне на работу, потому, что они не могут получать в пользование земли в достаточном размере».

Безземельные Ворожьюльской волости, Феллинского уезда 21 марта 1905 года описывают свое положение следующим образом:

«У безземельных нет ни земли ни работы, а кто получит работу, тот в сутки отдыхает только 6 часов, а жалованье получает 70—80 рублей в год при квартире и пище, одежда своя, при болезни из жалованья отсчитывают. Большинство получают работу только летом, а зимою—голодай или же иди на кражу. Хозяева нанимают только здоровых да одиночек; семейным же остается за очень высокую цену арендовать клочок земли, — чтобы как-нибудь прокормиться; арендует клочок земли, построит дом, но при перепродаже хозяйской земли переходит и построенный домик, и тебя выгоняют. Поденно платят при своей пище 35 копеек и дается квартира, жена должна работать на помещиков 100 дней в год по 25 копеек за день. При старости и болезни выгоняют. Многим причитается получить землю 8—10 пурных мест (3¹/₂ дес.) в жалованье, за что приходится работать в течение целого года по 4 дня в неделю на помещика. Если из-за дождей или по другим причинам не удастся к концу года проработать положенного количества дней, то продают имущество и выгоняют. Крестьяне-собственники на свою землю безземельных не принимают, и приходится пристраиваться у помещиков, где трактиры, винные лавки и т. д., что развращает молодежь. Дети школу посещать не могут: сельские школы ничего даже не дают. Обучение на русском языке, министерских училищ мало; и они далеко, плата высокая, нет одежды и пищи для отправки детей в школу. С 11—12 лет приходится уже определять детей на службу за ничтожную плату. С 14-летнего возраста с них требуются уже подати в 4 рубля. Таким образом уже молодежи приходится портить свое здоровье, а исполнился 21 год — берут на военную службу. Богачи же не всегда служат. Так в общем нет работы, нет пищи, голодай и помирай».

Так описывают крестьяне сами свое положение в прошенных, поданных на высочайшее имя или в комитет министров

за период март—май 1905 года. Здесь мы можем указать на то, что выводы, сделанные нами в первой части настоящего очерка, совпадают с содержанием крестьянских прошений. Необходимо еще установить те требования, которые выдвигались самими крестьянами в массе. Когда мы берем те же прошения за тот же период, то при общей сводке получаем, что крестьяне требовали:

1. Свободы слова, печати, вероисповедания с правом выбора пастора прихожанами.

2. Ограничения прав помещиков-дворян и на-ряду с этим предоставления крестьянам права участвовать на равных правах в местном самоуправлении, в ландтагах и т. д.; введения земского самоуправления.

3. Введения родного языка в школах, как языка учебного, введения судебного разбирательства на родном языке и т. д.

4. Закрытия заведений с крепкими напитками и увеличения наказания за кражи.

5. Расширения крестьянской земли за счет квотных, церковных и казенных земель, уменьшения крупных крестьянских участков с 80-ти на 50 талеров.

6. Учреждения правительственной комиссии с участием крестьян для переоценки всех земель, для установления твердой покупной цены и арендной платы, принуждения помещиков продавать землю за установленную правительственной комиссией цену в определенный срок, уничтожения смешанной арендной системы.

7. Установления земельных участков не ниже 10 десятин.

8. Распространения операций крестьянского банка на Прибалтийский край, продления срока договора не ниже 12 лет, срока выкупа—50 лет, установления наследственности арендного договора.

9. Права ведения своей системы полей, отказа от требования отводить $\frac{1}{3}$ под озимые хлеба, увеличения пахоты за счет лесов и пустошей, права возведения постройки на арендных участках с правом вознаграждения при уходе, обязательного вознаграждения за все улучшения, произведенные на арендных участках.

10. Обязательство для помещиков дать из своих лесов материал на ремонт зданий арендаторов, безвозмездного получения топлива из помещичьих лесов и права арендаторам пользоваться лесом на своих участках.

11. Права крестьянам устраивать водяные, ветряные и другого рода мельницы, открытия торговых заведений на своих участках, права организации пивоваренных и винокуренных товариществ из крестьян.

12. Обложения дорожной повинностью всех сословий одинаково, прекращения взимания почтового фуража с крестьян, права охоты, рыбной ловли наравне с помещиками и т. д. и т. п.

Все требования крестьян можно свести в три рубрики: 1) установление гражданских свобод и введение самоуправления на демократических началах; 2) уничтожение сословных дворянских привилегий и установление равноправия и 3) передача земли в пользование крестьян на арендных или выкупных началах.

Требования крестьян были слишком осторожны, не выходили из рамок потребности жизненного минимума; поэтому даже правительственный чиновник—начальник управления земледелия и государственных имуществ прибалтийских губерний признал требования крестьян законными. Он в пункте 4 записки «О положении крестьянского дела в прибалтийских губерниях» пишет:

«Крестьяне... находятся в полной зависимости от собственников имений в отношении размеров арендной платы и покупных цен на участки... было бы необходимо принять какие-либо меры к ограничению произвола собственников при назначении арендных и продажных цен, на что крестьяне очень часто жалуются».

Вопросы о землеустройстве и о реформе в крае были поставлены благодаря этим сходкам и прошениям в порядок дня как на разрешение государственной власти, так и на разрешение самих крестьян или низовых масс. Понятно, однако, что феодальная власть сама не может уничтожить феодальных отношений, и что проведение даже буржуазной революции зависит всецело от силы пролетариата и крестьянства, от организационной крепости последних. Для проведения же буржуазной революции и крестьянской войны в эпоху империализма, каковой является эпоха 1905 года, требуется революционно-организованная сила крестьянства и еще более крепкая и сплоченная революционная партия пролетариата, партия, которая сумела бы встать во главе движения, руководить движением и революционной борьбой, привлекая в эту борьбу под свое руководство все революционные элементы, в данном случае крестьянство, и нейтрализуя колеблющихся.

Недовольство пролетариата, крестьянства и радикальной буржуазии было всеобщим; только национально-клерикальная буржуазия выдвигала конституционные требования при сохранении царя. Это понятно, поскольку интересы национально-клерикальной буржуазии были противоположны интересам большинства крестьянства и рабочего класса. Эта группа, будучи составлена главным образом, из пасторов, крестьян-кулаков, полупомещиков (с 100 и более десятинами пахоты), а также частью из промышленной и торговой буржуазии, не могла идти дальше конституции, не могла требовать равноправия и полной реорганизации земельных отношений.

Правительство кроме бумажных манифестов ничего народу дать не могло. Войска были размещены между феодалами Прибалтики в ожидании дальнейших событий. Националистическо-

клерикальная буржуазия подняла вой против социал-демократов и их требований. Буржуазия с пеной у рта доказывала, что социализм не эстонское явление, а заграничный нанос, что это утопия, анархия и т. д. и т. п.

Социал-демократия, отбиваясь от нападений, все расширяла и углубляла работу в массах, но ее работу ослабляли споры между федералистами и централистами. Мелкая и радикальная буржуазия, поддельваясь под социализм, только притупляла борьбу, тем более, что социал-демократическая партия не была еще достаточно оформлена и организована. Радикальная буржуазия часто претендовала на руководство движением.

После петиционной кампании деревня внешне несколько притихла. Однако в массах шла глухая подготовительная работа для нового восстания, но уже в другой форме и с другими требованиями. В первый период борьбы острие требований было направлено против помещиков-дворян и против царского самодержавия с его бюрократическим и государственным аппаратом.

Б. Период вооруженной борьбы.

Летний период 1905 года можно считать подготовительным периодом к восстанию. Повсюду шла глухая подготовка, хотя иногда народные массы шли дальше митингов, прибегая к стачке в городах и деревнях. Прибывшие летом 1905 года в Лифляндскую губернию для содействия гражданской власти воинские части распределялись администрацией, согласно ходатайствам помещиков, в их имениях малочисленными командами, плохо снабженными патронами.

Губернские города, как центры промышленных рабочих, были лучше обеспечены. Ревельский гарнизон состоял из 1 600 штыков пехоты, сотни казаков и эскадрона драгун. Рижский гарнизон, согласно донесения генерала фон-Поппена, состоял из 1700 штыков пехоты, 250 сабель кавалерии и 12 орудий артиллерии.

Новым толчком к выступлению послужила всеобщая железнодорожная забастовка. 14 октября началась забастовка железнодорожных рабочих Ревеля; к ним присоединились все заводы и фабрики города. К вечеру участились сходки и митинги; вечером рабочие разгромили магазин с оружием, вооружились и прекратили работу и на городском газовом заводе. Город погрузился во мрак. Ночью были разгромлены несколько магазинов и винных лавок и был сожжен немецкий театр. Город как будто не охранялся, несмотря на донесение губернатора Лопухина, который своему начальству сообщил, что в Ревеле 1500 «нижних» чинов. 15 октября хозяевами положения оказались рабочие. В этот день состоялся общий митинг рабочих в 6 000—7 000 чел. и экстренное собрание Городской думы.

Рабочие предъявили Городской думе требования:

«Рабочие примут охрану города на себя, если: товарищи, которые сидят частью с 9 июля и ранее за политические „преступления“ в тюрьмах, будут немедленно освобождены.

«Если город обеспечит безработных и их семейства пособием.

«Если снимут полицейские и воинские патрули с улиц, ибо рабочие не нуждаются в их помощи».

В 6 час. вечера Городская дума представила эти требования губернатору в следующем виде:

1. Обратиться с просьбой к высшей власти об улучшении закона о выборах в Государственную думу.

2. Немедленно освободить политических заключенных из ревельских тюрем.

3. Убрать воинские патрули с улиц.

Губернатор выполнил только второе требование. К вечеру все политические заключенные действительно были освобождены.

16 октября за городом устроили сходку для обсуждения положения. Собралось около 5 000 рабочих. Выступали освобожденные из тюрем, и обсуждался вопрос, следует ли вести охрану города, поскольку воинские патрули не сняты. Одни доказывали, что нечего шататься по городу, пока губернатор не выполнит требования об охране, а другие, напротив, убеждали, что охрана города рабочими—это большое достижение и что ее необходимо удержать за собой. После митинга вся толпа направилась в город для переговоров с Городской думой. Толпа остановилась на новом рынке и направила в Думу только делегацию. Дума со своей стороны направила делегацию к губернатору. Во время беседы губернатор сказал делегатам, что не о чем говорить, так как сейчас толпа громит магазины. Делегация вернулась и увидела, что магазины целы, но на рынке лежат 60 убитых и около 200 раненых рабочих. Не рабочие громили магазины, а солдаты незаметно окружили митинг и без предупреждения открыли стрельбу.

Так за день до царского манифеста была объявлена война рабочим. День похорон превратился в день траура: все покрылось черным и красным. Весь город участвовал в похоронах. «Революционные фразы» были признаны единственным оружием против самодержавного произвола и провокационного расстрела.

18 октября городской голова расклеил по городу объявление, где сообщалось о событиях 14 октября, о переговорах с рабочими, о принятых решениях и об отправленной телеграмме правительству. В телеграмме сообщалось о событиях в Ревеле, при чем для успокоения Городская дума просила правительство дать свободу слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенность личности и созвать собрание народного представительства

на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Дальше говорилось о неисполнении губернатором обещаний, о расстреле 16 октября и о постановлении, вынесенном Городской думой по этому случаю:

1. Протестовать против расстрела.
2. Требовать от прокурора расследования и привлечения к ответственности виновных.
3. Не платить установленных сумм на содержание полиции.
4. Вступить в переговоры с народными слоями об учреждении комитета защиты; отпустить средства для комитета.
5. Дать телеграмму министру внутренних дел о случившемся.
6. Ассигновать 5 000 рублей в помощь семьям, пострадавшим 16 октября.

Городская дума принимала хорошие постановления, протестовала, просила и т. д. и т. п. Народ был сплочен, что доказывает день похорон, 20 октября, когда не только приостановились все заводы и фабрики, но когда остановилась вся деловая жизнь и весь город участвовал в похоронах.

В то время она, социал-демократическая партия, хотя и руководила рабочим движением, но она самоограничила себя митингами, обращаясь к радикальной буржуазии Городской думы за руководством и требованиями. Радикальная же буржуазия не была способна предпринимать каких-нибудь революционных мер, так как она всецело была занята просьбами и протестами. В то время, когда массы были уже приведены в движение, социал-демократическая партия не вывела массы в бой, не повела массы на баррикады, не захватила власти, и даже, получив весь город в свое распоряжение, она предоставила руководство движением радикальной буржуазии. Город был в руках пролетариата, а Лопухин командовал и расстреливал рабочих. Такое положение можно объяснить только тем, что большевистские силы к тому моменту не были еще достаточно организованы и, оставаясь в одной организации с меньшевиками, дали последним руководить событиями. При меньшевиках всегда найдутся генералы, которые сумеют и властвовать и расстреливать рабочих.

Скоро Лопухина заменил Башилов. Революционное движение продолжало разворачиваться, на собраниях продолжали принимать соц.-дем. резолюции.

Вторым центром революционного движения Эстонии являлся университетский город Юрьев, с революционным студенчеством. Юрьев митинговал в зале университета «Aula». Широким влиянием пользовалась газета «Uudised», которая объявила себя после манифеста 17 октября органом соц.-демократической партии. В Ревеле органом революционных сил была радикально-буржуазная газета «Teataja». Во всех городах возникли комитеты социал-демократической партии, и эти комитеты руководили

движением (в Ревеле, Юрьеве, Валке, Пернове и в других городах). Влияние социал-демократии не ограничилось только городами, но распространялось и на деревни. В деревнях повсеместно организовались местные парткомы, которые стали во главе местного движения.

Плохо было только то, что в местных организациях не было социал-демократических сил, а деревенские социал-демократы часто не только не знали социал-демократических требований, но зачастую даже не понимали, что такое социал-демократическая партия вообще. Однако крестьянство все-таки инстинктивно чувствовало, что только социал-демократическая партия способна руководить им, что она ему близка, и поэтому-то все стремились записаться именно в эту партию, выступать и действовать от ее имени. Авторитет социал-демократической партии был так велик, что всё, что сказала партия, считалось правдой и принималось без возражения. Но партия сама не была подготовлена для такого руководства и для таких обширных действий.

Эстонская клерикальная буржуазия во главе с Тениссоном предпринимала все шаги для подрыва авторитета социал-демократов. Чтобы как-нибудь обуздать революционное движение, она постановила созвать народный конгресс в Юрьеве. Разрешение на конгресс было получено, и норма представительства была установлена: для городов по 4 представителя—два от собственников и два от рабочих, для волостей—один от собственников и один от сельско-хозяйственных рабочих. Таким представительством буржуазия думала сделать мнение буржуазии авторитетным для всего народа. Против созыва народного конгресса с таким представительством восстали социал-демократы, требуя демократических выборов и т. д. Всё же выборы состоялись. В иных местах не соблюдались правила выборов, и производились выборы всеобщие, тайные, по большинству голосов. В Валке выборами руководил местный комитет партии, выборы производились на демократических принципах, и все выборные оказались социал-демократами: Карлсон, Камзен, Раудсеп и др. Буржуазия, не получив на выборах ни одного места, отправила всё же и своих представителей. В большинстве случаев были однако соблюдены правила выборов, потому что губернские и районные комитеты партии не успели дать своих директив во все волости.

Конгресс собрался в Юрьеве в составе 800 делегатов и состоялся 27—29 ноября 1905 года.

Мандаты проверялись комиссией, созданной буржуазией, которая и созывала настоящий съезд, но тем не менее она не получила желательного состава. Съезд открыл лидер буржуазии Тениссон и сразу же обрушился на социал-демократов, но съезд не

дал закончить Тениссону свою речь. Поднялся шум, который продолжался 6 часов. Шум утих только после ухода Тениссона и 300 делегатов. На месте остались 500 делегатов. Оставшиеся признали себя представителями народа, выбрали председателем съезда ревельского адвоката Теманта (радикал-буржуа) и приступили к занятиям. Ушедшая буржуазия заседала отдельно, под председательством Тениссона. Так заседали два съезда одновременно.

Съезд под председательством Теманта формулировал свои постановления согласно социал-демократической программе. Поскольку на съезде участвовали разные слои населения и председателем был радикал-буржуа, постольку эти постановления носили меньшевистский характер. Большевики не были еще так сильны, чтобы вести за собой съезд.

В постановлениях съезда ставится вопрос:

«Что необходимо предпринимать, чтобы выйти из создавшегося положения?»

На этот вопрос постановление отвечает, что существующее положение можно исправить только «посредством ниспровержения революционным народом деспотической власти. В настоящий революционный момент мы, делегаты, призываем всех граждан города и деревни всеми средствами бороться против деспотической власти».

Средствами этой борьбы съезд считает:

1. Создание революционной власти на местах и объединение революционной власти в общекраевую. Бойкот существующих правительственных учреждений.

2. Насильственное прекращение деятельности заводов и лавок, изготовляющих алкогольные напитки и торгующих ими.

3. Отказ от военной службы. Бойкот правительственных войск.

4. Отказ от платежа податей, взятие обратно всех вкладов из банков и касс.

5. Передачу школы в распоряжение революционной власти, обучение в школах на родном языке.

6. Бойкот старых судов и установление новых революционных судов.

7. Вооружение всего народа для борьбы.

8. Освобождение политических заключенных, прекращение военного положения, военных судов и проч.

Чего нужно добиваться:

Созыва Учредительного собрания на основе всеобщих, равных, прямых, тайных и пропорциональных выборов без различия пола, начиная с 20-летнего возраста.

Установления демократической республики в России.

Для разрешения аграрного вопроса: передачи всей земли в общественную собственность, проведения сейчас же первых

шагов в этой области; уничтожения всех феодальных повинностей, конфискации всей земли в муниципальную собственность. По поводу крестьянской земли: продажи ее для арендаторов или передачи в аренду сроком не менее, чем на 12 лет, по установленной особой комиссией цене.

Проведения выборов в органы местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права.

Отделения церкви от государства; признания религии частным делом.

В рабочем вопросе установление свободы союзов и стачек.

Съездом было избрано для общего руководства революционное центральное бюро из 5 человек.

Эти постановления съезда легли в основу работы на местах и явились как бы сигналом для восстания.

Повсеместно начались выборы местных революционных комитетов, при чем эти местные ревкомы часто совпадали с местными комитетами социал-демократической партии. Так, в Загницкой волости, Турьевского уезда, где почти вся волость записалась в социал-демократическую партию, избранный комитет партии являлся и ревкомом и заменил старое волостное управление.

Задачи комитетов были следующие: отказ от платежей долгов помещикам и в кредитную кассу, захват в распоряжение крестьян квотных и шестидольных земель, реорганизация школы и соблюдение порядка.

Тем временем на местах прошел слух, что идет черная сотня. Для отпора ей и охраны революционного порядка была организована милиция или революционная самооборона. В Загницкой волости каждый крестьянин (домохозяин) должен был дать в местную милицию одну лошадь и одного человека. Так организовалась красная кавалерия. Из безлошадных организовали пехоту. Народ вооружился под руководством солдат, вернувшихся с русско-японской войны. Вооружением служили охотничьи ружья, револьверы разных систем и самодельные сабли. Кавалерию обучали стрельбе, устраивались маневры, такому же обучению подвергались и пехотинцы.

Помощник военного прокурора Голубев, 12 сентября 1908 г., в своем заключении по делу крестьян Ревельского уезда, дает такую характеристику положения в Эстонии в 1905 г.

«Конец 1905 года ознаменовался в Эстляндской губернии особым усилением революционной пропаганды. На целом ряде митингов и собраний, состоявшихся в городе Ревеле, а также в волостях по уездам, выступавшие политические ораторы, преимущественно агитаторы социал-демократической рабочей партии, призывали местное население к решительной борьбе против существующего строя, указывая на необходимость Учредительного собрания и учреждения в России демократической республики.

Пропаганда эта быстро охватила крестьянское население в виду постоянной связи между ними и рабочим населением промышленных центров Эстляндской губернии, в особенности же города Ревеля, и находила себе благоприятную почву среди крестьянства в его экономически тяжелом положении.

Особенное значение для вооруженной борьбы имел юрьевский съезд 27—29 ноября.

«Одновременно с усиленным распространением путем печати и прокламаций означенных постановлений съезда, постоянно прибывающие из Ревеля в уезды агитаторы всячески старались поднять крестьянское население против помещиков, указывая на то, что последние являются главными сторонниками существующих порядков и что по их настоянию правительством введено военное положение.

«Вместе с тем на состоявшемся в городе Ревеле на фабрике Вольта, перед самым введением военного положения, съезде делегатов постановлено было приступить к насильственному свержению местных представителей правительственной власти».

«Результатом означенной противоправительственной пропаганды явилось образование отдельных революционных комитетов в волостях Эстляндской губернии, принявших на себя на месте руководство крестьянским населением, а затем целый ряд погромов помещичьих имений, охвативших в декабре месяце Ревельский уезд и сопровождавшихся насильственным отображением мызного орудия, поджогами барских усадеб и заводов и вообще истреблением имущества помещиков».

Вооруженное выступление в Ревельском уезде началось 13 декабря, когда вооруженные крестьяне собрались в местечке Раппаль и с пением марсельезы направились к помещению младшего помощника начальника уезда. Разгромив его дом, толпа направилась к винной лавке, потом была разгромлена камера мирового судьи 8 участка, затем волостной дом раппальского пастора Югансона. Закончив дело в местечке, вооруженный народ к 11 часам вечера прибыл в раппальское имение «Алло» фон-Лилиенфельдта и разгромил аппараты винокуренного завода. На этот раз драгуны одержали победу, разогнав народ. На утро народ собрался вновь, разгромил имение и забрал оружие.

14 декабря было разгромлено имение фон-Крузенштерна, в имении «Вальдау» было отобрано оружие и деньги, а 16 декабря разгромлено самое имение, винокуренный завод и подожжен барский дом. В тот же день и повторно 17 декабря были разгромлены имения Лилиенфельдта «Сааре» с винокуренным заводом, имение графа Кайзерлинга «Райкюль», имение и винокуренный завод барона Гойнинген-Гюне «Ярвакянт»; 15 декабря, имение и винокуренный завод «Кехтла» и имение и винокуренный завод «Капшель»; 16 декабря, имение с винокуренным заводом «Кодонпэ» и квартира черносотенного министерского учителя

Ярвакантской волости Цыпина; 20 декабря, разгромлено имение Пеннигби и убит владелец фон-Баронов.

Так началось вооруженное выступление народа ¹.

Как видно из поступков крестьян, вооруженное выступление было направлено: 1) против существующего государственного строя (нападении на госучреждения, уничтожение вина; частного имущества не трогали, при отобрании денег и оружия давалась расписка от имени Ревельского комитета партии, для передачи Раппальскому комитету, при чем о деньгах указывалось, что они идут на покупку оружия, и 2) против помещиков.

В Эстляндской губернии за октябрь и ноябрь месяцы зарегистрировано 33 забастовки, 19 митингов, 56 разгромов и поджогов имений и винных лавок. Вообще революционных выступлений в Эстляндской губернии зарегистрировано в ноябре—195, в декабре—167, в январе 1906 г.—23, в феврале—132, в марте—165.

В Эстляндской губернии разгрому и истреблению огнем подверглось всего 114 имений, при чем убытков было причинено на сумму 2 804 896 руб. Из государственных сумм было впоследствии покрыто убытков на сумму 444 105 рублей. Это показывает, как близки были помещики самодержавной власти русского царя.

Такого же характера движение началось и в Лифляндской губернии.

В Пернове движением руководил местный комитет РСДРП. Во главе перновского движения стояли Людиг, Клаас и другие. В Перновском уезде действовали два главных отряда—один, шедший со стороны Эстляндской губернии, и другой—из Пернова. Перновский отряд сформировался 12 декабря на сходке за городом, где рабочие постановили двинуться в уезд и наказывать помещиков. 13 декабря, в 8 час. вечера, отряд, присоединив местные крестьянские силы, двинулся в уезд, в имение «Иномисте», к 19 декабря были разгромлены имения Старо- и Ново-Феннерны, куда наступал отряд из Эстляндской губернии. Кроме этого действовали местные мелкие отряды; так, например, один из них, 11 декабря, разгромил винную лавку № 170, 16 декабря разгромил и сжег имение «Лелле» и «Керро»; другой отряд разгромил и сжег винную лавку № 171, аптеку Браше, стеклянный завод Граунберга, усадьбу Юргенса, пивной склад «Сакку», корчму «Яма», дом Янсона и т. д.

В Перновском уезде всего было разгромлено 13 имений, убытки—290 500 рублей, получено ссуд 80 000 рублей.

Феллинский уезд был захвачен перновским отрядом (разгромившим имение «Каппель»), отрядом Руенской республики и своими маленькими отрядами. Всего было разгромлено пять имений, убыток—17 400 рублей по оценке помещиков.

¹ Смотри приложение № 3. Заключение военно-прокурорского надзора о погромах.

За этот период в Юрьевском уезде было разгромлено 19 имений на сумму 67 300 рублей, в Верроском уезде—10 имений, на сумму 32 400 рублей.

В Лифляндской губернии всего было сожжено 230 имений, на сумму 4 239 000 рублей и царским правительством выдано ссуды на сумму 902 790 рублей.

Революционных выступлений в Лифляндской губернии было:

В ноябре 1905 г.	1 262	случая.
» декабре » »	1 112	»
» январе 1906 »	993	»
» феврале » »	919	»
» марте » »	979	»

Такие массовые выступления, разгромы и поджоги произвели ошеломляющее впечатление на помещиков и представителей власти. Лифляндский помещик, генерал-адъютант Рихтер обращается к царю с указанием на необходимость восстановления генерал-губернаторства Прибалтийского края. Лифляндский губернатор Звегинцев, 27 ноября, 1905 года телеграфирует военному министру:

«Генерал-губернатор Бекман (находился в Митаве), не имея телеграфа, просит меня передать: в Рижском и Венденском уездах полная революция; вооруженные тысячные толпы крестьян грабят и жгут имения, портят железнодорожный путь, еще возможно сообщение по Балтийской дороге; он просит немедленно выслать два полка пехоты с пулеметами. Всех восставших крестьян более 60 000. Положение города Риги опасное, гарнизон мал. Виленский округ не дает войск».

Мы отмечали действия отдельных отрядов, но если проследить работу образовавшихся в это время республик, то паника местной власти станет совершенно понятной. Так, например, Туккумская республика потребовала настоящей войны, пока не была покорена. Так же было и с другими республиками. Остановимся особо на Руенской республике, поскольку она имела значение и для эстонской части Прибалтийского края.

Руенская республика объединяла три посада или местечка: Руен, Салисбург и Мойзекуль и семь волостей: Руенскую, Торнейскую, Аррасскую, Мецкюльскую, Тенигскую, Итингскую и Мойзекульскую. Республику возглавлял студент Аболтин, будучи одновременно руководителем местечка Руен; руководителем Салисбурга был Воч, Мойзекуля—Сихвер.

Началом открытой деятельности Руенской республики можно считать 2 ноября, когда от имени латышской социал-демократической партии был созван митинг. Руенская республика действовала в духе социал-демократической программы, поскольку партия руководила движением. Центральной властью республики была организация—Сельский Центр—«Пламя» во главе с револю-

ционным бюро, которое и руководило всей работой. Особое значение для Руенской республики имели постановления Рижского народного съезда от 19 ноября 1905 года: «во всех волостях созываются общие собрания жителей обоого пола, достигшие 20-летнего возраста, для выбора на место старых властей „распорядительного комитета“, нового волостного суда». Старую власть необходимо было бойкотировать. На обязанности «распорядительного комитета» лежало:

1) игнорирование системы паспортов; 2) воспреещение вырубки леса помещиками; 3) закрытие трактиров, винных лавок, заводов и т. д.; 4) охрана жителей от арестов; 5) лишение сословных привилегий помещиков; 6) неплатеж арендной платы помещикам; 7) забота о безопасности жителей; 8) сношение с другими комитетами и с бюро в Риге. Местная власть считалась временной до созыва Учредительного собрания России и Латышского края. Местная революционная власть всюду должна была начать действовать не позже 10 декабря 1905 года.

После организации революционной местной власти, одной из главных задач была организация народной милиции. Во время работы революционной власти Руен был реорганизован в город, с Городской думой и городским судом.

Руенская республика, установив контакт с Салисбургом и Мойзекулем, старалась связаться с Перновом и объединиться с ним в одно целое.

За период с 1 по 20 декабря Руенская республика отобрала оружие из имений Биркен, Геринсгоф, Аррас, Мецкюль, Мойзекуль, Зейерсгоф, Гейзельсгоф, Олерсгоф, Пайнс, Полленгоф, Кенигсгоф и друг.

Представители руенской революционной власти являлись в окрестные волости, вели агитацию и руководили выборами новой власти. Особенную поддержку Руенской республике оказывали батраки; громадное большинство крестьян было тоже на стороне республики.

Свое руководство Руен и Салисбург получили от Рижского съезда, Мойзекуль—от Юрьевского. Постановления обоих съездов одинаковы по существу.

Руен и Мойзекуль совместно проводили железнодорожную забастовку на узкоколейке, задерживали отправку новобранцев и т. д.

Одной из основных задач Руенского бюро, кроме налаживания аппарата революционной власти, была организация вооруженной силы—народной милиции. С этой задачей бюро справилось. Республика сумела организовать вооруженную силу до 1 000—1 500 человек. Оружием были револьверы, охотничьи ружья, частично отобранные винтовки и две пушки, отобранные в имении Биркен. Поскольку эти пушки были старого образца, поскольку приходилось вооружать народ охотничьими ружьями,

вооруженная сила, конечно, не могла выполнить всех тех задач, которые стояли перед нею, и одной из которых была борьба с вооруженной силой царского самодержавия. Руенская народная милиция, как всюду, не только вооружилась, но и обучалась. Обучением руенской армии руководил Рихард Рейн.

Салисбургская кавалерия 11 декабря, под командой крестьянина Боч, прибыла в Руен (от Салисбурга до Руена 25 верст), где произошла торжественная встреча ее с руенской народной милицией. В Руене был устроен парад и шествие с музыкой. Салисбургская кавалерия и руенская народная милиция были сфотографированы.

12 декабря объединенная народная милиция Руена, Салисбурга и Мойзекуля должна была выступить на разоружение имения Тигницы и других, потом направиться в Пернов, разоружить гарнизон и установить выход к морю для получения из Западной Европы вооружения. Для отряда был организован Красный Крест с сестрами милосердия и двумя врачами, конфискованы медикаменты местных аптек и сформирован эшелон для отправки. Эшелон был составлен из двух паровозов, 8 классных, 6 товарных и нескольких багажных вагонов.

13 декабря салисбургский и руенский отряды под командой Аболтина и Боча прибыли в Мойзекуль, где к ним присоединился местный отряд в 100 человек. Из Пернова для связи прибыл представитель Перновского комитета партии Табакин.

К 11 часам вечера объединенные отряды разоружили имение Тицген и направились до станции Квелленштейн.

Со станции Квелленштейн в сторону Пернова была направлена разведка с паровозом, которая доехала до станции Сурри и вернулась. Отряды уже до возвращения разведки вернулись в Мойзекуль и в Руен.

Военно-прокурорский надзор Петербургского военного окружного суда в своем заключении по этому делу говорил:

«Одной из задач участников руенского общества было заготовить возможно большим количеством оружия и таким путем приобрести боевую силу для выступления против органов правительственной власти». (Дело военного отдела Управл. Вр. Прибалтийского ген.-губ. 1907 г., № 1, св. 3 л. л. (1003—1034).

За кратковременное существование Руенская республика не успела объединиться с Перновом и другими городами, не сумела из Западной Европы достать оружия, но в этом не ее вина.

Прибалтийский край покрылся такими республиками; всюду власть перешла в руки «распорядительных» или «революционных комитетов», только держались еще большие города края.

От такого революционного напора местные правительственные власти потеряли голову, впали в панику, которой революционеры сумели воспользоваться.

Генерал Поппен телеграфировал из Риги 30 ноября 1905 г.: «Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: Рижский и Венденский уезды объаты полным восстанием, не евские отряды конницы понесли значительные потери, держаться более не могут; усадьбы помещиков большею частью сожжены...».

4 декабря сообщает Звегинцев:

«Сегодня положение хуже, чем было вчера, восстание распространяется. Войска оттянуты в города, уезды брошены на произвол судьбы. Войска, если будут присланы, могут прибыть безопасно только пароходом. Балтийская и Риги-Орловская хотя временно действуют, но воинские поезда не будут пропущены в пределах губернии, пришлось бы идти по восставшим уездам, как по неприятельской местности. Рига долго держаться не может; если не пришлют войска, город после крупного кровопролития будет разграблен».

В ответ на эти панические сообщения аппарат царской власти заработал во-всю.

В. Усмирение края и действия карательных отрядов.¹

По совету помещика генерала Рихтера Совет министров вынес следующую меморию:

«Его и. в. г. и., в виду исключительного характера происходящих в прибалтийских губерниях беспорядков, благоугодно было повелеть Совету министров обсудить те меры, которые необходимо было бы ныне же принять для водворения порядка в означенных местностях империи.

«Во исполнение таковой высочайшей воли Совет министров, рассмотрев имеющиеся в министерстве внутренних дел сведения, как о переживаемых Прибалтийским краем событиях, так и о причинах, их вызвавших, пришел к заключению, что движение, охватившее значительные части губерний Лифляндской и Курляндской, должно быть признано открытым восстанием, требующим исключительных мер для его подавления.

«В губерниях этих крестьяне под предводительством революционных деятелей совершают нападения на усадьбы помещиков, жгут и грабят их, убивают дворян, нападают на церкви и волостные правления, смещают должностных лиц и по своему выбору замещают их новыми, составляют на сходах приговоры об отмене существующих законов и об отказе от платежа повинностей и сборов, совершают убийства чиновников и вооруженными скопищами нападают на войска.

¹ См. приложение № 4. Характер действий карательных отрядов.

«В Эстляндской губернии при отсутствии явных проявлений мятежа уже наблюдаются признаки его скорого возникновения: поджоги дворянских имений, хотя пока еще тайные, сделались повседневными явлениями, волостные сходы посылают дерзкие протесты дворянству по поводу предпринятой им разработки проекта местной земской реформы, в нескольких волостях должностные лица волостного самоуправления самовольно заменены крестьянами новыми, причем волостные сходы составили приговоры о неплатеже повинностей.

«Губернские начальства трех губерний, несмотря на общность характера народного движения в них, не будучи ничем объединены на местах и находясь в разобщении с поставленной в административном отношении самостоятельной военной силой, лишены возможности действовать для подавления беспорядков по определенной однообразной системе и достаточно решительно; вследствие чего успех творящейся в крае смуты в значительной мере обуславливается слабостью противодействия властей.

«В отношении происхождения столь опасного положения вещей в Прибалтийском крае, Совет министров находит, что оно создано на почве несовершенств экономических и юридических условий местной жизни.

«Значительное количество крестьян, не имеющих не только земли, но, в виду особенностей действующего в крае положения о них, и надежды на приобретение земельной собственности, сосредоточение заведывания делами о земских повинностях в руках дворянских учреждений, устраняющее от участия в нем все остальные классы населения, отстранение их от участия в управлении делами церковных приходов с предоставлением дворянам привилегии в Лифляндской и Курляндской губерниях назначать пасторов, а в Эстляндской губернии представлять церковному конвенту для выбора пастора троих кандидатов, и, наконец, несоответствие интересам народа чуждой ему по языку школы—таковы, по мнению Совета министров, общие условия, которые создали в прибалтийских губерниях недовольство, успешно возбужденное революционными агитаторами.

«Обращаясь к обсуждению мер, необходимых для умиротворения края, Совет министров, в виду последовавшего уже объявления находящихся в наиболее опасном положении Лифляндской и Курляндской губерний состоящими на военном положении, находя имеющиеся у губернского начальства полномочия достаточными, признавал бы настоятельно нужным принять меры к объединению деятельности властей всех трех прибалтийских губерний под одною находящеюся на месте властью с полным подчинением ей, также в видах объединения с деятельностью гражданских учреждений, всех расположенных в означенных губерниях войск. Этой власти главного начальника края, по мнению Совета министров, должна быть обеспечена возможность

ускорить и усовершенствовать разработку всех тех вопросов, отсутствие удовлетворительного разрешения коих создало почву для существующего в прибалтийских губерниях брожения.

«Для сего надлежало бы привлечь к работе под руководством высшего представителя власти сведущих людей от дворян, горожан и крестьян по выбору их, при чем таковые могли бы быть произведены для первых двух сословий на дворянских ландтагах и в городских думах, а для крестьян по двухстепенной системе и, в целях устранения возможности появления в числе выборных сторонников крайних мнений, не на общих волостных сходах, а на соответствующих в прибалтийских губерниях постоянных органах волостного самоуправления—сходах выборных от волостей. Эти представители сословий представили бы каждое из вышеперечисленных трех сословий; каждая из трех губерний избрала бы двух представителей, общее число коих в совещании равнялось бы 18.

«Должности главного начальника Прибалтийского края Совет министров считал бы нужным придать характер временный, учредив ее лишь на время, необходимое для умиротворения края и окончания разработки существенных вопросов местной жизни.

«Согласно этому соображению, Совет министров предлагал бы штаты канцелярии начальника края не утверждать в законодательном порядке в виду сложности и медленности такового, а личный состав канцелярии образовать из штатных и нештатных чинов министерства внутренних дел с откомандированием их в распоряжение начальника края, коему назначить необходимую на содержание канцелярии сумму.

«На основании изложенного Совет министров полагал бы:

«I. Учредить должность временного Прибалтийского генерал-губернатора на основаниях, указанных в законоположениях о главных начальниках губернии, и нижеследующих правил:

«1. Означенному генерал-губернатору подчинить губернии Лифляндскую, Курляндскую и Эстляндскую.

«2. Подчинить ему все находящиеся в этих губерниях войска с предоставлением ему прав командующего войсками военного округа, а в местностях, состоящих на военном положении, прав командующего армией.

«II. 1. Для разработки законодательных предположений по всем местным вопросам и в частности о введении в крае земского самоуправления, об улучшении быта крестьян, способах облегчения земельного кредита, о реформах приходских учреждений и школьной учредить особые при генерал-губернаторе, под его председательством или под председательством одного из губернаторов по его назначению, совещания в составе выборных от дворянских ландтагов и городских дум губернских городов, представителей по два от каждого из этих учреждений, а также

представителей от крестьян по два для каждой губернии, с тем, чтобы эти представители при условии знания ими русского-языка были избраны в каждой губернии отдельно на съезде выборщиков от волостей, избранных по одному от каждой волости на сходе выборных и из их среды.

«2. Предоставить генерал-губернатору разрешать своею властью окончательно все вопросы, возникшие по производству означенных выборов.

«3. Предоставить генерал-губернатору право приглашать к участию в означенном совещании сведущих лиц.

«4. Предоставить генерал-губернатору предлагать особому совещанию на рассмотрение и для разработки все те вопросы, независимо от вышеперечисленных, которые он признает нужным подвергнуть разрешению в законодательном порядке с тем, чтобы составленные совещанием и одобренные генерал-губернатором предположения препровождались ими к министру внутренних дел для дальнейшего направления.

«III. На содержание временного Прибалтийского генерал-губернатора и его канцелярии отпустить из Государственного казначейства необходимые средства в размерах по соглашению управляющего министерством внутренних дел и генерал-губернатора.

«Граф Витте, барон В. Б. Фредерикс, граф Ламздорф, А. Редигер, А. Бирилев, гр. И. Толстой, князь А. Оболенский, С. Манухин, В. Тимирязев, П. Дурново, П. Шипов, К. Немешаев, Философов, Н. Кутлер».

Мемория была подписана 26 ноября 1905 года и представлена на рассмотрение Николая, который написал на ней «Исполнить», а граф Витте на ней же поставил дату «27 ноября 1905 года, Царское Село».

28 ноября 1905 года последовал указ сенату, об учреждении генерал-губернаторства Прибалтийского края. Генерал-губернатором назначили старого профессора военной академии Соллогуба.

Назначение генерал-губернатора само собой без реальных сил не могло «умиротворить» край. Необходимо было дать войска. Для выделения войсковых отрядов по приказанию Николая была создана 5 декабря особая комиссия под председательством Николая Николаевича из членов—генерал-губернатора Соллогуба и начальника Генерального штаба Палицына.

До учреждения генерал-губернаторства в эстляндской части Прибалтийского-края действовали следующие войсковые части.

В гор. Ревеле	— 89 пех. Беломорск. полк . . .	2¼ батальона.
» » »	— 90 » Онежский » . . .	2 »
» » »	— 91 » Двинский » . . .	2 »
» » »	— Л.-Гв. Драгунский » . . .	1¼ эскадр.
» » »	— 27 Донской Казачий » . . .	1 сотня.
» » »	— Пулеметов всего	2

В Ревельск. у.	— 89 пех.	Беломорск. полк	. . . 1	взвод
» Вейсенштейне	— 89 »	»	. . . 1	»
» Тапсе	— Л.-Гв.	Драгунский	» . . . 1/4	эскадрона.
» Иевве	— » »	»	» . . . 1/4	»
» Нарве	— » »	»	» . . . 1/4	»
» »	— 92 пех.	Печерский	» . . . 2 1/2	батальона.
» Юрьеве	— 96 »	Омский	» . . . 2	роты.
» »	— 95 »	Красноярск.	» . . . 1 1/4	бат. с учебн. ком.
» Валке	— 95 »	»	» . . . 2	роты.
» »	— 27	Донск. Казачий	» . . . 1	сотня.
» Верро	— 94 пех.	Енисейск.	» . . . 1/2	роты.
» »	— 95 »	Красноярск.	» . . . 1	»
» Пернове	— » »	»	» . . . 1	»
» Феллине	— » »	»	» . . . 1/2	»
» Обер-Палене	— 92 »	Печерский	» . . . 1/2	»
» Алацкиве	— 95 »	Красноярск.	» . . . 1/2	»
» Удерна	— 96 »	Омский	» . . . 1	взвод.

На помощь этим войсковым частям Особой комиссией в Эстонию были направлены еще отдельные отряды.

Под командою свитского генерала Орлова был послан в район города Валк северный отряд в составе 1 батальона пехоты, 8 эскадронов кавалерии, 6 орудий артиллерии, роты сапер и на отряд было дано 4 пулемета.

В Эстляндскую губернию направили два двухротных батальона моряков в 800 человек с пулеметами. Один батальон получил направление через Нарву в Везенберг, другой через Ревель—Везенберг—Тапс в Вейсенштейн.

На остров Эзель из Кронштадта был направлен отряд моряков в 218 матросов и 8 офицеров при 2 пулеметах.

В сводках на имя генерал-губернатора указывается, что «с приходом войск появились помещики и другие уездные власти, которые скрывались во время волнений. Тогда же оказалось много желающих из числа местных землевладельцев-немцев поступить на полицейскую службу в качестве почетных младших помощников уездных начальников. Эти добровольцы находились при карательных отрядах в качестве проводников и переводчиков при допросах и для указания виновных в погромах и в других преступлениях».

Фактически помещики являлись не помощниками начальников карательных отрядов, а настоящими руководителями отрядов и руководителями экзекуций. Они не знали, кто что делал во время восстания, но знали тех, которые являлись более опасными для помещиков. Случались иногда и такие трагические курьезы, когда расстреливали людей только за то, что они охотились в мызных лесах.

Карательные отряды в деревнях действовали каждый самостоятельно, они не были связаны между собою и не имели общего командного и руководящего центра. Поскольку не работала железная дорога и телеграф, поскольку генерал-губерна-

тор не мог руководить действиями всех отрядов, — каждому начальнику отряда были даны права генерал-губернаторов. Это было «необходимо» для более «решительных» действий.

Так, правами генерал-губернаторов пользовались: начальник северного отряда ген. Орлов, начальник юрьевских и феллинских войск ген. Ключенко, в Эстляндии генералы Саранчев и Воронов.

Но, судя по действиям и самых маленьких отрядов, руководимых сыновьями местных помещиков, каждый «начальник» представлял из себя генерал-губернатора.

Как относились местные крестьяне к карательным отрядам, можно судить хотя бы по докладу и сводке самого генерал-губернатора, который пишет: «Стычек с шайками мятежников не происходило: объясняется это тем, что сведения, доставленные полицией, не всегда были верны, а иногда прямо противоположны (крестьяне давали ложные сведения полицейским. Я. П.). Кроме того, всюду было много шпионов, а потому движение войск не могло быть скрытым. Мятежники организовали сигнализацию фонарями. По временам появлялись в населении вооруженные злоумышленники, которые грозили убийствами и поджогами. Предводители и главные агитаторы могли бы быть выданы, если бы жители, указавшие главарей, не рисковали быть убитыми из мести. Во всяком случае, поимка агитаторов, вследствие разбросанности поселков-мыз, требовала продолжительного времени».

Что касается сигнализации фонарями, то необходимо добавить, что в деревнях не только производили сигнализацию фонарями, но, поскольку крестьяне живут на хуторах, в иных местах на каждом хуторе был установлен особый сигнал «lokк». В случае появления «черной сотни» били в «набат», чтобы предупредить появление вражьей силы. Случаи страха мести были единичны; напротив, крестьяне защищали своих руководителей. Так, в 1908 г., когда предстал перед судом председатель ревкома Загницкой волости Курвиц, то почти вся волость записалась в свидетели. Крестьянин-домохозяин Юган Сиймон явился на суд и показал, что «мы его выбрали и мы заставили его исполнять обязанности председателя и т. д.»; однако, этот же Сиймон, старик-крестьянин, в 1905 году был больным и не мог даже участвовать в движении. Так показывали и другие крестьяне. Курвицу дали 6 месяцев, как представителю комитета волости, где было свое войско и кавалерия с охотничьими ружьями. Говорить о боязни мести здесь не приходится.

Та же сводка дает характеристику помещиков.

«Достоинно замечания, что немецкие бароны, в первое время беспорядков, ходатайствуя о постановке в их имениях частей (благодаря чему было допущено вредное дробление войск), обещали отвести для войска удобные квартиры, конюшни и сна-

бжать их продовольствием. По мере же водворения порядка, во время которого многие из помещиков сводили личные счета с туземцами, некоторые помещики изменили свое отношение к войскам, стали отводить для них плохие помещения, требуя за все высокую плату и т. д..

Началом действий карательных отрядов можно считать тот момент, когда, во-первых, во время забастовки Балтийской железной дороги было объявлено военное положение в Ревеле и в уезде, а, во-вторых, когда 10 декабря Воронов начал исполнять обязанности генерал-губернатора. Воронов воспретил выход четырем местным газетам, арестовал съезд волостных делегатов, задержал 110 ревельских революционных активистов и постепенно восстановил железнодорожное движение. Генерал Воронов сообщает о своих действиях: «Высланный мною 15 декабря в южную часть Ревельского уезда отряд из пехоты и казаков под начальством Онежского полка капитана Лямбаха в течение двух дней рассеял несколько вооруженных шаек. Убито 16 мятежников, захвачено 3. В отряде потерь не было».

Воронов не доволен другими. Он телеграфирует генерал-губернатору Соллогубу 13 декабря: «Со времени приостановления ревельских революционных газет, ревельский рынок наводняется юрьевской революционной эстонской газетой „Uudised“. Считаю желательным приостановление этой газеты...».

Желание Воронова, конечно, было исполнено: юрьевская газета «Uudised» была приостановлена, и этим был спасен «ревельский рынок».

С началом действий карательных отрядов генерал-губернатор Соллогуб счел своим долгом дать начальникам отрядов инструкцию, каковую он и издал 16 декабря. В этой инструкции говорится, что «при каждой отдельной колонне должен быть представитель местной административной власти и надежные переводчики» (как известно, «представителями» и «переводчиками» были местные помещики-бароны).

Дальше инструкция указывает, что действовать с разведками надо осторожно, в случае же сопротивления «самым энергичным образом проявлять силу оружия».

Действовать нужно быстро, пехоту перебрасывать на подводах. Во избежание больших потерь действовать артиллерией. В городах и в деревнях, где действовали революционные власти, необходимо требовать выдачи их, выдачи главарей и оружия. «В случае неисполнения этого требования, по овладении селением, дома приводятся в негодность для жилья, при этом для большего морального воздействия желательно широко пользоваться пироксилином».

Карательные отряды должны установить старую власть или назначать новую по указанию местной администрации.

«Войскам разрешается забирать путем реквизиции необходимые им жизненные продукты, фураж и подводы...».

Генерал-губернатор инструктирует карательные отряды, а правительство—его. Так, Главный штаб телеграфирует генерал-губернатору: «Совет министров в заседании 13 сего декабря признал, что распространение смуты и малая успешность борьбы с нею в значительной степени зависят от того, что *войска действуют недостаточно решительно...*».

Вообще правительство все время заботилось о действиях карательных отрядов и толкало отряды на более суровые меры.

18 декабря 1905 года начальник Главного штаба сообщает генерал-губернатору:

«Государь император высочайше указать соизволил, что на выстрелы войска *обязаны* отвечать выстрелами же и сокращать малейшее поползновение к вооруженному сопротивлению».

18 декабря граф Витте телеграфировал Соллогубу: «Генерал-губернатор может рассчитывать на успех только, если все без исключения вверенные ему войска и полицейские части примут *самые решительные* и столь же *суровые меры* относительно мятежников и их руководителей».

Генерал Редигер со своей стороны телеграфировал 21 декабря:

«Ваше превосходительство, повидимому, упустили из виду неоднократные указания о необходимости энергичных мер и особенно беспощадного возмездия за изменническое нападение на войска. *Судебное наказание мало внушительно...*».

Конечно, эти указания свыше исполнялись карательными отрядами полностью и с большой охотой: они расстреливали, вешали, сжигали, секли розгами и т. д.

Точное исполнение указаний и инструкций можно сразу установить, если вкратце бросить взгляд на действия карательных отрядов.

С 13 по 22 декабря эскадрон гвардейских драгун рассеял революционные отряды, зарубил до 50 человек, производил аресты, отбирал оружие в Вейсенштейнском уезде.

19 декабря расстреляно 30 человек и отобрано оружие в Гапсальском уезде.

С 19 по 24 декабря отряд моряков к северу от железной дороги Ревель—Разик под командою кап. Рихтера рассеял несколько крестьянских отрядов, вешал, расстреливал людей и сжигал дома. Так действовали и другие отряды.

25 декабря была вооруженная стычка близ ст. Хермет; при стычке убито 8 и ранено 2, арестовано 8 местных крестьян.

25 декабря был сформирован еще особый летучий отряд генерала Безобразова в составе 1½ эскадрона, роты пехоты на подводах при двух орудиях. Районом действия послужила граница Лифляндской губернии—Вейсенштейн—Феллин.

26 декабря Воронов уже сообщает, что «энергичными действиями моряков революционное движение Эстляндской губернии подавлено. *Капитан Рихтер не только расстреливал, но и вешал.* Можно ожидать вспышек только на границе с Лифляндией. Туда направлен отряд Безобразова».

О Рихтере Николай написал: «Молодец».

Воронов правильно надеялся на Безобразова, который уже 30 декабря мог ему телеграфировать: «Вчера вечером прибыли со мной 5 взводов драгун, два конных орудия и 30 человек пехоты в Вейсенштейн. Дорогой полевым судом расстрелял 3 главарей, высек 14 человек. Моряки прекрасно действуют в своих участках. Жители в страхе, изъявляют покорность».

«31 декабря выступаем пятью колоннами, широким фронтом на Феллин. Будем обезоруживать, наказывать...».

В эстонской части Лифляндской губернии действовал отряд генерала Орлова, который прибыл в Валк 13 декабря 1905 года. При помощи расстрелов, поджогов и розог с 16 по 20 декабря был водворен порядок по линии Валк—Верро. Действовало 5 эскадронов улан. В Ланамецкой волости были схвачены псаломщик Рятсей (старик) и волостной писарь и расстреляны без всякого допроса по указанию местного помещика только за то, что были в качестве волостных делегатов на юрьевском съезде.

19 декабря отряд в составе 4 эскадронов и двух орудий был направлен на Руенскую республику. 20 декабря произошла битва. Только после артиллерийского боя Руен был взят. Пушки Руенской республики оказались старого образца и негодными для боевых действий.

Дальше этот отряд без особого боя взял Мойзекюль. В Руене и в Мойзекюле были сожжены дома революционеров. Потом из Руена было предпринято два похода: один на Салисбург и другой на Абя—Феллин.

22 декабря был взят Салисбург и 24—город Феллин.

27 декабря отряд, занявший Феллин, действовал двумя колоннами—одной в Перновском уезде и другой—в районе Феллина.

Особенно отметить приходится действия отряда Безобразова и фон-Сиверса, которые в Феллине расстреливали и секли не только взрослых, но и школьников—мальчиков и девочек 14-летнего возраста.

В Юрьеве действовал Ключенко. Здесь особых вооруженных стычек не было, кроме одной, когда двухтысячная толпа вышла на улицу, где было ранено 12 человек.

После экзекуций карательных отрядов, когда без всякого обвинения расстреливали, вешали, секли, сжигали дома, выводили нагишом на мороз (в отряде Орлова), при арестах били людей до-смерти (в Валке били арестованных до тех пор, пока не начинала литься из носа или из горла кровь—Пельде и др.),—

к 1 января 1906 года было восстановлено относительное спокойствие в эстонской части Прибалтийского края.

На остров Эзель карательный отряд прибыл 26 декабря, на Даго—7 января 1906 года.

Отряд Безобразова из Феллина после убийства 53 человек направился в Юрьев.

13 января на острове Эзеле капитан Зеленый производил аресты, расстрелял двоих и наложил контрибуцию на две волости по 1 000 рублей.

В Юрьеве производились аресты, обыски, и главное внимание было обращено на университет. Юрьевский гарнизон был усилен за счет отряда Орлова. Отряд Зеленого из Эзеля перебросили в Ригу.

Январь можно считать концом деятельности карательных отрядов в эстонской части Прибалтийского края. К концу экзекуций—7 января 1906 года за № 158, были даны директивы начальникам отрядов, где указывалось, что поджоги, как средство, не достигают цели, и что при производстве следствия и допросах не следует записывать и оглашать показания свидетелей, чтобы избегать мести. Эти указания развили произвол карательных отрядов, как органов военных судов, ибо стало возможным без всяких указаний и свидетельских показаний расстреливать кого угодно.

К концу января был приостановлен расстрел войсками, а всех предавали военному суду. Арестованных было слишком много, тюрьмы полны, «боязнь за гуманность» судов заставила центральную власть встревожиться. Так, 20 января Совет министров постановляет, а 23 января граф Витте лично еще напоминает генерал-губернатору, что судам необходимо действовать быстро, сурово, без жалости, приговаривая к расстрелу.

На основании указаний свыше, генерал-губернатор Соллогуб, 24 января 1906 года за № 265, дает следующие указания прокурорам окружных судов: «одним из существенных условий для скорейшего восстановления законного порядка в Прибалтийском крае является быстрота и строгость судебных репрессий...». Быстроты действий можно достигнуть «применением упрощенных приемов расследования с устранением из судопроизводства излишних формальностей...». «Предварительные следствия должны быть произведены со всевозможной скоростью...». Если «приводятся обвиняемыми в опровержение показания свидетелей, то проверять только те из них, которые могут иметь влияние на решение дела. Во всех остальных случаях просьбы обвиняемых о допросе свидетелей и производстве других следственных действий должны влечь за собой мотивированный отказ в заявленных ходатайствах».

С момента приступа к работе «быстрого, строгого» военного суда и розыскного пункта, карательные отряды в апреле

1906 года в эстонской части Прибалтийского края расформируются и направляются на свои штаб-квартиры.

При этом генерал-губернатор Соллогуб издает специальные приказы. В приказе № 5 от 16 апреля говорится: «Явившись в самый разгар бывших в губернии беспорядков, батальоны эти (морские. *Я. П.*) своими энергичными и умелыми действиями в самый краткий срок совершенно прекратили поджоги и грабежи и оставили по себе добрую память в благонамеренной части местного населения.

«Расставаясь ныне с моряками, я, от имени всех начальников и благонамеренной части населения, рад засвидетельствовать, что морские батальоны с полным правом могут унести с собою сознание отлично исполненного долга престолу и отечеству.

«От лица службы искренно благодарю командовавших батальонами—капитана 1 ранга Ферзена, 2 ранга Рихтера, Пономарева, Зеленого, Протопопова и Пекарского, всем гг. офицерам и нижним чинам—объявляю спасибо».

В приказе № 6 от 16 апреля то же самое говорится об отрядах генерала Орлова. Спасибо получает и Безобразов, который действовал не хуже Рихтера.

Как же не быть благодарным карательным отрядам, когда они, кроме увечья, арестов, поджогов, розог и т. д., непосредственно расстреляли:

В Эстляндской губернии.	128 чел.
» Северном отряде.	135 »
» отряде Безобразова.	63 »
» » Зеленого.	2 »

Итого. 328 чел.

Революционные власти края за короткое время своего существования не сумели в достаточной степени организовать для борьбы с правительственными войсками. Народная революционная армия—милиция конная и пешая—не была так сильна, чтобы противостоять драгунам, казакам, пулеметам и пушкам; охотничьи ружья не могли конкурировать с военными винтовками. Отдельно возникшие республики не сумели организовать весь край, подчинив его общей центральной революционной власти.

Крестьянское охотничье ружье было побеждено царской винтовкой. Пушка победила револьвер. Социал-демократическая партия, сумевшая втянуть в революционную борьбу крестьян, не была еще сама достаточно подготовлена для руководства революцией и крестьянской войной.

Революционные власти были низвергнуты. Официально «смута» была прекращена, карательные отряды ушли. Правительство считало революцию оконченной. Но это было не так. После кровопускания и террора революционное движение принимает только другую форму: вместо открытого, движение превращается в подпольное — тайное. Не прекращаются забастовки, появляются боевые отряды, которые своею сетью окутывают край, начинаются террористические акты. Партия реорганизуется соответственно новым условиям и начинает вести усиленную подпольную работу, все время выпрямляя свою линию. Но все же революция идет на убыль, и начинается ликвидационный период.

ГЛАВА III.

Ликвидационный период.

А. Террор и инструкции к подавлению.¹

Карательные отряды из эстонской части Прибалтийского края были уведены в штаб-квартиры. Казалось, что революционное движение совершенно задушено. Не напрасно же карательные отряды расстреляли более трехсот человек, не напрасно же они без допроса расстреляли учителя Ганса Эрлиха из Кохила, учителя Александра Мейера из Кейла, портного Иосифа из Капселя, Ганса Петхова из Альби, старика псаломщика Рятсена из Ланиамеца и многих других. Не зря же расстреливали и секли розгами Сиверс и Безобразов учеников и учениц 12—14-летнего возраста в Феллине. Арендатор Б. Лайпман из Вигала предпочел розгам смерть. Он не позволил издеваться над собой помещику, который присудил ему 100 розог, и заставил себя расстрелять.

Что революция не кончена, должен был признать, однако, и сам генерал-губернатор Соллогуб, когда он, от 29 мая 1906 года за № 720, сообщал:

«Все еще не прекращается деятельность злоумышленников, направленная главным образом к грабежу денег и ценной движимости, она требует значительного напряжения и непрерывной деятельности как войск, так и особливо чинов полиции. Такое напряжение, влекущее за собой утомление и сталкивающееся нередко со столь распространенными пороками, как нерадивость и нетрезвость, поддерживается вообще с трудом».

Соллогуб признается в двух истинах: 1) карательные отряды не успокоили народ и 2) войска деморализуются и становятся ненадежными. Выход из положения он видит в караулах-охранах при кассах и казенных учреждениях со стороны войсковых частей или полиции. Революционное настроение—по Соллогубу—

¹ Смотри приложение № 5.—Циркуляры и инструкции.

зависит от газет и от выборов в Государственную думу. Газеты поддерживают революционное настроение, а выборы дают иногда возможность населению свободно высказать свое мнение.

Военный министр не был согласен с мерами Соллогуба. Он сообщает от 20 июня за № 1098, что необходимо сокращать наряды войск на охранах, потому что нижние чины, находясь на фабриках и заводах без присмотра высшего начальства и вне казарменного положения, входят в близкое соприкосновение с революционерами, разлагаются и подвергаются их растлевающему влиянию. Полицейская служба и обыски приведут армию к полному разложению. Редигер понял то, чего не подозревал Соллогуб: какое значение для революции имеет пропаганда в войсках, непосредственное соприкосновение войска с революционно-настроенным населением.

Охрана и обыски были тогда необходимыми мерами, но не со стороны войска, а со стороны специальной полиции, которая была и организована в виде стражников конных и пеших. Эти добровольцы - держиморды явились силой, на которую в ту эпоху самодержавие могло опереться, как на вооруженную силу, и в деревнях и в городах.

Как уже было сказано, революционное движение приняло другую форму. На место широко-массовых выступлений пришел террор в виде действий отдельных боевых дружин.

Так, 10 мая было совершено нападение на лесного сторожа имения Тепло; 1 июня—на лесного сторожа имения Алафер; 18 октября—на крестьянина Мельца в Ревельском уезде.

21 мая в местечке Ердене была разгромлена казенная винная лавка; 12 ноября в Юрьевском уезде было совершено нападение на винную лавку № 211 и т. д.

В январе 1906 года на острове Эзеле была сожжена рига с сеном в 180 возов в имении Марисгоф.

В Перновском уезде, в Куркундской волости, в 1906 году волостной старшина Оллино вел агитацию среди крестьян за самоуправление против царского самодержавия, а также призвал всех приобретать оружие.

Ян Пельт в Вессенштейнском уезде руководил отрядами «лесных братьев», 27 ноября 1906 года в Везенберге был убит сыщик-провокатор Александр Вальтер и т. д. и т. п.

В Валкском уезде действовали еще карательные отряды, из которых отряд Назимова расстрелял 16 человек, наказал розгами от 35 до 200 ударов—43 крестьянина. Так действовал отряд графа Грабе и другие.

По официальным данным управления генерал-губернатора, революционных выступлений за 1905—1906 гг. в Прибалтийском крае было 6 050: убийств и покушений на убийства было 1 700 случаев, вооруженных нападений—3 076, поджогов 1 274 и т. д. Террор главным образом был направлен против фабрично-завод-

ской администрации, управляющих именьями, полиции, помещиков и крестьянского (старого) управления.

Наибольшее число нападений (экссов) приходится на корчмы, винные лавки, усадьбы, волостные правления, на кассы и даже на церкви.

Таблица революционных проявлений
за 1905—1906 гг.

Губернии.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.
Лифляндская . .	1262	1112	993	919	979	910	915	946	1016	1019	1099	1160
Эстляндская . .	195	167	23	132	165	131	232	197	234	243	253	240
Курляндская . .	389	457	184	135	120	119	113	117	161	181	84	116
Итого . . .	1846	1736	1200	1186	1264	1160	1260	1260	1431	1443	1436	1516

Сколько ни старался Соллогуб, но все же им были недовольны: царское правительство считало его слишком мягким и неспособным поэтому умиротворить край. Царским указом от 17 октября 1906 года Соллогуб был заменен командиром 5 армейского корпуса генерал-лейтенантом бароном Меллер-Закомельским, который и прибыл в Ригу 5 ноября 1906 года.

Таким образом, умирительная политика из рук академика-профессора перешла в руки строевого офицера, притом—барона.

Как только барон Меллер-Закомельский прибыл на место, он сразу же принялся «энергично» усмирять край. Первым его выступлением был приказ № 1 от 5 ноября 1906 года. Этим приказом он уничтожает побочные генерал-губернаторства как в Эстляндской, так и в Курляндской губерниях и сосредоточивает всю власть в своих руках. Военачальникам оставляются только некоторые права генерал-губернаторов, как-то: подчинение гражданской власти военной и т. д. В Эстляндской губернии такими правами пользовался командир 23 пех. дивизии генерал-майор Пыхачев.

В этом же приказе Меллер-Закомельский приказывает «учредить военно-полевые суды», воспрещает всякого рода собрания противоправительственного характера, разрешает военачальникам при чрезвычайных обстоятельствах «принимать безотлагательные экстремные меры для восстановления порядка».

В приказе № 2 от 8 ноября он приказывает «сожжения с карательной целью впредь совершенно прекратить». «Единственно,

когда сожжение может быть допущено, это в том случае, если в каком-либо строении укрываются злоумышленники.

Высочайшим манифестом от 11 августа 1904 года телесное наказание было отменено,—«вследствие сего предписываю на будущее время отнюдь не прибегать к телесному наказанию»— с карательной целью.

К чему было телесное наказание, когда в то время работали военно-полевые суды, которые могли расстреливать первого попавшегося.

Закончив указания «по военной линии», Меллер-Закомельский по гражданской линии издает 10 ноября 1906 г. «Обязательное постановление № 1». Согласно этого постановления, «владельцы имений или замещающие их лица в качестве представителей мызной полиции должны наблюдать за всеми лицами» (пункт 1).

«Владельцы усадеб обязываются доводить до сведения... полиции о всех вновь прибывающих в усадьбы лицах» (пункт 2). «Владельцы обязаны иметь в своих домах именной список всех живущих»... (пункт 3). «Виновные подвергаются денежному штрафу до 3 000 рублей».

«Обязательное постановление № 2» от того же числа воспрещает самовольные вторжения в чужие жилища, всякие угрозы, всякого рода сборища и сходки. Виновные подвергаются штрафу в 3 000 рублей.

Согласно «Обязательного постановления № 3» от 1 декабря владельцы домов, гостиниц, меблированных комнат и т. п. должны «иметь бдительный надзор за всеми проживающими в домах», «о всех подозрительных сообщать в полицию», не принимать «без видов на жительство или сомнительных», иметь именные списки. Опять штраф в 3 000 рублей.

«Обязательное постановление № 4» от 4 декабря 1906 года воспрещает скопы, демонстрации на фабриках и заводах; в типографиях; редакторам газет запрещается «задерживание выпуска очередного номера».

«Воспрещаются всякие проявления демонстративного свойства».

Так начал действовать Меллер-Закомельский. Всякого и каждого он превратил в полицейского, действовать могли и должны были только одни военно-полевые суды.

Как только Меллер-Закомельский закончил с административными распоряжениями, он взялся за характеристику положения края. 27 декабря 1906 года он пишет Столыпину (№ 4336):

«Число преступлений, как государственных, так и общеуголовных, сильно возвышавшееся год тому назад при учреждении временного генерал-губернаторства, понизилось почти до обычного к половине февраля 1906 года, вследствие репрессивных мер, предпринятых со стороны командированных в край военных отрядов. Затем наступило обратное явление. Преступность снова стала постепенно усиливаться: пошли всякого рода грабежи, разбои и убийства, с одной стороны, свидетелей, пока-

завших у судебных следователей и в судах против злоумышленников, а, с другой стороны—пасторов, волостных должностных лиц и учителей, оставшихся верными правительству. Такая поспешность увеличения преступности наблюдалась до половины июля 1906 года, когда положение дел ухудшилось, и число преступлений повысилось скачками до половины октября, хотя уже не поднималось на столько, как это было в декабре 1905 года. После того, заметно было новое значительное улучшение, обязанное» ...очевидно, приказам и обязательным постановлениям барона и особенно военно-полевым и военно-окружным судам.

Говоря короче, Меллер-Закомельский причину успокоения видит в снятии Соллогуба и в своем назначении на должность генерал-губернатора.

Покончив с этими предварительными мерами, Меллер-Закомельский принимается за чистку аппарата от недостаточно ретивых чиновников.

Он заменяет эстляндского губернатора Башилова полковником Коростовцевым за то, что Башилов: 1) допустил появление «лесных братьев» под руководством Пельта; 2) допустил убийство барона Будберга; 3) допустил митинг—проводы члена Государственной думы социал-демократа Пярна в Ревеле; 4) держал стражников в Ревеле, а не в уездах; 5) непосредственно сносился с центральной властью; 6) ходатайствовал об учреждении при нем землеустроительной комиссии, чтобы наделить крестьян землей и учредить крестьянский банк, т.-е. стремился ввести «радикальные меры», по выражению барона.

Затем Меллер-Закомельский подал жалобу и на военного прокурора подполковника Хабалова (5 января 1907 г.), обвиняя Хабалова в том, что он на военном суде отказывался от обвинения тех лиц, в отношении которых не имелось улик; иногда свидетели отказывались от своих предварительных показаний, ссылаясь на то, что последние были у них вынуждены насильно. Меллер-Закомельский в этой своей жалобе не может понять, каким образом правительственный прокурор вообще может отказаться от обвинения, в то время как он сам всегда на ходатайства и доказательства невиновности приговоренных к смерти накладывал резолюции: «Приговор утвержден, снисхождения не заслуживает, Меллер-Закомельский».

Однако, вопреки всем мероприятиям Закомельского, революционное движение продолжалось. Еще продолжали работать социал-демократические центры Ревеля и Юрьева, и Закомельскому пришлось еще долгое время вести с ними борьбу.

4 января 1907 года был убит в Ревеле начальник вагонного цеха ревельских железнодорожных мастерских Аренс. В июле того же года в Ревеле на заводе была проведена десятидневная забастовка. 18 февраля 1907 года в местечке Немме и 11 августа в Гапсальском уезде были произведены экспроприации. 11 ав-

густа было совершено нападение на арендатора имения «Маарт», и убит Круус. 31 октября близ станции Веггева был устроен налет на купца Йогансона и экспроприровано ценностей и денег на 2 770 рублей и т. п.

В Юрьевском уезде в 1907 году 15 июля были совершены набеги на винную лавку № 220 и на Кавастаское волостное правление. 23 ноября был сожжен скотный двор «Лалли», 16 марта 1908 года—нападение на Раппальское волостное правление, 8 апреля—на Пулькусское и т. д.

В 1907 году по Юрьевскому уезду распространялись воззвания «Николай II», «К крестьянам» и т. п. прокламации, изданные социал-демократической партией. Прокламации продолжали разбрасываться еще и в 1908 году. 2 февраля 1908 года в Юрьеве полиция захватывает принадлежности тайной типографии и воззвание «Кровавое воскресенье». 9 июня начальник сыскной полиции Аланд задерживает груз в 3 пуда шрифта и т. д.

В Феллинском уезде в это время распространяют прокламации и ведется пропаганда даже в войсках, за что арестовывается прапорщик запаса Пихлак.

В Перновском и Верроском уездах наблюдаются такие же явления. В Валке 2 сентября 1907 года арестовывается митинг социал-демократов в лесу и т. д.

Так что революционная борьба продолжается и во времена Меллер-Закомельского; только в 1908 году наступает относительное спокойствие.

Если взять хотя бы сведения, собранные канцелярией генерал-губернатора об убийствах и поджогах, то мы получаем следующую картину за 1906—1908 гг.:

М Е С Т О .	Месяцы																	
	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.
Лифл. губ.	55	43	16	12	19	18	24	19	22	26	40	26	24	8	17	10	11	7
Гор. Рига	33	39	9	3	14	11	18	11	4	6	10	5	12	3	9	5	6	6
Курл. губ.	53	45	18	17	11	21	33	44	34	18	14	24	27	33	11	11	9	18
Ливава	—	—	—	—	—	—	—	—	36	19	16	21	16	23	5	1	3	1
Эстл. губ.	1	13	—	1	1	—	5	12	10	17	27	18	11	5	9	3	5	8
Ревель и уезд . . .	—	—	4	6	6	—	11	12	9	19	10	19	14	10	7	6	8	7
Всего	142	140	47	39	51	50	97	98	115	105	117	113	104	82	58	36	42	47

Приведенные данные говорят главным образом о революционном движении в деревнях, но борьба продолжалась и в городах. Если взять хотя бы Эстляндскую губернию и заводы, находящиеся под наблюдением фабричных инспекторов, то мы получим следующую картину стачечного движения:

В 1905 г. было 137 стачек и участвовало	48 654 ч.
» 1906 » » 13 » » »	9 488 »
» 1907 » » 46 » » »	13 686 »
» 1908 » » 27 » » »	7 662 »

Если же мы посмотрим, на какие заведения падают главным образом стачки, то увидим следующее:

Г О Д Ы.	Число заведений.	Число рабочих на всех заведениях.	Число завед., участвовавших в стачках.	Число рабочих в заведениях, участвовавших в стачках.	% рабочих участн-ков.
1906	252	16 021	12	11 450	71,5
1907	254	15 439	23	6 233	40,4
1908	254	19 627	13	6 917	35,3

Повторных забастовок было: в 1906 году 1, в 1907 г.—9 и в 1908 г.—8.

Эти цифры показывают, что революционное движение хотя и продолжалось, но в общем шло на убыль. Причиной этому был, конечно, не Меллер-Закомельский. Главную роль тут играл, во-первых, некоторый экономический подъем, который наблюдался в это время, затем те реформы, которые были проведены в области арендных отношений, в вопросах школы и церкви. Конечно, большое значение имел и правительственный террор, уничтоживший организацию и революционную силу.

Б. Барон Меллер-Закомельский и периодическая печать.

Из деятельности Меллер-Закомельского необходимо отметить еще его борьбу с прессой. Борьба эта была начата Соллогубом, но усилена при последнем генерал-губернаторе.

До Меллер-Закомельского были закрыты газеты: «Uudised», «Teataja», «Eesti Postimees», «Uus Olers», «Olevik» «Sakala», а он принялся за уничтожение всей эстонской печати.

В отношении к председателю Совета министров от 13 февраля 1907 года за № 132 Меллер-Закомельский пишет: «Значительные еще затруднения в вопросе умиротворения края продолжительное время ставила пропаганда в периодической печати...».

От 26 июня за № 4741 он опять нападает на периодическую печать, указывая, что поскольку газеты уделяют мало внимания хозяйственным вопросам, а большинство населения занимается сельским хозяйством, то газеты вообще не нужны.

Такое отношение Закомельского к печати заставило даже Столыпина выступить в защиту прессы. 7 августа 1907 года за № 800 он указывает Закомельскому на недопустимость одновременно прекращения почти всех газет в крае.

В ответ Столыпину от 15 августа 1907 года за № 6195 Меллер-Закомельский старается обосновать свое мнение относительно закрытия газет. Он пишет, что закрытие пяти газет не могло отразиться на хозяйственной жизни страны потому, что «приостановленные газеты наполнялись в большинстве заимствованными известиями, статьями и беллетристической тенденциозно-политического освещения, соответствующего воззрениям крайних левых и узко-националистических эстонских партий». Закомельский считал, что в газетах должны помещаться только статьи экономического характера и главным образом объявления.

По настоянию Закомельского, в Ревеле были закрыты газеты «Teataja» и «Wirulane». Вместо «Wirulane» появилась «Uus Wirulane». 12 июня 1907 года эстонское жандармское управление сообщило, что «Uus Wirulane» и «Sõnumed» оказывают вредное влияние на население и рабочих. Например, после шестинедельной забастовки в Ревеле на металлическом заводе Лаусмана «Uus Wirulane» одобрил борьбу рабочих и требование 7-часового рабочего дня. После этого «Uus Wirulane» и «Sõnumed» были закрыты. Взамен «Uus Wirulane» вышла «Säde» и взамен «Sõnumed» появилась «Maa Sõnumete teine Wäljaanne», взамен «Uus Wirulase teine Wäljaanne» появилась «Laine».

Генерал-губернатор приостанавливал выход этих газет по той причине, что в типографии Антье, где печатались эти газеты, печатались также прокламации и подпольный орган социал-демократической партии «Sotsialdemokrat». Кроме того, в Ревеле были закрыты «Tulevik» за подрыв веры в христианство и карикатурный листок «Pealkirjata».

В Юрьеве были закрыты: социал-демократическая газета «Uudised», «Olevik» и социалистическая газета «Hommik», главным руководителем которой был Г. Пегельман, а также националистическая буржуазная газета «Postimees», редактором которой был Ян Тениссон. Газета «Postimees» была закрыта за статью «Тяжелый день», в которой писалось: «Тяжело будет отвечать П. Столыпину перед историей и перед идеей благопо-

лучного преуспеяния России за выступление против основных законов... Теперь правительство П. Столыпина нанесло страшную рану в сердце наилучшим людям России... отняв у них возможность работать на почве мирного обновления...»

В той же газете № 125, в статье «Политические права потеряны» говорилось: «Еще меньше похвалы может ожидать П. А. Столыпин. Эсты и латыши знают хорошо, как правительство желает подчинить их власти горсти помещиков-немцев...»

В Феллине были закрыты «Sakala», «Kodumaa», «Kodumaa Nääl». Еще была закрыта «Meie Aastasada».

Газеты были закрыты потому, что, по мнению властей, они оказывали вредное влияние на народ. По мнению Закомельского, если бы не было газет, не было бы и увеселительной поездки рабочих фабрики Лютера в количестве 300 человек в Гельсингфорс, не было бы демонстрации—проводов члена Государственной думы, социал-демократа Пярна, где участвовало 4 000 рабочих с красными флагами, не было бы и прощальной речи Пярна под лозунгом: «Да здравствует революция».

По мнению Закомельского, выходит еще достаточно газет: в Ревеле—6 газет, в Юрьеве—3, в Феллине—1, в Аренсбурге—1.

На каком языке и какого содержания были газеты, до этого, конечно, не было дела губернатору. Только бы выходили.

В. Деятельность военных судов. ¹

Как было уже раньше указано, Закомельский уделял много внимания военным судам. Об этом заботился не только генерал-губернатор, но и правительство.

В циркулярном письме от 6 сентября 1906 года за № 1342 Столыпин пишет, что революционная деятельность усиливается, устраиваются покушения на воинских чинов и т. д.; посему на утвержденных основоположениях 18 и 19 августа сего года учреждаются временные полевые суды, имена судей этих судов не подлежат оглашению и т. д.

В циркулярном письме от 9 октября за № 1873 говорится, что военно-полевые суды необходимы для быстроты действий, когда нет необходимости расследовать, когда «преступное деяние представляется вполне очевидным»; кроме того, удобство этих судов еще в том, «что приговоры военно-полевых судов не могут быть обжалованы».

То же самое подтверждают министр внутренних дел и департамент полиции за подписями Макарова и Трусевича от 21 ноября 1906 года за № 8154.

¹ Смотри приложение № 5. Цирюляры и инструкции.

В сообщении министру внутренних дел за № 1476 Закомельский излагает свое мнение о способах скрывания имен свидетелей, приходя к выводу, что имен свидетелей не нужно отмечать в бумагах.

Что касается деятельности этих судов, то Меллер-Закомельский, как уже было указано, не признавал судебных ошибок; как и сколько ему ни доказывали невиновность, он все отделялся резолюциями: «не заслуживает снисхождения» или: «я не вижу основания к смягчению».

Если рассматривать «плодотворную» работу военных судов, то мы увидим, что военно-окружные суды Прибалтийского края за время с декабря 1905 года по 1 мая 1908 года выполнили следующую работу:

Предано суду.	1 491 человек.
Из них казнено.	595 »
Присуждено к каторге.	481 »
» » арестантск. отделен.	63 »
» » в крепость.	3 »
» » ссылку на поселение.	84 »
» » тюрьму.	82 »
Оправдало.	183 »

Работа военно-полевых судов с 20 августа 1906 года по 20 апреля 1907 года:

Предано суду.	95 чел.
Расстреляно.	57 »
Присуждено к каторге.	14 »
» » тюрьме.	6 »
Оправдано.	15 »
Не исследовано.	2 »
Не явилось.	1 »

Казненных по суду всего 690 человек. По постановлениям военно-окружных судов казнено 595 чел., из которых в Курляндской губернии—112, в Лифляндской губ.—315, в Эстляндской—168.

В административном порядке в Эстляндской губ. наказано 198 человек.

Выслано в административном порядке:

Из Курляндской губ.	498 чел.
» Лифляндской губ.	182 »
» Эстляндской губ.	101 »

Всего . . . 781 чел.

Воспрещено жить в Прибалтийском крае. 1 871 чел.
 » » » Эстляндской губ. 80 »

По постановлениям генерал-губернатора и других административных лиц выслано 2 652 человека.

За период с ноября 1906 г. по 1 мая 1908 г. арестовано членов боевых организаций 224 человека.

Наложены штрафы на волость Гапсальского уезда (где был убит барон Будберг) и на многие другие места.

В Ревеле административным порядком закрыто: типографий—1, обществ—2, торговых заведений—2.

Вышеприведенные данные, поскольку они собраны канцелярией генерал-губернатора Прибалтийского края, можно считать только приблизительными, ибо не обо всех случаях—даже расстрелов—сообщалось генерал-губернатору; однако, и эти данные говорят довольно ясно о деятельности генерал-губернатора и его политике. Можно сказать только одно, что политика правительства в Прибалтийском крае была направлена в полной мере на защиту помещиков или немецких баронов и на уничтожение активно-революционной и вместе с тем передовой силы местного населения.

«Умиротворение» как будто было достигнуто. Умиротворяющая сила—карательные отряды закончили свою работу и возвратились в штаб-квартиры: первые отряды возвратились в апреле 1906 г., вторые—в 1907 г., третьи—в мае 1908 г. и, наконец, последняя часть из них—в конце летнего лагерного сбора 1908 года.

Этим можно было бы закончить краткий обзор аграрного движения эстонской части Прибалтийского края, если бы это движение носило только чисто стихийный и случайный характер. Нам же при разборе материалов приходится признать, что аграрным движением все же руководила социал-демократическая рабочая партия. Поэтому необходимо еще вкратце коснуться разгрома социалистических партий в крае.

Г. Разгром социалистических партий.

1. Социал-демократическая рабочая партия.¹ Руководство социал-демократической партии исходило из двух центров: из Ревеля во главе с Ревельским комитетом (эстляндская организация) и из Юрьева во главе с комитетом северо-лифляндской организации. В работе социал-демократической партии необходимо отметить, что в 1905 году меньшевистская группа была довольно сильна. Ее возглавляли Рей и Мартна в Ревеле и федералист Спек в Юрьеве. Были работники и у большевиков, как Александр Кескюла в Юрьеве, рабочие Кунингас, Ганс Гроссман, Николай Янсон², Кирик, Шутц, Купар и другие в Ревеле.

¹ См. приложение № 6.—Разгром политических партий.

² Николай Янсон—слесарь завода Вольта—был почти единственным большевиком-оратором из рабочих, в настоящее время секр. Ц. К. К. ВКП (б).

В Ревеле не так ярко выразилась борьба между меньшевиками и большевиками, как в Юрьеве, где споры шли по линии федерализма-меньшевизма и централизма-большевизма (не все центристы были последовательными большевиками). В Юрьеве фракционная борьба приняла широкие размеры, тем более, что во главе социал-демократической газеты «Uudised» стоял тогда федералист П. Спек.

В Ревеле широкого партийного органа не было, а выходила газета, издаваемая группой радикальной буржуазии—Пяте, Темант, Штрандман и другими—«Teataja»; к этой группе присоединился и Г. Пегельман. Впоследствии часть меньшевиков и указанная группа радикалов хотели превратить «Teataja» в партийный орган, велись даже переговоры с партией, но соглашение не состоялось. Большевистская часть партии не попала на удочку радикалов.

Так обстояло дело в центрах партии. Но с развертыванием аграрного и революционного движения социал-демократические организации не остались только городскими организациями, а стихийно возникали повсюду. Не было волости, где бы не было социал-демократической организации. Социал-демократическая партия, внешне единая, а по существу делящаяся на фракции, вследствие слабости своих городских организаций, не могла выделять работников в деревни. Деревенские организации шли самотеком или их руководителями являлись студенты Юрьевского университета и другая молодежь, которая каникулы и конец 1905 года проводила в деревнях. Социал-демократическая партия была так популярна, что в деревнях массами записывались в нее. Каждый считал для себя честью быть социал-демократом. Партия превратилась в массовую рабоче-крестьянскую организацию. Крестьяне инстинктивно чувствовали правильность положений социал-демократической программы и сами шли под руководством авангарда рабочего класса. Но партия, организационно и идеологически пока слабая, не могла еще руководить деревенскими ячейками, так что часто в деревнях предпринимались такие решения и шаги, которые не соответствовали задачам партии. Почти единственными руководителями для партийцев в деревнях являлись газеты левого направления, как «Uudised» и «Teataja».

С объявлением военного положения и с приходом карательных отрядов сельские организации совершенно лишились руководства, газеты закрылись, более видные работники партии в городах ушли в подполье или же эмигрировали. Распались, конечно, и сельские организации.

К лету 1906 года, после организации в Ревеле профсоюзов и совета безработных, партия опять начала вести свою работу, но уже нелегально. К осени 1906 года парт. организации были уже настолько восстановлены, что могли созвать в Ревеле кон-

ференцию делегатов сельских организаций. К концу 1906 года в Юрьеве вновь стала выходить социалистическая газета «Номмик» при ближайшем участии социалиста Пегельмана,¹ в Петербурге же радикальной буржуазией издавалась социал-демократическая газета «Külg», под редакцией члена партии П. Спек, переменившего к тому времени фронт от федерализма к большевизму.

Поскольку Спек составил редакцию из партийных товарищей, постольку означенная газета оказалась скоро лишенной денежной поддержки радикальной буржуазии. Позже газета была закрыта; такая же участь постигла в марте 1907 года и газету «Номмик».

В феврале 1907 года петербуржцы и нарвцы попробовали издавать маленькую подпольную газету «Rõgrandaalune» («Подпольщик»), но так же неуспешно.

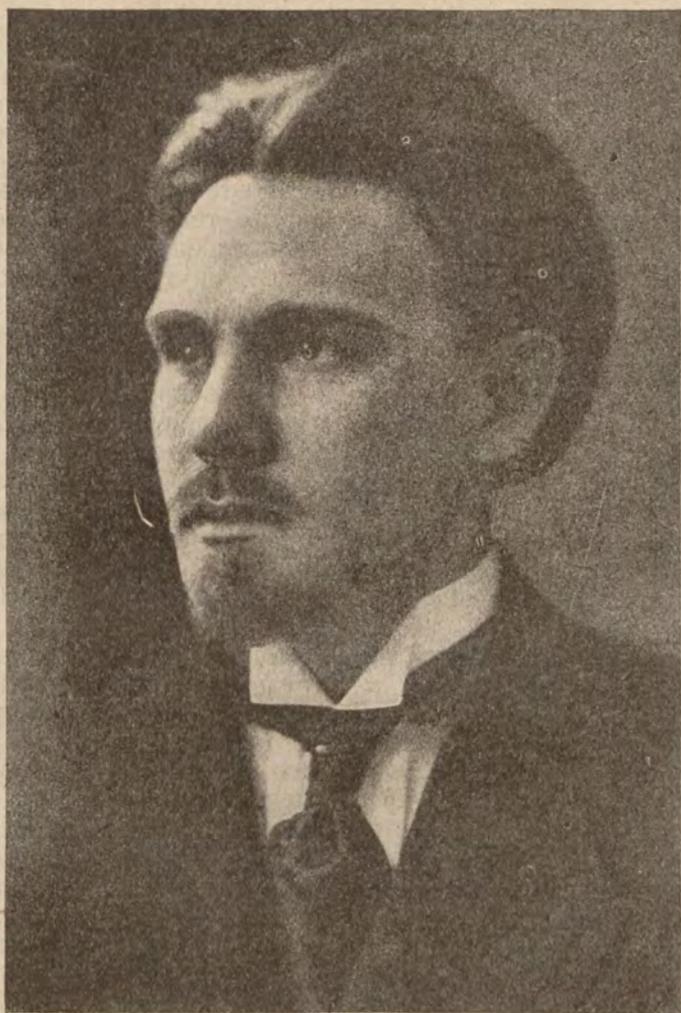
Более плодотворную и широкую работу вел Ревельский комитет партии, который имел свои подпольные типографии. С сентября 1906 года он издавал партийный подпольный орган «Sotsialdemokrat»,² военный орган «Ревельский Военный Листок», выпускал листовки и т. д. Кроме обширной работы собственно в Ревеле комитет руководил всей работой в Эстляндской губернии, был связан с ЦК РСДРП, с Петербургским комитетом, с Гельсингфорсом и с северо-лифляндской организацией. В конце 1906 г. Ревельский комитет был еще под влиянием меньшевиков, из которых очень энергичную работу вела Альма Остра, но в начале 1907 года Ревельский комитет перешел в руки большевиков, под руководством Вольдемара Вельмана (Vulli), большевика с 1905 года и до наших дней.

Уже на Лондонский обще-партийный съезд делегатом был избран петербургский студент большевик В. Кингисепп (расстрелян в Эстонии), и только кандидатом прошла меньшевичка-партийка Остра. Кингисепп почему-то не поехал, и его заменила Альма Остра, «Зельма», которая после съезда даже не вернулась уже в большевистский Ревель, а осталась в Финляндии.

Под руководством т. Вельмана Ревельским комитетом было издано много удачных листовок, как, например, «К годовщине восстания «Память Азова», «Избирательная платформа», «Тактическая платформа» и многие другие. По поводу выборов в Государственную думу писалось, что первая Дума в своих требованиях была очень осторожна, но как только она приступила к разбору аграрного вопроса, вопросов самоуправления и свобод, то царское самодержавное правительство разогнало ее. На вторую Думу правительство наложило свои кровавые руки и арестовало 55 представителей из социал-демократической фракции. Освободиться возможно только через непосредственную

¹ Ответственным редактором был меньшевик Янс.

² «Sotsialdemokrat» — газета меньшевистского толка.

Владимир Вельман «Vulli», старый большевик и один из популярнейших вождей эстонского пролетариата. Товарищ Vulli был первым большевистским организатором Ревельского комитета партии. В 1906—8 гг. под его руководством Эстляндская партийная организация стала большевистской, и меньшевики потеряли в ней почти всякое значение. В 1917 г. после возвращения т. Вельмана из ссылки Ревельский Совет под его влиянием становится большевистским, и ревельский пролетариат избирает его городским головой. С 1918 г. т. Вельман работает в Советском Союзе на ответственных постах.

борьбу рабочих, крестьян и солдат. «Собирайтесь и объединяйтесь в непобедимую армию, только такая армия может пошатнуть правительство».

В «Избирательной платформе» Ревельский комитет пишет: «только под напором широких народных масс и под давлением народного восстания пошатнется войско, на которое опирается правительство, и падут крепостные стены самодержавного правительства». «Да здравствует вооруженное восстание».

В «Тактической платформе» излагаются задачи пролетариата в данную минуту, пролетариат призывается к борьбе со всеми меньшевистскими шатаниями.—«Непоколебимая идейная борьба против всех попыток ограничить классовую самостоятельность пролетариата».

В брошюре «Движущие силы революции» крестьянам рекомендуется самим конфисковать крупное землевладение.

Период работы т. Вельмана в Ревельском комитете вообще выделяется ясностью и конкретностью выдвигаемых большевистских лозунгов требований. Большевики в Ревеле были окончательно побиты. И по настоящее время т. Вельман пользуется большой популярностью среди эстонского рабочего класса, который считает его своим вождем, основоположником большевизма в Эстонии. При выборах в Учредительное собрание в 1917 году авангард эстонского рабочего класса выдвинул т. В. Вельмана на первое место.

Поскольку «Sotsialdemokrat» была связана еще с меньшевистской идеологией, Ревельский комитет под руководством Вельмана стал издавать чисто большевистскую подпольную газету «Võitleja», которая в одной из статей писала, что «вести мирным путем до конца русскую революцию нельзя»... «без народного вооруженного восстания прав добиться нельзя»...

Большевистская победа в эстонских организациях выявилась ясно и на партийной конференции в Финляндии в марте 1907 г., где были приняты большевистские резолюции по вопросам: 1) об аграрном вопросе, на примере которого Ленин указал, как нужно исправлять меньшевистские резолюции, 2) о Государственной думе, 3) о профессиональных союзах, 4) о боевых группах и военных организациях и 5) о позиции соц.-дем. партии и об отношении к другим партиям.

Кроме рассмотрения этих вопросов, был принят «Устав Эстонской объединительной организации РСДРП».

В борьбе с меньшевизмом необходимо указать еще на «открытое письмо» меньшевика Карла Тюрна, который выступал против большевистского Ревельского комитета и против большевизма вообще, указывая между прочим, что большевики добиваются социалистической республики, а они, меньшевики, только демократической и т. д.

На письмо была дана достойная ответь.

Кроме повседневной работы, Ревельский комитет руководил еще «боевой организацией», деятельность которой распространилась на всю эстонскую часть Прибалтийского края. При комитете и под его руководством работала еще военная организация¹, было обращено внимание и на организацию молодежи.

Так что в 1907 году ревельская организация работала, как большевистская, и развернула в условиях подполья свою работу во всю ширь.

Но и реакция не дремала. 29 июля 1907 года была захвачена первая типография Ревельского комитета, но еще остались две, и работа продолжалась.

Удар в сердце ревельской организации был нанесен 11 октября 1907 года арестом вождя—Вольдемара Вельмана. Вельман, правда, продолжал руководить работой из тюрьмы, но арест следовал за арестом. 23 января 1908 года была арестована вторая типография на Татарской ул., № 44; в конце концов 29 человек из руководящей группы очутились за решеткой².

Арестом руководящей группы Вельмана, Гроссмана, Крайса, Лулла, Симона, Кохберга, Лимбервека, Саристе, Типпо, О. Вельдт и других ревельская организация, если не была уничтожена, то настолько ослаблена, что развить такую широкую работу, как в 1907 году, она долго уже не могла. Руководство Ревельским комитетом после ареста сильной большевистской группы перешло в руки тт. Вийсмана Ал., Эльбе, Соо и других.

Северо-лифляндская социал-демократическая организация, куда входили Юрьев, Валк, Феллин, Пернов, Верро, была разгромлена к марту 1908 года вследствие предательства члена боевой группы Густава Генрихова Лацкого³, который выдал всю организацию и членов комитета, во главе с большевиком-руководителем Александром Кескюля.

Работа северо-лифляндской организации состояла в руководстве низовыми организациями, боевой группой и военной организацией, в выпуске воззваний и листовок.

Более интенсивная работа организации, в условиях подполья, велась в конце 1906 года и в 1907 году; в 1908 году распространялись только отдельные воззвания.

В начале 1907 года из состава северо-лифляндской организации вышел Валк. Поскольку в Валке руководство Сев.-Лиф. комитета чувствовалось слабо и часто даже отсутствовало, а латышская соц.-дем. раб. партия все время держала связь с валкской организацией, то в начале 1907 года вопрос о принад-

¹ 2 августа 1906 г. было восстание на крейсере «Память Азова», военной работой руководили большевики.

² Весь Ревельский комитет партии и 200 членов партии были арестованы. Спаслись два пропагандиста из комитета партии тт. Янсон и Кингисепп (оба большевики). Членов партии в Ревеле было всего 600—700 чел.

³ Смотри приложение № 6.—Разгром политич. партии.

лежности валкской организации к сев.-лифл. организациям был поднят на общегородской конференции. На конференции участвовали только два эстонца—городской организатор молодежи Я. Пальвадре и представитель ячейки жел.-дорожных мастеровских; остальные были латыши, и эти организации не были эстонскими, а общими (русские, латыши, эстонцы, поляки и т. д.).

Вообще в состав валкской организации входила только одна эстонская деревенская ячейка Загницкой волости. Конференция единогласно постановила присоединиться к латышской соц.-дем. партии, и тем Валк вышел из состава северо-лифляндской организаци. И уже в выборах на Лондонский партсъезд валкская организация участвовала, как составная часть латышской соц.-дем. партии.

Партийная работа в городах Верро и Феллине была слишком слабая и после пятого года ничем не проявлялась, так что эти организации можно считать сами собой отпавшими, как не существующие.

Более интенсивная работа велась в Пернове, где имелся завод Вальдгоф. В условиях подполья работа в Пернове особенно характерна в конце 1906 года и в 1907 году. К концу 1906 года перновская организация имела 180 членов. Но вот в начале февраля 1907 года арестовывается организатор и руководитель Перновского комитета Амалия Унт, и руководство переходит в руки гимназиста «Карла» — Юрия Вильмса; а 28 сентября 1908 года Перновский комитет постановил прекратить свою деятельность.

Юрьевская организация, как руководящая в северо-лифляндской, будучи не рабочей, а интеллигентской, особенно сильно переживала реакцию. Часть членов ее переходит к либеральствующей буржуазии, часть бросается к «бомбометанию», и только рабочая часть продолжает свою работу до 1908 года. Военная организация арестами 1907 года была ликвидирована. Аресты в конце 1907 года и в начале 1908 года прекращают деятельность и всей организации. После предательства Лацкого и выдачи им руководителя организацией Ал. Кескюля, членов комитета М. Лепп, Юрия Штернбека, Орлова, Давыдова, Югансона и боевиков Костя и Яна, старые партийцы Кийласпеа и Блауфельд и другие рабочие на время утихают или уезжают, и кончается эпоха работы северо-лифляндской организации.

Так в 1908 году с разгромом революционного движения был разгромлен и его руководящий центр—социал-демократическая партия в эстонской части Прибалтийского края.

2. Другие социалистические группы. *Боевая группа*, в которой участвовали представители партии, была разгромлена в 1907 году. Группа главным образом производила экспроприации касс, совершала террористические акты. Из деятельности группы можно отметить: убийство барона Будберга и экспроприацию у него 15—16.000 рублей, экс у купца Ловицкого в Ре-

веле и Югансона близ станции Веггева, нападение на багажный вагон в поезде близ ст. Эльвы, убийства городских, мастера в Ревеле и многие другие террористические акты. С арестами в феврале-марте-октябре 1907 года руководящей группы: Олундера, Югансона, Сареекса, Зоммера, Ребанэ, Мюллера, Тяхъяема, Сикамае, Наэла, Лемана, Нильмана, Мейстера и Ротберга — эта группа перестала существовать, тем более, что бывший ранее в группе «Альфонс»¹ — Лацкий сидел уже в тюрьме, предав всех и вся своею исповедью.

Организация партии социалистов-революционеров существовала и работала в Ревеле и в Юрьеве. Ревельский комитет располагал даже своею типографией и выпускал листки, но особого влияния на рабочих и крестьян он не имел. В одном из воззваний «К товарищам рабочим» говорилось: «Мы требуем полного отобрания частной собственности: земель, фабрик и орудий производства, мы требуем рабочим полного продукта труда, крестьянам всей земли, мы требуем полного самоуправления всему народу». Средствами к осуществлению ниспровержения самодержавия и к созыву Учредительного собрания выдвигался массовый бунт и одиночный террор.

11 августа 1907 года была захвачена типография и арестованы руководящие члены: Гаммеры Елена и Карл, Филимонов, Кийман и Рятсак.

Юрьевская группа была уничтожена в начале 1908 года, арестами Югансона, Реймана, Легена, Раннамеса, Мазера, Тотси и других; раньше были арестованы члены боевой группы Нилендер, Мазер и др.

Эстонская организация партии социал-революционеров таким образом была уничтожена в начале 1908 года¹.

В конце 1907 года была разгромлена еще *юрьевская группа сионистов*.

С разгромом социалистической организации в начале 1908 г. образовался некоторый застой. Правительство и помещики-бароны и частью буржуазия ликовали, что социализм уничтожен, что вредный иностранный «нанос» выметен. Да, социализм временно был придавлен, но не уничтожен.

Д. Проект земского самоуправления и ликвидация генерал-губернаторства.

Параллельно с «умиротворением» края шла работа особого совещания при генерал-губернаторе. В совещании участвовало всего 18 человек с решающими голосами и некоторые приглашенные, в качестве сведущих людей, как латышский черносотенец редактор Вейнберг и другие.

¹ Смотри приложение № 6.—Разгром политических партий.

Представительство было от трех губерний: шесть чел. от ландтагов—бароны, шесть от губернских городов—также бароны или крупные буржуа—и шесть от крестьян—серые бароны по назначению.

В результате совещания был принят проект о земском самоуправлении для края на основе общего положения о земском самоуправлении во внутренних губерниях государства.

В положение были внесены только некоторые изменения:

1. Города остаются на особом положении и не участвуют в уплате уездных земских сборов;

2. Участие в земстве арендаторов в качестве третьего избирательного участка;

3. В земских собраниях не обязательно председательствовать кого-либо из дворян, а допускается по выбору собрания.

4. Образование из числа гласных губернского земского собрания постоянного органа—губернского земского комитета.

5. Полномочия уездных гласных—3 года, губернских—6 лет.

6. Равноправие языков на собраниях и в переписке с частными лицами.

7. Принцип децентрализации—вопросы решаются местной властью, а не только министерством внутренних дел.

8. Отсутствие прокурора в составе губернского по земским делам присутствия и т. д.

Официальным языком делопроизводства был признан русский язык.

По земельному вопросу были приняты: отмена привилегий дворянских вотчин, установление нормы крестьянского участка в 15—20 десятин (минимум), передача пасторских и квотных земель батракам и безземельным, распределение между безземельными казенной земли и переселение их в Сибирь и на Дальний Восток.

В вопросах волостного самоуправления установили: право участвовать в выборах волостного самоуправления по месту жительства (оседлость 6 месяцев); из волости выделяется мызный округ; отмена мызной полиции. Язык делопроизводства местный.

По школьной реформе признали начальное образование обязательным и бесплатным; язык—русский.

В вопросе о приходах—уничтожение патронатного права, выборы пасторов всеми прихожанами, замена натуральных повинностей денежными и т. д.

Выработанный проект о земском самоуправлении поступил в министерство внутренних дел для проведения его в законодательном порядке. Однако население Прибалтийского края земского самоуправления так и не дождалось. Были внесены изменения в волостное самоуправление, некоторое улучшение в земельном вопросе (за счет квотных и казенных земель); также были расширены права прихожан при выборе пасторов, и на-

туральные повинности были заменены денежными. Онемечение сменялось руссификацией.

После усмирения края и выработки проекта стали говорить уже о снятии военного положения и ликвидации генерал-губернаторства. Балтийские бароны еще раз забили тревогу, но все же военное положение было снято, и генерал-губернаторство ликвидировано, согласно постановления Совета министров от 3 марта 1909 года, утвержденного царем 17 марта.

В постановлении Совета министров (уже под председательством Коковцова) после изложения истории учреждения генерал-губернаторства говорится: «В настоящее время министерство внутренних дел находит, что обе задачи, ради осуществления коих учреждено было Прибалтийское генерал-губернаторство, могут почитаться достигнутыми: с одной стороны, в министерство внутренних дел уже поступили выработанные упомянутым совещанием законопроекты по всем порученным ему вопросам; с другой стороны, в Прибалтийском крае замечаются явственные признаки наступившего в общественной жизни внутреннего успокоения...». «Признавая, при изъясненных условиях, дальнейшее существование Прибалтийского генерал-губернаторства, на содер-

Тенис Либе — рабочий столяр, родился в 1880 г., член РСДРП с конца 90-х годов. Один из бывших вождей большевиков, участник революции 1905 года и организатор большевистского Эстонского Союза РСДРП.

Под его председательством в июле 1910 г. в Феллинском уезде состоялась большевистская конференция эстонских организаций.

На этой конференции он был избран членом ЦК и его председателем.

В конце 1910 г. жандармерия, вследствие предательства, разгромила ЦК Союза и Перновский комитет. В 1912 г. выездная сессия Петербургской судебной палаты в Риге присудила Либе и его нескольких товарищей к ссылке в Сибирь на поселение.

После Февральской революции Либе отошел от партийной работы и во время гражданской войны пропал без вести.

Снимок изображает Либе в арестантском платье, по прибытии в Сибирь.

жание коего в роспись 1909 года занесено 84 000 рублей, излишним...»

Совет министров нашел нужным упразднить генерал-губернаторство с 15 апреля 1909 года, что и было приведено в исполнение.

«Успокоение» было достигнуто, генерал-губернаторство упразднено, но основные вопросы революции остались не решенными.

Поэтому неудивительно, что социал-демократическая партия уже через год оправилась и сумела созвать объединенную конференцию эстонских социал-демократических организаций в Феллинском уезде 20—24 июля 1910 года.

Конференция рассмотрела и вынесла резолюции по вопросам: 1) по отчетам о прежней деятельности, 2) об общем положении, 3) об отношении к Государственной думе, 4) о тактике—о боевых отрядах, о приобретении оружия и т. д., 5) об открытии школы пропагандистов и т. д. Кроме этого был принят устав Эстонского союза Российской соц.-дем. рабочей партии и избран Центральный комитет. Конференция учла организационные недостатки парторганизации 1905 г., а также важность и значение теоретической подготовки партработников. Конференция шла полностью под флагом большевизма. Хотя на конференции не участвовали старые работники-руководители большевиков, как Вельман и другие, но все же делегаты выдержали большевистский экзамен, и это не случайно, поскольку на конференции председательствовал один из старейших большевиков Тенис Либе, петербургский рабочий, член партии с ее основания.

Эта конференция имела громадное значение и явилась исходным пунктом последующей деятельности. В конце 1910 года был разгромлен Перновский комитет партии, арестованы член ЦК Либе, работник ЦК Клетенберг и другие работники, но основа для будущей работы была заложена. Поворот был совершен.

ГЛАВА IV.

Николай Романов и Витте, как усмирители народного восстания 1905 года в Прибалтийском крае.

Обыкновенно последнего русского самодержца представляют, как слабовольного, не интересующегося делами человека, за которого правили его жена Александра, Распутин или кто-либо из его приспешников. Однако, Николай хотя и не был искусным политиком и государственным человеком, но он вполне понимал свои классовые интересы, как самодержца феодально-капиталистической России. Николай и все Романовы были прежде всего первыми помещиками-феодалами страны. Как таковые, они со всей энергией охраняли права и привилегии помещиков-феодалов.

Российский феодально-капиталистический империализм был более суров, чем в других капиталистических странах. Охрана феодально-капиталистических прав велась более разбойнически, чем в других империалистических странах. Николай, как глава такого государства, повсюду оставался феодалом-империалистом. Интересы такой страны у него были всегда близки сердцу.

Особенно ярко это было видно в 1905 г. во время крестьянского движения в Прибалтийском крае. Это и понятно, поскольку крестьянское и рабочее движение Прибалтийского края приняло характер всенародного движения со своими республиками в Туккуме, в Руене и других местах, где не только образовалась народно-революционная власть, но где эта власть поддерживалась всем населением, сумела организовать свое войско — народную милицию и вести не только обыкновенную борьбу, но и настоящую войну с российским самодержавием. Войска последнего не раз терпели поражения от революционных народных отрядов Туккумской республики и других.

Поскольку декабрьское московское рабочее восстание 1905 г. является примерным уроком пролетарской вооруженной борьбы в целях совершения пролетарской революции, постольку

восстание в Прибалтике является прообразом революционной освободительной борьбы в колониальных и полуколониальных странах настоящего времени и прообразом крестьянских войн в эпоху империализма.

Ту же борьбу, какую с такой жестокостью Франция ведет в Марокко и в Сирии, Англия в Египте, в Индии и в Китае, вел Николай Романов в 1905 г. в Прибалтике.

Прибалтийский край—страна крестьянская, во всем зависящая от собственников латифундий и балтийских баронов, в руках которых была не только вся земля, но в руках которых находилась и вся власть; они сами издавали законы и сами действовали без контроля, без отчета. Крестьяне же, местное население, были не только юридически бесправны, но вполне зависели от баронов и экономически. Вот эти-то рабы и восстали в 1905 г. так же, как теперь народы Марокко, Китая, Индии и других колониальных и полуколониальных стран.

К этому «колониальному» восстанию Николай Романов отнесся со всей ясностью классовых интересов, как Чемберлен, Пенлеве и др. в своих колониях.

Революционное движение в Прибалтике начинается уже в 1904 г. во время японской войны, и первое время оно было направлено, главным образом, против местных владык, немецких баронов. В начале 1905 года крестьянство еще обращается с просьбами в Совет министров и к самому Николаю Романову, и только осенью 1905 г. местное население восстает и против царского самодержавия, ибо просьбами оно ничего не добилося.

Царское самодержавие на это откликнулось введением военного положения и учреждением Врем. прибалтийского генерал-губернаторства 28 ноября 1905 г. Генерал-губернатором был назначен В. У. Соллогуб. И во все время борьбы Николай Романов принимал самое живое участие в разгроме крестьянского восстания. Так, на сообщение лифляндского губернатора Звегинцева от 30 ноября 1905 года управляющему министерством внутренних дел П. Н. Дурново, где было между прочим сказано: «войска при столкновении с бунтовщиками несут потери среди офицеров и нижних чинов...», Николай Романов написал: «не следует дробить войска мелкими частями, а держать их вместе и действовать решительно».

Как видно, бумаги, касающиеся восстания, представлялись на доклад Николаю Романову, который на них же «начерчивал» директивы и указания. Николай приказал *«действовать решительно»* большими отрядами—*«не дробить войска»*. Он великопно понимал угрожающее положение и выход видел в «решительных действиях».

Директива Николая не была выполнена только в одной ее части, ибо недоставало войск в достаточном количестве для

решительных действий. Об этом и телеграфирует Звегинцев. «Поезд осажден огромной толпой бунтовщиков из Риги, и выручить его нельзя. (Из Вильны для «усмирения» был направлен эшелон войск, но потерпел крушение близ Штокмансгофа. Я. П.). Восставшее население двигается на город. *Для спасения Риги требуются немедленно войска.*»

Николай Романов написал: «Следует исполнить заключение рапорта».

Далее департамент полиции от 29 ноября 1905 года за № 13855 секретно на имя начальника штаба С.-Петербургского военного округа приказал все свободные войска отправить на подавление крестьян Прибалтийского края. И согласно распоряжения Н. Романова 5 декабря было созвано совещание по отправке карательных отрядов для Прибалтийского края. Выделялись гвардейцы, надежные матросы и т. д. Дали лучших, надежных генералов—свитских, как Орлов, Безобразов и другие.

Архив временного генерал-губернатора Прибалтийского края разоблачает и другую обывательскую версию, будто бы граф Витте был сторонником народа, издал манифест и благосклонно относился к народным требованиям. Витте, как и Романов, был заклятым врагом народа — крестьянства и рабочего класса, и с такой же суровостью относился Витте к народным требованиям, как и Николай Романов.

Так, на телеграмме предводителя дворянства Эзельского уезда от 13 декабря 1905 года управляющему министерством внутренних дел Дурново, где требуются экстренные меры против смуты, граф Витте, как председатель Совета министров, от 18 декабря 1905 года за № 9967 сообщает временному генерал-губернатору Соллогубу: «в виду беспощадных действий мятежников, по моему убеждению, генерал-губернатор может рассчитывать на успех, только если все без исключения вверенные ему войска и полицейские части примут *самые решительные и столь же суровые меры* относительно мятежников и их руководителей».

В тот же день, 18 декабря, начальник главного штаба телеграфировал Соллогубу: «Государь император высочайше указать соизволил, что на выстрелы войска *обязаны* отвечать выстрелами же и *сокрушать* малейшее поползновение к вооруженному сопротивлению».

Эти телеграммы совершенно тождественны: и граф Витте и Николай Романов требовали кровавой, беспощадной расправы с крестьянством. Витте, как более опытный политик, чем Н. Романов, давал и указания генерал-губернатору, как поймать на удочку местное население, — не зря же он сам издал провокационный манифест 17 октября 1905 года.

Так, например, Витте 19 декабря телеграфирует генерал-губернатору Соллогубу: необходимо «издать и распространить

воззвание следующим положением: население, не сочувствующее восстанию, должно приступить к занятиям, исполнять все законные обязательства, выдать зачинщиков, вернуть все разграбленное, войти в соглашение с лицами, коих имущество сожжено или разграблено, относительно вознаграждения их убытков; затем, мне кажется, что в виду недостатка войск, *войска должны действовать с особою суровостью. Уничтожение некоторых ферм восставших в районах более мятежных* могло бы внести отрезвление.

В этой телеграмме гр. Витте совершенно ясно ставит вопрос о крестьянских погромах, о поджигании крестьянских хуторов-усадеб, что, конечно, сатрапами и исполнялось с большой охотой; так всюду и везде начались пожары и «уничтожение крестьянских ферм». Крестьяне на такую беспощадную войну ответили организацией «лесных братьев», террористических групп, поджогом помещичьих усадеб и т. п.

Н. Романов и Витте, являясь авторами и руководителями ужасного террора в Прибалтике, великолепно знали, что к груди женщин приставлялись револьверы, крестьян раздетыми водили по снегу, пороли розгами, вешали и расстреливали беспощадно.

Ген.-губ. Соллогуб от 20 декабря 1905 года сообщает, что у завода «Проводник» (в Риге) рабочие напали на драгун и что войсковые начальники принуждены были вести даже переговоры с революционерами, что все же, наконец, «Проводник» был взят. Также сообщает он о взятии Руена и требует присылки судебных чиновников.

На это сообщение и требование получено три ответа:

21 декабря за № 686 генерал Редигер ответил: «Ваше превосходительство, повидимому, *упустили* из виду неоднократные указания о необходимости *энергичных мер* и особенно *беспощадного* возмездия за изменническое нападение на войска. *Судебное наказание мало внушительно.* Военно-судебные чины высылаются».

Гр. Витте за № 10071 телеграфировал: «Телеграмму получил. О командировании чинов военно-судебного ведомства сообщил военному министру. *Но вообще привлечение к суду толпы, большую частью, дает неудовлетворительные результаты.* В этих случаях, по мнению Совета, надлежит в точности исполнить объявленное вам повеление о том, что на выстрелы войска обязаны *отвечать выстрелами же* и *сокрушать* малейшее поползновение вооруженного сопротивления».

Николай Романов в свою очередь телеграфировал: «Гнусное нападение на драгун в Риге обязывало вас вместо переговоров с бунтовщиками проявить полную энергию в действиях с применением к мятежникам и их единомышленникам *самой решительной репрессии* на месте совершения злодейского нападения».

Генерал Соллогуб получил, как видно, выговор за нерешительность.

тельные меры и за требование судебного разбирательства для уже арестованных жителей. В этих телеграммах намекается генерал-губернатору, что, мол, не следует совершать больших арестов, а необходимо расстреливать на месте, ибо «привлечение к суду толпы даст неудовлетворительные результаты». Витте прав, ибо никак не докажешь виновность крестьян даже по статьям смертников и по царским законоположениям, лучше уже прикончить без всякого суда. Это все равно, что теперь Цанков в Болгарии, который убивает революционных рабочих и крестьян из-за угла, ибо на основе законоположений не всегда удается приговорить к смерти, тем более, что не всегда найдутся судебные чиновники, которые были бы готовы выносить желательные царскому самодержавию приговоры и слушать феодально капиталистической монархии: судебные чиновники большей частью представители буржуазии и не так заинтересованы в феодальных правах помещиков, в особенности Прибалтийского края. Это и беспокоило Витте и Николая Романова. Они всегда и всюду подчеркивали необходимость крайних мер. Так, Витте от 23 декабря за № 10172 телеграфировал Соллогубу: «особые обстоятельства потребуют видимо и безотлагательно успеха над кровожадными революционерами. Недостаток войск и полиции вызывает самые безотлагательные репрессии; иначе власть не восстановит своего авторитета. Я готов вам оказывать всякое содействие. Телеграфируйте мне, как и чем могу вам помочь».

Витте и Н. Романов ни на минуту не забывали упоминать своим подручным, что против революционного восстания и против законных требований народа есть одно средство — «не жалеть патронов», не жалеть крови.

И когда генерал-губернатор Соллогуб от 28 декабря 1905 г. сообщал: «Согласно донесению Воронова (командующий войсками в Эстляндской губ. Я. П.) последнее от 26 декабря, — революционное движение Эстляндии подавлено энергичными действиями, преимущественно частями первого батальона моряков. Капитан Рихтер не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов. Более значительных вспышек можно ныне ожидать лишь на границе с Лифляндией», — то граф Витте от 3 января 1906 года «считал нужным сообщить для сведения, что на телеграмме вашей от 28 декабря, которую я считал нужным представить его величеству, на том месте, где вы говорите о капитане Рихтере, государь император соизволил написать *«Молодец»*».

Так шло усмирение Прибалтийского края под непосредственным руководством Витте и Н. Романова, которые ежеминутно требовали суровых мер, репрессий против крестьянства. Витте и Н. Романов не были довольны Соллогубом, который усмирять народ пушками и нагайками, но все же допускал и судебное разбирательство, как подсказывала ему совесть вояки Турецкой

войны 1877 — 1878 гг., профессора Николаевской академии с 1894 г. Соллогуб сделал все, что было в его силах, чтобы охранять права и привилегии балтийских баронов и вместе с тем Н. Романова и Витте. Его все же уволили 16 октября 1906 года. Уставший от кровавой и провокационной борьбы Витте также ушел на покой. Соллогуба сменил генерал барон Меллер-Закомельский уже по приказу Столыпина.

Меллер-Закомельский, которому приходилось не непосредственно действовать войсковыми карательными отрядами, а главным образом отдавать под суд и утверждать смертные приговоры, — всегда и всем на ходатайства о смягчении приговора, хотя и видна была явная невиновность, сообщал по образцу: «Петербург, главному военному прокурору 14573. Приговор утвержден, снисхождения не заслуживает. 2024. Меллер-Закомельский».

Закомельский не любил церемониться с народом, он искоренял крамолу и в высших должностных лицах. Так, был сменен эстляндский губернатор Башилов с переводом в Новгородскую губернию за гуманность и заменен полковником Коростовцем.

Столыпина заменил Коковцов. Всех их под конец с Николаем Романовым во главе «заменила» советская власть, власть рабочих и крестьян.

Кончили свою карьеру и Витте и Н. Романов, усмирители и вешатели крестьян и рабочих. В Прибалтийском крае Витте и Н. Романова заменили отечественные вешатели, и можно сказать с уверенностью, что эстонская и латвийская буржуазия ни в чем не уступает вешателям 1905 г. и последующих годов — российскому самодержавию.

Общие выводы.

Эстония является крестьянской страной, в которой существовали феодальные отношения наряду с национальным гнетом. Другими словами, ее положение соответствует положению колоний империалистических государств. Таким образом эстонская революция 1905 года доказала полную возможность буржуазной революции в форме крестьянской войны в обстановке, аналогичной с положением колоний в эпоху империализма. Рабочие, батраки, бедняки и середняки составляли единую боевую армию как против феодальных отношений, так и против национального угнетения и против самодержавия метрополии; крестьяне захватывали власть на местах в волостях, организовали свои республики, организовали свое войско—народное вооружение.

Крестьянство, даже в лице хуторян и в условиях буржуазной революции, идет не за буржуазией под ее руководством, а за рабочим классом и под руководством авангарда рабочего класса—рабочей партией. Социализм не чужд крестьянской бедноте, он не отпугивает ее, а притягивает к себе. Это видно из того, что целые деревни записываются в партию, и одно только название «социал-демократ» приводит в движение целые деревни.

Пятый год доказал слабость партии, при условии отсутствия единой крепкой партийной организации, когда партия не умеет взять под свое идейное и организационное руководство приведенные в движение народные массы. Членов партии было много, но у них не было не только общего и централизованного, но даже и местного руководства.

Пятый год доказал всю важность и все значение вооружения народа и организации боевых дружин. Восставшие отбирали оружие у помещиков и у маленьких военных отрядов. В пятом году винтовка победила охотничье ружье. Только путем вооружения рабочего класса и крестьянства возможна революционная борьба.

Пятый год доказал значение пропаганды в войсках, когда при более продолжительном пребывании войск на одном месте

местное население сумело подойти к солдатам, и войско стало ненадежным для правительства.

Пятый год показал наглядно, что союзником рабочего класса полностью может быть крестьянство; крестьянство не выдает своих руководителей, выступает в их защиту, следует за ними и т. д.

Пятый год в Эстонии и вообще в Прибалтийском крае дал ряд наглядных, примерных уроков борьбы рабочего класса совместно с крестьянством, в условиях феодальных отношений, национального и политического гнета.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Оценка революции 1905 года.

1. Рапорт прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты Камышанского Министру Юстиции.

2. Соображения барона Теллинсгаузена, предводителя дворянства Эстляндской губернии.

**Его Высокопревосходительству
Господину Министру Юстиции**

Прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты

РАПОРТ.

Во исполнение распоряжений вашего высокопревосходительства, сообщенных мне 1-ым Департаментом Министерства Юстиции 23-го сентября за № 8499 и 6-го октября за № 45883, с представлением записки эстляндского предводителя дворянства, по поводу судебного следствия против участников в погромах 1905 года, имею честь донести вашему высокопревосходительству, что содержание записки барона Теллинсгаузена, по мнению моему, является следствием недостаточной осведомленности составителя ее как относительно порядка производства предварительных следствий о погромах, учиненных в декабре 1905 г. толпами сельских обывателей, так и по вопросу о применимости той или другой карательной статьи к преступным действиям, совершенным лицами, привлеченными по делам этим в качестве обвиняемых.

То обстоятельство, что Эстляндская губерния была охвачена в конце 1905 года революционным движением, не подлежит никакому сомнению, как неоспоримо влияние занимавшихся революционной пропагандой лиц на фабричный и сельский рабочие классы. В городах, среди фабричных и заводских рабочих, в уездах, среди безземельных батраков и среди беднейших арендаторов мелких земельных участков пропаганда подготовила брожение и обострила недовольство экономическим положением. К недовольству этому в Эстляндии присоединилась и умело разжигалась пропагандой та племенная вражда, которая в течение семи столетий составляет наиболее характерную черту во взаимных отношениях рабочего класса — эстонского племени и класса господствующего — немецкого по крови, воспитанию и языку.

Уже четыре года тому назад, прокурор Ревельского окружного суда статский советник Томашевский докладывал предшественнику моему действительному статскому советнику Вуичу, что размеры классового антагонизма и непримиримой национальной розни и формы проявления вражды поселяют в нем уверенность в том, что Эстляндская губерния станет по прошествии нескольких лет ареною кровавых столкновений. Прокурор Ревельского суда, как это показали события, ошибся лишь во времени, и ошибка эта была вызвана тем, что в то время он не имел достаточных оснований предвидеть революционный вихрь, который в 1905 г. охватил некоторые части империи, пронесся по Эстляндии. Этому революционному движению надлежит, по имеющимся у меня сведениям, приписать наступление крестьянских беспорядков в Эстляндии ранее того времени, когда движение это все равно наступило бы и помимо усиленной пропаганды революционного периода, вследствие племенной вражды эстонцев к немцам и в виду тяжести экономического положения эстонских земледельцев.

Таким образом, признавая, что революционная пропаганда ускорила наступление аграрных беспорядков, я не считаю себя в праве приписывать эти преступные события исключительно означенного рода пропаганде и нахожу, что коренная их причина лежит в племенной вражде эстонцев к немцам и в тех ненормальных условиях, которыми, по местным законам, обставлена экономическая жизнь сельских обывателей.

При рассмотрении Ревельским окружным судом одного из аграрных дел были, по ходатайству защиты, допрошены три свидетеля, дававшие показания о причинной связи беспорядков как с революционным движением, так и с особыми отношениями, существующими между немцами и эстонцами. Копии этих показаний, подобно занесенных в протокол заседания, я имею честь представить при сем.

Из этих показаний окружный суд сделал тот общий вывод, что разгром имений был учинен публичным скопищем, вследствие побуждений, проистекших из сословной и племенной вражды и из экономических отношений. Между тем, один из этих трех свидетелей, барон Штакельберг, секретарь дворянства, не дал суду вполне ясного материала для признания наличности вышеуказанных условий. Нужно думать, что суд призвал менее односторонними, а потому и более убедительными, объяснения двух других свидетелей этой категории, а именно неперменного члена губернского по крестьянским делам присутствия статского советника Мирона Пауля и местного общественного деятеля присяжного поверенного Ивана Поски. Содержание объяснений этих подтверждает, как мне кажется, правильность моих личных выводов: революционное движение ускорило появление крестьянских беспорядков, но не оно одно их вызвало, и не исключительно противоправительственные цели преследовали погромщики, а главным образом цели сословной и племенной мести, цели отмщения немцам за созданные ими тяжелые для эстонцев условия сельского быта.

Вышеизложенные соображения, а также и отсутствие в огромном большинстве случаев каких-либо фактических указаний на наличие политических побуждений, заставили прокурорский надзор вести большую часть предварительных следствий о погромах по фактическим признакам

того преступления, которое в том или в другом случае было действительно учинено толпою, а именно по признакам учиненного шайкою поджога, разбоя или грабежа. Порядок этот вместе с тем был избран и в сознании того, что переход от обвинения в учинении шайкой одного из перечисленных преступлений к обвинению в участии в публичном скопище, совершившем преступление, перечисленные в ст. 269¹ улож. о нак., легко достижим как при составлении письменной прокурорской работы, так и при рассмотрении дела на суде, между тем, как предъявление при предварительном следствии обвинения по статье 269¹ создает значительное осложнение, ибо во многих отдельных случаях требуемые статьей этой особые отношения между потерпевшими и обвиняемыми следственной власти установить не удастся. К тому же условия, при которых происходило рассмотрение нескольких дел, поставленных на суд по ст. 269¹ в 1905 году, по поводу беспорядков, учиненных забастовавшими фабричными рабочими, убедили меня в том, что эти особые отношения легко при содействии именно для этой цели вызванных свидетелей, устанавливаемые защитой и принимаемые судом, когда последнему представляется возможность перейти, при наличии этих отношений, от большего обвинения к меньшему, усилиями обвинительной власти устанавливаются лишь в редких случаях и с трудом принимаются судом, как обвинительный материал, так как, если в первом случае защита делает все возможное, чтобы, опровергая обвинение в разбое, показать наличие оснований для применения 269¹ ст. улож. о нак., то при предъявлении на суде обвинения по 269¹ ст. улож. о нак. все усилия защиты оказываются направленными на то, чтобы доказать отсутствие «отношений», входящих в состав преступления, и необходимость перехода к осуждению по статьям уст. о нак., предусматривающим буйство, насилие, порчу чужого имущества и т. п.

Правильность этих соображений уже подтвердилась на суде. Все аграрные дела, рассмотренные до сего времени окружным судом, разрешены им без всяких осложнений, при чем независимо от осуждения большинства подсудимых за преступление, предусмотренное ст. 269¹ улож. о нак., суд имел возможность, в отдельных случаях, при недоказанности упомянутых особых отношений, выносить обвинительный приговор по ст. 1642 и 1643 улож. о нак., а по двум делам, рассмотренным в Вейсентейне, и по 1633 ст. того же уложения, при чем в последних случаях осужденные были приговорены к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы.

Применяя 269¹ ст. улож. о нак., суд при избрании меры наказания особой снисходительности до сего времени не проявлял: нормальным являлось присуждение к 2½ годам содержания в арестантском отделении, лишь в отдельных случаях срок этот уменьшался до года и шести месяцев. Процент оправданий также не высок—из 20—25 обвиняемых по отдельным делам признавался невиновным один, двое, редко несколько человек.

Судя по заключительным словам записки барона Теллинсгаузена, репрессия, применяемая окружным судом по делам о погромах, как и меры, принимаемые прокурорским надзором для ее достижения, представляются автору записки соответствующими понятию «покровительства погромщи-

кам». Позволяю себе думать, что описанные мною порядок привлечения обвиняемых по делам этим и результаты разрешения этих дел окружным судом решительно не соответствуют смелому суждению, высказанному эстляндским предводителем дворянства.

Независимо от этого, ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из прилагаемой к сему копии моего предложения от 17 июля текущего года за № 3177 прокурору Ревельского окружного суда, по делу о разбойном нападении на местечко «Раппель» и имения «Каппель», «Сааге», «Ервакант» и другие, что обвиняемым в разгромах по этому делу было предъявлено, по моему предложению, обвинение по 2 части ст. ст. 100 и 102 угол. улож. Подобная квалификация была признана законною в тех случаях, когда публичное скопище посягало не только на имущество помещичьих усадеб, но и на помещения должностных лиц, как-то: камеру мирового судьи, канцелярию помощника начальника уезда и т. п., при чем разрушительные действия участников скопища в двух случаях были направлены и против изображений его величества. Число случаев применения при предварительном следствии статей уголовного уложения, предусматривающих бунт против верховной власти, достигает цифры 2. Более широкое толкование применимости этих статей уголовного уложения к отдельным эпизодам крестьянских беспорядков представлялось бы, по мнению моему, неправильным и привело бы, в смысле практических последствий, в лучшем случае, к предложению этих дел Судебной палате, при заключениях, о прекращении уголовного преследования в части, касающейся обвинения в государственном преступлении, или же к рассмотрению дел этих Судебной палатой и вынесению по ним обвинительных приговоров лишь в пределах, указанных в ст. 269¹ улож. о нак., т.-е. к признанию тем самым факта обременения Судебной палаты делами, ей по существу своему неподсудными.

Что касается изложенных в записке обстоятельств, предшествовавших будто бы погрому имений в Койльской волости, то обстоятельства эти, изложенные бароном Теллинсгаузеном на основании источников, мне неизвестных и составителем записки не указанных, лишь в малой степени соответствуют действительности. Обширное следственное производство о разгромах имения Койль и других дает возможность прийти к выводу о том, что между 12 и 15 декабря 1905 года в Койльском волостном доме действительно происходили какие-то сборища, но следствию не удалось установить, о чем именно на совещаниях этих говорилось. Упоминаемое в записке обстоятельство: взятие в плен владельцев имений, расположенных в Койльской волости, совершенно точно. Помещики эти, фон-Людер и фон-Рамм, были взяты в плен и отвезены в Койльский волостной дом. Оба они, будучи допрошены судебным следователем по Койльскому делу, свидетельствовали о том, что в волостном доме происходило какое-то собрание, но не упоминали, однако, о провозглашении на собрании этом открытой борьбы с государственной властью.

Дело это рассмотрено Ревельским окружным судом в заседании 31-го октября—2 ноября и судебным приговором из 23-х обвиняемых, шестеро оправданы, по недостаточности улик, двое малолетних — Киз и Кюнаи

приговорены к тюремному заключению на 1 год 3 месяца каждый, семеро несовершеннолетних приговорены к тюремному заключению на 2 года каждый, а остальные 8 человек присуждены к лишению всех особенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения: Лепик — на 3 года, а семь человек на 2 года и 9 месяцев каждый.

Наконец, я не считаю себя в праве умолчать и о степени справедливости заключающегося в записке барона Теллинсгаузена намек на медленный ход производства аграрных дел, я легко допускаю, что предводитель дворянства не имеет представления ни о том, насколько обширны следственные производства по делам этим, ни о том, что расследования о разгроме ста усадеб и нескольких десятков винокуренных заводов производились и могли производиться пятью судебными следователями, которые не были при этом избавлены и от производства текущих по их участкам дел, ни, наконец, о том, что большинство предварительных следствий, возникших в конце декабря и рассматриваемых ныне окружным судом, были закончены в апреле, мае и июне. Но, мне казалось бы, что местному предводителю дворянства должно быть известно, что задолго до рассмотрения Ревельским окружным судом дел о разгромах, целая серия дел этой категории была рассмотрена временным военным судом, почти непрерывно заседавшим в Ревеле по делам этим с января до мая. Между тем, предварительные следствия по делам, рассмотренным Петербургским военно-окружным судом, были все произведены судебными следователями Ревельского окружного суда под непосредственным фактическим наблюдением выдающихся по своей энергии прокурора Ревельского окружного суда статского советника Томашевского и его товарищей по должности, отдавших делу службы всю свою силу и стоящих вне упрёка.

Таким образом результаты деятельности прокурорского надзора Ревельского суда по делам о погромах, благодаря крайнему напряжению сил, в количественном отношении очень ограниченные, определились не в августе или сентябре, как полагает барон Теллинсгаузен, а в январе и феврале, т.е. всего лишь через месяц или два после события. Предположение же мое об известности обстоятельств этих барону Теллинсгаузену подтверждается тем, что в его записке упоминается об убийстве землевладельца фон-Баранова, т.е. о деле, следствие по которому производилось следователем по важнейшим делам под личным наблюдением ст. сов. Томашевского и которое было рассмотрено военным судом в марте, при чем шесть подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение.

Прокурор Палаты Камышанский.

№ 7083.

Ноября 29 дня 1906 года.

На подлинном имеется надпись: «При личном докладе 16 декабря 1906 г. министр юстиции приказал рапорт за № 7083 принять к сведению и переписку по настоящему делу прекратить. Вице-директор (подпись)».

Дело Первого Департамента Министеретва юстиции, 1 уголовного отделения, 1 делопроизводства. «По поводу судебного следствия о погромах в Прибалтийском крае». 1906 г., № 2026, арх. № 4267, л.л. 7, 8, 9, 10).

СООБРАЖЕНИЯ

эстляндского предводителя дворянства по поводу судебного следствия против участников в погромах 1905 г.

12 декабря тысяча девятьсот пятого года в Эстляндской губернии вспыхнуло восстание, подготовляемое месяцами и ожидаемое как губернской администрацией, так и всем населением уже несколько недель.

Доказательства, подтверждающие существование заговора против государственной власти, имелись еще до того, у губернского начальства. Постаповления эстонского с'езда в Юрьеве и с'езда делегатов на заводе Вольта в Ревеле, состоявшися по этому предмету, были так же общеизвестны, как и фамилии руководителей и организаторов, равно и цели заговорщиков и предполагаемые средства борьбы: они задались низвержением монархического государственного строя, созывом учредительного собрания, объявлением автономии окраин и в особенности Эстляндии и отменой частной земельной собственности.

С этой целью предполагалось прогнать должностных лиц, убить помещиков или захватить их заложниками и сжечь помещичьи усадьбы. Намечено было начать с уездов и под давлением известной власти, раздачею добычи, угрозами и вообще террором заставить сельское население присоединиться к зачинщикам. Такими способами рассчитывали заманить войска в уезды, взять приступом правительственные здания и подобными мерами в связи со всеобщей забастовкой, бунтом среди военных и покушениями на должностных лиц по всей империи, заставить правительство равно, как и политические партии, согласиться на требования революционеров.

Сведения о таких планах и подготовках дошли до губернского начальства и заставили его 10-го декабря тысяча девятьсот пятого года объявить Ревельский уезд на военном положении, распространенном впоследствии на всю губернию, и арестовать несколько главарей. Незначительные военные команды еще до того отозваны были из уездов.

Эти меры, как и следовало ожидать, ускорили открытие насильственных действий, и на самом деле на другой день после объявления военного положения в некоторых эстонских газетах появились статьи о том, что в настоящее время каждому жителю губернии, не исключая и

помещиков, надлежит занять известную позицию: или стать на стороне «народа», или обречь себя на гибель вместе с правительством и его приверженцами.

12-го декабря в доме Койльского волостного правления собралась многолюдная сходка, руководимая главарями движения, избегшими личного задержания в Ревеле. Сходкой провозглашено было открытие борьбы с государственною властью, и уже в тот же вечер захвачены были владельцы соседних имений, сами же имения были разгромлены.

При первых нашествиях на имения, участвующие лица были вооружены, организованы и руководимы предводителем в сопровождении носителей красных флагов. Сначала шайки не покушались на имущество (за исключенным оружием). Равным образом не покушались на жизнь частных лиц, и поджогу и погромам в помещичьих усадьбах подвергались только обстановка, царские портреты в волостных правлениях, казенные винные лавки, склады спирта и винокуренные заводы. При дальнейшем ходе насильственных действий, совершаемые по намеченному плану и по писанным маршрутам, и нападения принимали в каждом отдельном случае более или менее необузданный характер: случались все чаще похищения имущества, уничтожались хозяйственные припасы, один помещик и один садовник лишены были жизни, устраивались пиршества и т. п. Число грабителей возрастало, а главари и зачинщики стали скрываться бегством, потому что дисциплина быстро ослабевала и дальнейшее проведение намеченных планов встретилось с непреодолимыми препятствиями. В иных местах достаточно было несколько драгун или нескольких собравшихся для самозащиты частных лиц, чтобы рассеять эти толпы, обратившиеся, в конце концов, в поджигающие и грабящие шайки. Многих лиц из числа участников в погромах удалось задержать.

Весьма возможно, что из задержанных в то время лиц далеко не все имели ясное представление о тяжести преступного предприятия, но не подлежит ни малейшему сомнению, что они до последнего момента пытались придавать своим действиям вид освободительного движения, ссылаясь при этом на «приказ» главарей.

Громадные убытки, причиненные революционерами, и необычайное возбуждение, явившееся результатом вышесказанных событий, достаточно объясняют нетерпение, с которым ожидали судебного следствия и приговора по этому делу, и общее недоумение по поводу того, что разбирательство дела началось лишь восемь месяцев спустя после похода революционных шаек. Особенно усилилось это недоумение, когда сделалось известным, что обвинение вполне разобщало связь между отдельными погромами и всей подготовительной деятельностью декабрьского восстания.

Допустим, что в числе задержанных много настоящих поджигателей и простых разбойников, допустим, что иные вовлечены по невежеству и под влиянием угроз, то последние, может-быть, достойны снисхождения—но это отнюдь не должно повлиять на квалификацию всей затеи, и суду должна быть предоставлена возможность карать как виновников в государственных преступлениях тех лиц, которые участвовали в восстании

с самого начала, и не подвергать их наказаниям только как разбойников или даже только как участников в публичных скопищах.

Вместо того прокуратура поставила обвинение с самого начала неправильно, подводя вменяемые обвиняемым действия под преступления, предусмотренные разделом VIII улож. о нак., трактующим «о преступлениях против общественного благоустройства и благочиния» (Глава III отделение «о составлении злонамеренных шаек и пристанодержательстве» ст. 924). По мнению прокуратуры в действиях обвиняемых не усматриваются признаки бунта или «восстания скопом», «умысла ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой оного части», «сбора, хранения и раздачи оружия», «сопротивления какой-либо власти, правительством установленной», «насильственных действий и беспорядков, учиненных вооруженными». Не усматривая ни одного из приведенных признаков, прокуратура не поставила обвинение по ст.ст. 262—268 улож. о нак., предусматривающим государственные преступления, но по ст. 924 улож. о нак., из раздела VIII. Как будто бы государству не угрожала опасность от организованного и вооруженного восстания. Но так как при разборе дела/наличности признаков составления шайки без какой бы то ни было политической цели, а только для разбоя (ст. 924 улож. о нак.), нельзя было отстоять, то не осталось другого исхода, как определение наказания за это преступление с подведением его под более снисходительную статью 269¹ (по прод. 1895) *.

Какая цель преследуется и теперь еще при прикрытии внутренней связи этих событий с общею революцією, при наличности обильного материала о подготовке восстания в Эстляндской губ. Не обвинение, а защита решилась хоть отчасти открыть перед Окружным судом явную связь событий с предшествовавшим движением. Но защита решилась на этот шаг в интересах обвиняемых, чтобы свалить с участников в восстании вину на потерпевших от погромов. Окружному суду осталось только согласиться с мнением защиты. Таким образом искусственно выдвигается на первый план значение «национальной ненависти» и местных аграрных и экономических отношений, хотя об этих вопросах и речи не было в прокламациях зачинщиков, и хотя в резолюциях Юрьевского и Ревельского съездов делегатов об этих вопросах упоминается только как о средстве для достижения другой более высокой цели.

С год или два тому назад все местные представители правительственной власти держались этой политики ступшевания. Не желали видеть того, что происходило и готовилось. При всех стачках и волнениях пытались, отрицая политическую подкладку неудовольствий, свести их на эко-

* Ст. 269¹ улож. о нак. виновный в участии в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилье над личностью, похищение или повреждение чужого имущества, или вторжение в чужое жилище, или покушение на сии преступления вследствие побуждений, пронестекших из вражды религиозной, племенной или сословной или из экономических отношений, подвергается и т. д.

номическую почву, несмотря на то, что этим усиливался национальный антагонизм, который во многих случаях и играл роль громоотвода.

В Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях в настоящее время действительно нельзя отрицать существования опасной национальной ненависти, как нельзя умолчать о том, что эта национальная вражда часто раздувалась в губернии даже некоторыми чиновниками, старавшимися таким образом отвлечь волнение народных масс с почвы общеполитической на почву местного антагонизма.

Но в декабрьских смутах никто из участников не упомянул о каком-либо столкновении на почве национального или аграрного движений. Социал-демократическим руководителям революционного движения чужды были чувства национальной розни, и среди фабричного населения, составившего ядро всей боевой организации, равным образом аграрного вопроса не возбуждали. Они усматривали противника в каждом капиталисте и в каждом приверженце государственной власти.

Незначительная часть сподвижников, примкнувших к движению только ради грабежа, не может изменить чисто политическо-революционного характера движения точно так же, как покровительство, оказанное иными должностными лицами погромщикам, нельзя считать действием государственной власти.

Барон Теллинсгаузен.

Ревель

20 сентября 1906 г.

(Дело Первого департамента Министерства юстиции, 1 уголовного отделения, 1 делопроизводства. «По поводу судебного следствия о погромах в Прибалтийском крае», 1906 г., № 2026, арх. № 4267, л. 1—3).

Постановления крестьянских сходов и прошения.

1. Постановления и заявления схода батраков мызы Пerraфер от 22 апреля 1905 года.
2. Прошение крестьян им. Калью, Гапсальского уезда от 18 мая 1905 года.
3. Постановление схода арендаторов Энгесской волости, Феллинского уезда от 13 апреля 1905 года.
4. Прошение безземельных крестьян Авандусской волости, Везенбергского уезда.
5. Предположения безземельных крестьян Старо-Койльской волости Верроского уезда.

Копия.

Сход арендаторов (мызных батраков) на податной земле мызы Пerraфер в Энгесском вол. доме 22 апреля 1905 года.

№ 43.

21 арендатор Пerraфской неподатной земли, сегодня на сход явившиеся, единогласно просили их следующее заявление и ходатайство записать в протокол и представить в Совет министров.

ЗАЯВЛЕНИЕ И ПРОШЕНИЕ.

Мы поселяемся на земельных участках, отделенных (7 усадебные около 200 лет, а 14 бобыльские около 80 лет тому назад) от неподатной земли частного имения Пerraфер и находящихся с того времени в пользовании нас и наших предков, в прежнее время за барщинную обработку, а в последнее время за денежную аренду с исполнением некоторых работ и на барщине. В виду того, что земля эта, как мызная неподатная, находилась в безусловном и неограниченном законом распоряжении помещика, им арендные требования повышены до такой степени, что просто невыносимы. Так, например, нам теперь некоторым придется платить по 11 руб. за лофштель или около 30 рублей за десятину пашни, при чем некоторые

из арендаторов имеют отбыть и барщинную работу. Чтобы всегда иметь возможность во всякое время повысить аренду, помещиком не выдается никакого письменного контракта, хотя арендаторами заявляются ему ходатайства. С тем мы, арендаторы, кроме тяжелых арендных условий поставлены и в положение весьма непостоянное. Поэтому просим:

1. Чтобы мызная неподатная земля, находящаяся в пользовании крестьян, была обязательно отдана в аренду исключительно крестьянам по утвержденным начальством письменным контрактам и чтобы право помещика на пользование такими мызными неподатными землями было ограничено законом, как это ограничено на повинностной земле. Как долгое нахождение этой земли у крестьян свидетельствует, помещик в личном пользовании такой земли вовсе никакой надобности не имеет.

2. Чтобы наивысший размер аренды был определен начальством и чтобы помещику было запрещено требовать при денежной аренде работу на барщине.

Подлинный подписали (подписи от представителей 20 усадеб).

Котия.

В Комитет министров по делам о крестьянских нуждах

крестьян Эстляндской губернии,
волости Калью, им. Калью,
Гапсальского уезда

ПРОШЕНИЕ.

Пользуясь предоставленным высочайшим манифестом от 18 февраля 1905 года правом заявить о своих нуждах, мы, нижеподписавшиеся, крестьяне Эстляндской губернии, Гапсальского уезда, им. Калью, осмеливаемся заявить Комитету министров о своих нуждах и просить следующее:

1. Уменьшить высокую арендную плату, лежащую на крестьянской земле. Арендные дворы им. Калью имеют плохую почву: песчаную или плитняковую, где урожай бывает сам 3 или 4; сенокосы болотисты, с десятины получается средним 15 пудов плохого сена, выгон—также болото, между тем арендная плата слишком высока: так, за двор, имеющий 6 десятин плохой пахоты, владелец требует 125 рублей арендных денег в год. Так как почва мало родит хлеба, то мы, большую часть, принуждены покупать себе хлеб, не говоря уже об аренде, которую принуждены заработать со стороны.

2. Так как починка дорог очень обременительна для крестьян, ибо владельцы имений возложили всю починку на крестьянскую землю, то принудить помещиков починять участки дорог соответственно земле имени.

3. Позволить крестьянам-арендаторам распределить арендуемый участок, на какую они найдут выгодным полевою систему, чтобы помещик по

уходе арендатора не мог бы требовать, чтобы $\frac{1}{2}$ пахоты была засеяна озимыми хлебами, а по системе, найденной удобной арендатором.

4. Разрешить арендаторам увеличивать в продолжение арендного срока свои поля, не увеличивая за это арендной платы до окончания срока контракта.

5. Дать право крестьянам-арендаторам употреблять лес, растущий на арендуемом участке, для своих нужд и воспретить помещикам вырубать лес, растущий на крестьянской земле.

6. Крестьянам-арендаторам дать право возводить постройки на арендуемом участке и обязать помещиков по уходе арендатора откупить эти постройки по оценке арендатора.

7. Разрешить крестьянам-арендаторам охоту и рыбную ловлю в пределах волости.

8. Обязать помещиков давать для крестьян-арендаторов топливо из местного леса безвозмездно.

9. Обязать помещиков ежегодно давать необходимый материал для ремонта зданий арендатора, и стоимость ремонта возложить на арендодателя.

10. Пересмотреть границы крестьянских и мызных земель и вернуть отнятую помещиками крестьянскую землю волости.

11. Учредить крестьянский земельный банк.

12. Переоценить землю.

13. Установить правительством арендную и покупную цену крестьянской земли и уничтожить смешанную аренду (деньгами и работою).

14. Уничтожить права патроната и дать крестьянам равноправный голос на приходских конвентах.

15. Уничтожение почтового фуража, взимаемого с крестьянских земель.

16. Принудить помещиков продавать крестьянам крестьянские земли по цене, установленной правительством.

17. Установить для пасторов известную денежную плату, взамен взимаемого натурою, и уничтожить плату за церковные требы.

18. Установить время письменного арендного контракта на крестьянскую землю по меньшей мере на 12 лет.

Вол. Калью.

18 мая 1905 года.

Копия.

Сход крестьянских арендаторов Энгесской волости в Энгесском волостном доме.

13 апреля 1905 г.

№ 42.

Сегодня на сход явились из общего числа 79 крестьянских хозяев, арендаторов частного имения Пеллафер, 69 арендаторов, которые, присоединяясь ко всем ходатайствам крестьянских собственников Энгесской во-

лости, изложенным в их протоколе от 12 апреля 1905 г., т.е. ходатайствуя: **о свободе слова, о свободе печати, об изменениях в общественном самоуправлении, о правильном обложении земель** всех сословий дорожною повинностью, о введении родного языка в народных школах, об избрании пастора прихожанами, о введении земства, о назначении в судебных местах присяжных переводчиков или разрешении судьям разъясняться на местном народном языке, об устранении ограничений разных прав на продаваемых дворянами землях, об увеличении наказания за кражу и об установлении закона об удовлетворении ходатайств о закрытии мест продажи крепких напитков, — единогласно просили записать в протокол их особое ходатайство и представить в Совет министров.

Заявление и ходатайство.

Арендное положение:

Со временем должно и подняться народное благосостояние, но в нашем частном имении Перрафер Энгесской волости поднятия благосостояния не замечается, о чем уверяет и оставление некоторых ранее находящихся у крестьян на аренде усадеб без арендаторов, хотя тут в безземельных крестьянах недостатка не имеется. — Если приступить к делу поближе, то выясняется, что причиной неуспешному развитию и поднятию народного благосостояния служат весьма тягостные арендные условия, так как у тех хозяев, которые недавно купили свои усадьбы, замечается некоторое хотя слабое улучшение. Некоторое время тому назад, когда все условия жизни были иные и арендные условия здешние были иные, то крестьяне кое-как могли обойтись. Под давлением текущих условий жизни, и здешние крестьяне хозяева-арендаторы старались улучшить свое положение введением наиболее выгодных способов полеводства с приобретением современных полевых машин и орудий и рабочего скота.

Но такое старание у многих, с одной стороны, оказалось весьма опасным, так как, чем более арендатор успел улучшить свое хозяйственное положение, тем более помещик при возобновлении контракта прибавил ему аренды, каковое повышение всегда продолжалось и продолжается, какому концу не видно, так как через каждые 6 лет производится повышение аренды. Вследствие такого положения, и будучи уже теперь обремененным чрезмерно высокою арендою, и каждого арендатора уничтожено всякое старание и возможность к улучшению своего хозяйства.

Если такое тягостное положение аренды еще будет продолжаться, то приведет арендаторов и хозяйство к полному упадку.

Ростовщичеству законом положены границы, а помещику никто не мешает взимать с арендатора столько, сколько ему угодно и сколько взимать возможно, так как на это закона нет. Поэтому желательно было бы, чтобы чрезмерное взимание помещиком с крестьянина арендатора было ограничено. Для достижения этой цели следовало бы установить учрежденную правительством Комиссию, в которой участвовали бы представители арендаторов, наивысший размер аренды для каждого рода земель, при чем труд арендатора по улучшению земли не принять в расчет, а принять во внимание лишь естественные и природные качества таковой.

Еще лучше было бы, если бы помещикам вменяли в обязанность продавать в известный срок все находящиеся у крестьян земли им в собственность, как это сделано казною в казенных имениях, при чем опять-таки наивысшая продажная цена должна быть определена вышеозначенною Комиссией, чтобы оградить покупателей крестьян от взыскания помещиком чрезмерно высокой цены, ставившей крестьян-покупщиков в весьма тягостные условия жизни, ведь при последнем случае могут встретиться случаи, где арендатор, который уже десятки лет состоял арендатором усадьбы, на которой произвел разные улучшения, жертвуя там зачастую свое здоровье и молодость, не может выйти из родной ему усадьбы и старается купить в собственность, но вскоре, вследствие тягостных условий, покупатель все-таки обязан выйти, потеряв все свое имущество, каковые случаи встречаются весьма часто.

Поэтому арендаторы Энге-Пеллаферской волости просят.

1) Чтобы наивысшая арендная плата, которую помещик может взимать с крестьянина-арендатора, была установлена законным порядком, как на крестьянской повинностной, мызной податной (квотной), так и на мызной неподатной землях.

2) Чтобы помещикам было вменено в обязанность продать в известный срок крестьянам все земли за цену законным порядком определенную.

3) Чтобы арендаторам было предложено право пользоваться имеющимся на арендуемой земле для построек и на отопление лесом.

Подлинный подписали:

69 подписей.

Волостной старшина

Густавсон.

С подлинным верно:

В. ст. **Густавсон.**

В. писарь: **Мартинсон.**

(М. П.)

С копии верно.

**Ваше императорское величество,
августейший монарх
всемилодивейший государь.**

Просят безземельные крестьяне Эстляндской губернии, Везенбергского уезда, Авандусской волости.

ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ.

Вследствие нашего бедственного положения, мы осмеливаемся припасть к стопам в. и. вел. с всеподданнейшей просьбой о нижеследующем:

1. Чтобы шестидольная земля и неправильно, вопреки крестьянскому положению, присоединенная к мызной земле крестьянская земля была

отдава в пользование безземельных крестьян и чтобы притом были соблюдаемы следующие правила:

1. Вышеозначенная земля должна быть раздробляема на участки менее одной десятины пахотной земли с соразмерным количеством лугов и выгонов.

2. Пользование вышеозначенною землею заключается в переходе ее посредством продажи в собственность безземельным крестьянам.

3. Размер покушной цены и процентов определяется правительством.

4. Покупщик уплачивает в течение пятидесяти лет покушную сумму. Ныне по закону, согласно ст. 58 пол. о кр. Эст. губ., крестьянская земля не должна быть раздробляема на участки менее трех десятин пахотной земли с соразмерным количеством лугов и выгонов. Так как земли мало, то каждый крестьянин желает иметь собственную избу на собственной земле. Если количество малых участков будет увеличено, то каждый безземельный крестьянин имел бы небольшой участок земли и избу и мог бы заниматься полевыми работами у хозяев больших участков.

II. Чтобы в Эстляндской губернии был основан крестьянский поземельный банк, откуда крестьяне при покупке земель могли бы получить займы.

Ныне существующее в Эстляндской губернии дворянское кредитное общество отпускает на этот предмет незначительные суммы процентными бумагами, а не наличными деньгами.

При продаже процентных бумаг получается много убытков.

III. Чтобы крестьяне имели право выбора своих представителей на Эст. Ландтаг и чтобы им были предоставлены такие же права на Ландтаг, какие предоставлены помещикам.

Ныне поступает ежегодно большая сумма с крестьянских участков в распоряжение Ландтага, и ни один из крестьян не знает, на какой предмет эта сумма израсходована.

IV. Чтобы в мировых и общих судебных учреждениях Эстляндской губернии, как письменное, так и словесное производство были на эстонском языке.

Ныне ведение судебных дел через переводчиков весьма затруднительно и соединено с различными для народа напрасными издержками, и притом встречаются разные недоразумения.

V. Чтобы крестьяне имели право выбора своих представителей на церковные и приходские конвенты, и чтобы крестьянским представителям были предоставлены такие же права, какие предоставлены помещикам.

По сие время избрание пастора и управление всеми делами находятся в руках помещиков. Несколько помещиков избирают в приходе, где десять и более тысяч жителей, против воли народа, пастора. Вследствие этого часто бывают разные смуты, и многие лица делаются через это несчастными. В городах право выбора, принадлежит всем прихожанам.

VI. Чтобы народ имел полную свободу веры, перехода из одной христианской веры в другую и полную свободу веры у смешанных браков.

VII. Чтобы в народных училищах обучение детей было на эстонском языке, а русскому языку обучить посредством эстонского языка, и чтобы школьные управления состояли из крестьянских представителей.

Тогда дети могут гораздо больше выучиться, чем теперь при преподавании на русском языке, о коем дети в первые два года никакого понятия не имеют, каким образом они смогут изучить арифметику и географию.

К поданию надлежит в Комитет министров. Прошение сие набело переписывал крестьянин Александр Кулюс.

Вашего императорского величества всемилостивейшего государя верноподданные.

Далее следуют подписи.

Верно: За начальника Отделения Канцелярии Комитета министров
(И. Никитин).

Копия.

**Его императорскому величеству государю императору и самодержцу
всероссийскому**

уполномоченных безземельных крестьян Старо-Койольской волости, Верроского уезда, Лифляндской губернии, Петра Якова Вахтра, Яна Якоба Хансон, Иогана Иоганова Рамо и Иозепа Петрова Хунот, всеподданнейшие предположения об улучшении благосостояния безземельных крестьян.

Огромная часть безземельных крестьян Лифляндской губернии, живущих в деревне, не может находить столько работы, чтобы была в состоянии содержать себя. Спрос на человеческую рабочую силу гораздо меньше, чем предложение. Это обстоятельство дает работодателям возможность довести рабочую плату до крайности. Крестьянин, чтобы не предаваться голоду, а хоть как-нибудь обеспечить существование свое, вынужден довольствоваться и самым крошечным вознаграждением за свой труд. Но масса безземельных крестьян за переполнением всех рабочих мест, как у крупных, так и мелких землевладельцев вовсе не находит определенной постоянной работы. Не зная других занятий, кроме земледелия, эта часть крестьян (называемые бобылями) вынуждена нанимать от помещиков и дворохозяев в пользование незначительные земельные клочки, чтобы как-нибудь завести на них своим хозяйством, дабы не умереть с голода. Такие участки обыкновенно невелики, например в Старо-Койольской волости они достигают от 1-ой до 3-х лофштелей (пурных мест), редко когда больше. Плата за пользование этими земельными участками довольно высока.

В Старо-Койольской волости, например, за лофштель земли следует отбывать 25—30 рабочих дней, при чем в самую страдную рабочую пору. Обыкновенно бобыли, взявшие от домохозяина в пользование клочок земли, не

имеют своих лошадей, а потому для обрабатывания своего земельного клочка должны нанимать лошадь от домохозяина, за что, однако, в пользу последнего нужно отбывать пешие рабочие дни, по расчету 3—4 пеших дня за один конный. За пастьбу коровы в хозяйском стаде требуется обыкновенно 20 рабочих дней в пользу хозяина.

Таким образом, бобыль, имеющий в своем пользовании одну лошадь земли и содержащий корову, должен за это добро служить и притом в самое страдное время в пользу хозяина 50—60 дней.

Понятно, что такие незначительные клочки земли никоим образом не могут прокормить крестьянина бобыля, имеющего почти всегда семью из 4—6 (средним числом) членов. А потому бобыли должны непременно искать занятий еще на стороне, как-то: отправляться в отхожие промыслы и т. п. Но, как уже сказано было, дворохозяин, от которого бобыль имеет в пользовании клочок земли, употребляет последнего, за право пользования этою землей, в самую страдную пору, когда спрос на рабочие руки самый большой, на свои работы, почему в свободное время бобылю трудно, а часто почти невозможно найти более или менее удовлетворительные заработки на стороне.

Одним словом, положение безземельных крестьян—жалкое и безвыходное. Часто и часто приходится претерпевать им нужду и страдать от голода. И это не потому, что они не любят трудиться, а потому, что их много, больше чем потребуется, что они не могут получать в пользование земли **в достаточном размере**. Чтобы выбиться из этого критического положения, необходимо, во-первых, расширить пространство тех земель, которые обязательно должны быть отпускаемы крестьянам в пользование, а во-вторых, расширить и облегчить способы приобретения крестьянами этих земель в свое пользование. Тогда обеспечивалось бы содержание той части безземельных крестьян, которая ныне страдает от безработицы и малоземелья, тогда улучшилось бы положение сельских рабочих, ибо уменьшилась бы численность этих рабочих, а через это и разница между предложением и спросом в сельско-хозяйственном труде.

В виду изложенного и пользуясь предоставленным нам высочайшим указом, данным Правительств. Сенату 18 февраля 1905 г., правом, мы, в качестве уполномоченных от безземельных крестьян Старо-Койольской волости, Лифляндской губернии, всеподданнейше доносим вашему величеству нижеследующие предположения наши по вопросу об улучшении благосостояния безземельных крестьян местного края (Лифляндск. губ.).

I. Увеличение размеров земельной площади, имеющейся в распоряжении крестьян.

а) Разбивание казенных имений на мелкие участки, которые затем отдавать в пользование на праве выкупа или аренды исключительно крестьянам, притом тем из них, кои не владеют еще (на законном праве пользования) землею в достаточном для содержания их размере.

Примечание: размер названных участков должен быть таков, чтобы на каждом из них вполне могла прокормиться семья крестьянина, примерно 10 десятин или меньше, смотря по качеству земли.

б) Передача пользования на основаниях, изложенных в предыдущем пункте (I), всех казенных оброчных статей, нынче находящихся в пользовании ев.-лютеранского духовенства.

в) Отнятие от непосредственного пользования помещиков кватной земли, присоединенной по силе §§ 8—13. Уложения о лифляндских крестьянах 1849 г. из состава крестьянской повинностной земли к мызной земле, и предоставление помещикам в отношении пользования этою кватною землею тех же прав, какие установлены законом для крестьянской повинностной земли, т. е., чтобы помещики не имели права пользоваться кватною землею не иначе, как через отдачу таковой мелкими участками в аренду или через продажу исключительно крестьянам. Размер этих участков следовало установить законом, притом такой, чтобы минимальный размер был около шести телеров, максимальный же—не выше двадцати телеров.

г) Уменьшение максимального размера крестьянской повинностной земли с 80 телеров на 50 телеров.

II. Облегчение и расширение способов приобретения крестьянами земель в пользование на арендном и выкупном правах.

а) Распространение на местный край действий Крестьянского Поземельного банка, который имеет оказывать широкую льготу в покупке крестьянами частновладельческих земель.

б) Установление предельного уровня арендных цен на частновладельческие земли, превышение которых подпало бы под закон о ростовщичестве, равно введение минимального арендного срока, примерно, не ниже 12 лет, с тем, чтобы арендные договоры были наследственны.

в) Введение обязательного вознаграждения арендатора за необходимые улучшения, увеличивающее стоимость и доходность земли, с тем, чтобы право арендатора на подобное вознаграждение не зависело от согласия собственника на производство улучшения.

г) Продажа и выарендование казенных земельных участков крестьянам на гораздо более легких условиях, чем это производилось поныне, ибо плата за выкупаемую или арендуемую землю взносов в таком размере, как это по сие время совершалось, не может вывести крестьян-земледельцев из прогрессирующего теперь обеднения и оскудения.

Примечание: как покупная цена, так и арендная плата на казенные участки земли должны быть ниже, чем это максимально установлено для частновладельческих земель.

Мы всеподданнейше просим, ваше величество, обратить внимание на наши изложенные выше предложения и, в виду крайней нужды, приказать казенные имения и оброчные статьи, равно пасторские и кватные земли в местном краю сделать в недалеком, по возможности, времени доступными крестьянам на вышеприведенных принципах.

Следуют подписи.

Верно: За Начальника Отделения Канцелярии

Комитета министров: (Медведев).

Заключения военно-прокурорского надзора о погромах.

1. Заключение пом. военного прокурора Голубева от 12 сентября 1908 г. о разгромах помещичьих усадеб в Ревельском уезде.
2. Заключение пом. военного прокурора Ильина от 27 февраля 1909 г. о разгромах в Феллинском уезде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

военно-прокурорского надзора Петербургского военно-окружного суда по делу о крестьянах Юганне Михкелеве Саулене, Яне Мартове, Лустиге и Антоне Адове Лузикасе.

Конец 1905 года ознаменован был в Эстляндской губернии особым усилением революционной пропаганды, на целом ряде митингов и собраний, состоявшихся в городе Ревеле, а также в волостях по уездам, выступавшие политические ораторы, преимущественно агитаторы социал-демократической рабочей партии, призывали местное население к решительной борьбе против существующего строя, указывая на необходимость учредительного собрания и учреждения в России демократической республики (306—313).

Пропаганда эта быстро охватила крестьянское население, в виду постоянной связи между ним и рабочим населением промышленных центров Эстляндской губернии, в особенности же города Ревеля и находила себе благоприятную почву среди крестьянства в его экономически тяжелом положении.

Особенно серьезную роль в деле революционизирования крестьянского населения сыграл Юрьевский с'езд, состоявшийся 27, 28, и 29 ноября 1905 года в городе Юрьеве, на каковом с'езде приняли участие и представители волостей Эстляндской губернии. Помимо целого ряда постановлений, касавшегося коренного изменения существующей формы землепользования на началах социалистических теорий, с'ездом признано было необходимым, ради успешной борьбы с существующим правительством, учреждение в городах и уездах особых революционных самоуправлений, которые, ведая временно всеми делами, должны были образовать один так называемый **общеземский союз**, при полном бойкотировании населением существующих правительственных учреждений и органов власти (об. 306, т. II). Выказавшись за учредительное собрание и устройство в России демократической республики, с'езд, призывая население к открытой борьбе с существующим правительством и подробно указывая в своих постановлениях способы этой борьбы, приглашал все население к поголовному вооружению (307, т. II).

Одновременно с усиленным распространением путем печати и прокламаций означенных постановлений с'езда, постоянно прибывавшие из Ревеля в уезды агитаторы всячески старались поднять крестьянское население против помещиков, указывая на то, что последние являются главными сторонниками существующих порядков, и что по их настоянию, вызванному желанием воспрепятствовать осуществлению резолюции Юрьевского с'езда, правительством введено было в городе Ревеле и его уездах военное положение, при этом революционерами преследовалась та практическая цель, что при охвативших уезды нападениях вооруженных крестьян на помещичьи имения большая часть воинской вооруженной силы, сосредоточенной в Ревеле, будет выведена из города в уезды, и Ревелем, лишенным охраны, им легче будет завладеть (313, т. II). Другая цель, которую думали достичь погромами, заключалась в стремлении терроризовать население и доказать бессилие властей (312, т. II).

Вместе с тем на состоявшемся в гор. Ревеле на фабрике Вольта, перед самым введением военного положения, с'езде делегатов постановлено было приступить к насильственному свержению местных представителей правительственной власти (312, т. II).

Результатом означенной противоправительственной пропаганды явилось образование отдельных революционных комитетов в волостях Эстляндской губернии, принявших на себя на месте руководство крестьянским населением, а затем и целый ряд погромов помещичьих имений, охвативших в декабре месяце Ревельский уезд и сопровождавшихся насильственным отобранием мызного оружия, поджогами барских усадеб и заводов и вообще истреблением имущества помещиков.

Такое антиправительственное движение среди крестьянского населения Раппельского прихода, Ревельского уезда вылилось в форму открытых насильственных действий против местных представителей власти, правительственных учреждений и окрестных помещиков 13 декабря 1905 года и сопровождалось следующими обстоятельствами (311 об., т. II).

13 декабря 1905 года, около 5 часов дня, в окрестностях местечка Раппель, а именно—около лавки общества потребителей, появилась шайка вооруженных злоумышленников, которые, пробыв там некоторое время, направились с пением марсельезы к дому, занимаемому квартирой и канцелярией младшего помощника начальника Ревельского уезда по 3-му участку Кожевеникова. Кожевеников, с целью наблюдения за действиями шайки, взобрался на чердак своего дома и оттуда видел, как часть злоумышленников вошла через кухню в его квартиру, а остальные остановились на дворе (л. д. 22). Услыхав крики о том, что надо обыскать все помещения, так как «его», т.е. младшего помощника, нигде нет, Кожевеников решил спастись бегством и, с этой целью опустившись с чердака и повредив себе при этом падением с лестницы ногу, перелез через забор и пустился бежать по большой дороге по направлению к толпе каких-то людей, стоявших недалеко от его дома. Пробегая мимо толпы, Кожевеников произвел в нее несколько выстрелов из револьвера, на что из толпы также отвечали выстрелами, не причинившими, однако, Кожевеникову никакого вреда, хотя и прострелившими ворот его пальто. Кожевеникову удалось

скрыться от злоумышленников, а затем он благополучно добрался до Ревеля.

Между тем в квартире и канцелярии Кожевенникова толпою был произведен разгром. Злоумышленники, не ограничившись похищением и истреблением посредством огня вещей, принадлежавших лично Кожевенникову, сожгли также все казенные дела, имевшиеся в его канцелярии. Письмоводитель Кожевенникова—Придик Торн, спрятавшийся, при приближении шайки на чердаке одного из соседних домов, слышал оттуда разговоры злоумышленников и узнал некоторых из них.

Разгромив дом младшего помощника, шайка направилась к казенной винной лавке, которую разгромила, несмотря на протесты сидельца Карла Ассафельдта. Между прочим, в лавке были разбиты образ и кружка для сбора в пользу слепых, а также уничтожено гербовых марок на 8 рублей 90 копеек (52 об.).

После винной лавки злоумышленники были разгромлены камера мирового судьи 8-го участка Ревельско-Гапсальского округа, арестный дом и канцелярия председателя верховного крестьянского суда. Во всех трех учреждениях обстановка их, а также все дела, книги и печати были уничтожены. Кроме того, в канцелярии председателя верховного крестьянского суда и в камере мирового судьи были уничтожены портреты царствующего государя императора, а в камере еще и зеркало (57 об.). Независимо от сего злоумышленниками, как оказалось, были открыто похищены из камеры судьи судебные марки на сумму 73 руб. 58 коп. и наличных казенных денег 4 рубля 80 коп., из арестного дома, как это установил смотритель Андрей Лебас—8 с лишним рублей арестантских денег, а из канцелярии председателя верховного крестьянского суда—9 рублей кассационных залогов и 51 рубль, принадлежащие Раппельской бесплатной библиотеке (51, 52).

По окончании разгрома в канцелярии председателя суда, шайка арестовала письмоводителя его Ивана Гансмана и, под конвоем четырех вооруженных злоумышленников, отправила его в волостной дом, откуда, однако, часа через два он был освобожден. При появлении шайки в канцелярии суда председатель его, Федор Стволонский, встретил злоумышленников в передней, при чем на него сразу направилось несколько ружейных стволов; при этом, по удостоверению Стволонского, злоумышленники прямо заявили ему, что пришли жечь казенные дела и книги.

Покончив с разгромом канцелярии Стволонского, злоумышленники появились у раппельского пастора Юргенсона, которого заставили выдать им 28 рублей 47 копеек его собственных денег, в получении каких денег выдали ему расписку. В числе злоумышленников пастор заметил Августа Локута, который первый обратился к нему с требованием о деньгах.

По удостоверению крестьянина Артура Роберта, толпа, производившая описанные выше насильственные действия, доходила до 100 человек, вооруженных ружьями и револьверами (55 об.). По объяснению Роберта, еще за несколько дней до описанных разгромов, он нашел у себя прибитое к столбу анонимное письмо, в котором от него требовали под угрозой

смерти присоединиться к восставшим крестьянам, при чем в знак своего согласия на присоединение к бунтовщикам он должен был прибыть на том же столбе кусок красной бумаги (51).

Вслед за местечком Раппель нападению шайки подверглись несколько помещичьих имений, в коих дома и винокуренные заводы оказались разгромленными, а в некоторых и сожженными.

Около 11 часов вечера 13 декабря шайка, появившись в соседнем с Раппелем имении Рудольфа фон-Лилиенфельдта—«Алло», ворвалась в дом и, угрожая слуге владельца Михкелю Райтелю револьверами, заставила его выдать одно ружье; два других ружья были найдены злоумышленниками и ими открыто похищены (24). Вслед затем злоумышленники сломали на винокуренном заводе аппарат (89). Прибытие отряда драгун положило, однако, на этот раз конец разгрому. На следующий день утром шайка появилась в имении вновь, при чем часть ее ворвалась в дом управляющего Эдуарда Шмидта, а часть—в барский дом (24). Угрожая оружием, злоумышленники заставили Шмидта выдать им его оружие и, кроме того, сломали телефонный аппарат. В барском доме ими все было разбито: тому же подвергся и винокуренный завод, из подвала которого злоумышленники выпустили спирт. Через неделю, 21 декабря, в квартиру садовника имения «Алло» Юрия Лейторфа явились 6 вооруженных злоумышленников, которые, угрожая Лейторфу револьверами, заставили его выдать оружие.

Утром 14 декабря шайкой было разгромлено имение Леонгарда фон-Крузенштиерна «Хаггут», при чем в первый раз утром злоумышленники потребовали у управляющего Тениса Эзона оружие и увели лошадь, а днем похитили двух лошадей.

После полудня 14-го числа нашествию шайки подверглось имение барона Алексея Жирара-де-Сукантона—«Вальдау». Здесь, в виду появления отряда драгун, злоумышленники успели лишь принудить, путем угроз, управляющего Николая Эйхфуса дать им два ружья, два револьвера и 103 рубля хозяйственных денег. 16 декабря вечером шайка вновь посетила имение и на этот раз разгромила и подожгла дом, а также разгромила винокуренный завод, выпустив из подвала последнего спирт.

14 декабря днем и утром 17, шайка напала на имение Отто фон-Лилиенфельдта—«Сааге». В первый раз шайка ограничилась разгромом в нескольких комнатах барского дома, а 17-го числа заставила управляющего Карла Эренверта выдать ей два ружья, револьвер, порох, патроны и 11 рублей хозяйственных денег, тогда же был закончен разгром всего дома, а также разгромлен винокуренный завод, выпущен из подвала, в присутствии винокура Яна Крузе, спирт и расхищено вино из погреба.

После первого нападения на имение Сааге шайка направилась в имение наследников графа Кайзерлинга—«Райнколь», куда прибыла около 4-х часов дня. Встретив здесь управляющего Александра Конгроса на дворе, злоумышленники заставили его выдать им одно ружье и 55 рублей денег, а затем, разбив в доме несколько стекол, ушли. Около 8 часов утра 15-го числа шайка опять появилась в имении и заставила помощника управляющего Рудольфа Креека выдать револьвер. Кроме того, тогда же злоумышленники разгромили обстановку дома, намереваясь сжечь послед-

ний, подожгли в нем занавеси, однако, мызным рабочим удалось потушить огонь.

Около 6 часов вечера 14 декабря шайка напала на имение барона Оскара Гойнинген-Гюне—«Эрвакант», при чем сначала разгромила и сожгла барский дом, а затем в присутствии винокура Юрия Розина разгромила винокуренный завод. Покончив с разгромом усадьбы, часть злоумышленников посетила расположенный в 12 верстах от последней стеклянный завод и здесь угрозами принудила управляющего Рихарда Рунге выдать 22 рубля 30 копеек, в чем и выдала ему расписку. Среди злоумышленников Рунге признал крестьян Александра Матисона и Югана Лаане, который кричал: «долой фабрику, долой царя, долой барона». В это же время, незадолго до пожара эрвакантского дома, 4 вооруженных члена шайки пришли на полумызок Лельлефор и здесь заставили управляющего Юганеса Норвика и сына подрядчика Ивана Зальдеса выдать им ружье и револьвер, после чего все четверо уехали к усадьбе «Эрвакант», где вскоре показалось зарево пожара.

Спустя два дня, 16 декабря утром шайкой было произведено нападение на расположенную в той же Эрвакантской волости, министерскую школу, при чем злоумышленники открыто похитили у учителя Александра Цыпкина, его жены Марии Цыпкиной и учительницы Марии Стефановской ружье, а также узелок с различными принадлежностями Цыпкиной и Стефановской, золотыми вещами и казенными и собственными Цыпкина деньгами.

Имение Оттона фон-Лиленфельдта—«Кехтель» было опустошено шайкой около 11 часов вечера 15 декабря. По требованию шайки, угрожавшей оружием, управляющий Александр Мейндок и лакей Август Тимберг были вынуждены выдать ей одно ружье. После этого злоумышленники разгромили и сожгли барский дом, а затем подвергли разгрому и винокуренный завод и выпустили из подвала спирт, свидетелем чего был винокур Юрий Антон. Во время разгрома дома внутри последнего рабочий Юрий Вальдман признал в числе злоумышленников Югана Меберга, который в буфетной комнате бил тарелки, и Югана Саулепа, ломавшего в доме вещи. Тот же Вальдман, встретив в полуверсте от имения направляющуюся туда шайку, заметил в ней Ганса Пертеля, который распорядился кому куда идти и, повидимому, был предводителем.

В тот же день около полуночи шайка напала на имение Отто фон-Лиленфельдта—«Кеппель», где разгромила дом управляющего Михкеля Ранмана и винокуренный завод, выпустив при этом из подвала последнего спирт. Из имевшихся в подвале бочек со спиртом злоумышленники разбили 20, а 3 увезли.

Наконец, 16 декабря около 10 часов утра, шайка появилась в имении барона Магнуса Ферзена—«Ноденпе». Часть шайки зашла в квартиру управляющего Юрия Тийта, принужденного выдать злоумышленникам револьвер и ружье, а другая стала громить барский дом, который затем подожгла. На винокурённом заводе злоумышленники сломали аппарат, а из подвала выпустили спирт.

Вместе с тем, произведенным следствием с несомненностью было установлено, что все, описанные выше, насильственные действия были направлены к ниспровержению существующего в государстве строя и установленного в России образа правления и носили явно противоправительственный революционный характер; на такой именно характер действий, прежде всего, указывает факт нападения толпы на канцелярию местного помощника уездного начальника, на камеру мирового судьи и арестное при нем помещение, а также на канцелярию председателя верховного крестьянского суда, сопровождавшегося повсюду истреблением дел, похищением казенных печатей и штемпелей, а в канцелярии верховного крестьянского суда и в камере мирового судьи уничтожением портретов царствующего государя императора и зеркала; характерным в этом отношении представляется и то обстоятельство, что при нападении на казенную винную лавку бутылки водки нападавшими не похищались, а разбивались тут же на месте, и что частное имущество сидельца лавки Ассафельдта, а равно и председателя верховного крестьянского суда Стволонского, проживавшего в том же доме, где помещалась его канцелярия, остались нетронутыми злоумышленниками. При отобрании денег у пастора Юргенсона и управляющего заводом имени «Эрвакант» Рихарда Рунге обоим им были выданы расписки в получении денег, при чем в первой из них значилось, что деньги отобраны в пользу Раппельского комитета на приобретение оружия, а во второй, что она выдана от имени Ревельского комитета. Показаниями свидетелей Эдуарда Шмидта и Ганса Пормейстера установлено было, что в толпе, производившей описанные насилия, наряду с местными крестьянами, были и пришлые городские люди, а показанием заведующего эрвакантским училищем Александра Цыпина и из рапорта его на имя директора народных училищ выяснилось, что посланное им от имени учащихся в школе незадолго до разгромов выражение верно-подданных чувств государю императору не замедлило вызвать сильное неудовольствие против него со стороны местных предводителей социал-демократической партии, и что, когда 14 декабря вечером в Раппельском приходе получено было известие о том, что в Ревеле арестованы съехавшиеся на собрание выборные от волостей, многие крестьяне, называя себя «помощниками депутатов», вооружившись, двинулись к Ревелю навстречу возвращавшимся из Ревеля депутатам.

Независимо от этого предварительным следствием было установлено, что самые нападения на помещичьи имения носили совершенно особый характер, ничего общего не имеющий с обыкновенными разбойными нападениями, совершенными из корыстных мотивов, так как во всех имениях единообразно нападавшие, прежде всего, требовали выдачи оружия, похищение же другого имущества и ценных вещей являлось редким и носило случайный характер; главная же деятельность злоумышленников была направлена на уничтожение барских усадеб и заводов и на истребление спирта.

(Дело Управления прибалтийского генерал-губернатора, 1908 г., св. 4., № 277, т. 4, арх. № 19, л. 303/444—309/450).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

военно-прокурорского надзора петербургского военно-окружного суда по делу о крестьянах Якове Милосее, Антоне Меймере и других.

19 дек. 1905 г. на полумызу Оллепе, имения Каббаль, Фелепинского у. Лифлянд. губ. напала шайка разбойников в числе 40 чел. с целью ограбления полумызы и в тот же день сожгла лесничество этого имения Терва-Ауга, пре чем из числа нападавших трое были убиты и шестеро задержаны.

Произведенным по этому поводу предварительным следствием установлено следующее: помещики Лифляндской губернии, узнав о разграблении имений в Эстляндии, решили устроить вооруженную защиту для отражения нападений на свои имения и, когда выяснилось, что шайка злоумышленников направляется на имение Каббаль, то помещики около 50 человек, в числе которых, между прочим, находились Виктор фон-Цур-Мюллен, Густав Зеланд и Зигфрид Энгельгардт, собрались около этого имения с целью отражения злоумышленников. 18 декабря стало известно о разграблении шайкой имений Старый и Новый Фенери и о том, что телефонная проволока у лесничества Терва-Ауга перерезана. 19 декабря оказалось, что злоумышленники идут на посад Велико-Иоганис, вследствие чего упомянутые помещики отправились туда, но, увидев, что горит дом лесничего в Терва-Ауга, направились к полумызе Оллепе, имения Каббаль. Когда подъезжали к полумызе, то встретили проехавших верхом на лошадях 4 неизвестных, один из которых был одет в красный фрак, другой—в офицерскую форму с пашкой через плечо, третий был в солдатской форме, а четвертый—в штатском платье. Все четверо скакали с ружьями на перевес, и один из них произвел выстрел, после чего упомянутые помещики также открыли стрельбу, и, таким образом, завязалась перестрелка, во время которой трое неизвестных злоумышленников были убиты, остальные же стали убегать, при чем некоторые из них заперлись в дом, где жили мызные батраки, и, когда фон-Цур-Мюллен через посланного батрака предложил им сдаться, угрожая в противном случае разрушить дом, шестеро злоумышленников сдались и были препровождены в Феллин. Названная шайка состояла из 35—40 человек, приехавших: 4 верхом, а остальные на подводах. После отражения нападения злоумышленники убегали пешком, оставив на месте подводы с награбленным имуществом, в числе которого оказались ящики с серебром, ружья с патронами, инструменты для порчи железнодорожного полотна и проч. Полумызу Оллепе поджечь не удалось, но зато, по показанию Энгельгардта, жившего обыкновенно в лесничестве Терва-Ауга, шайка злоумышленников прибыла в то лесничество вечером 19 декабря и расположилась в доме Энгельгардта, предварительно запретив кому бы то ни было выходить наружу. Злоумышленники ели, пили и спали до утра в доме, а затем утром приказано было выносить вещи, после чего злоумышленники облили полы керосином и зажгли дом. Часть вещей у Энгельгардта в доме была разграблена, и некоторые из этих вещей были впоследствии найдены на оставленных злоумышленниками подводах, и, кроме того, у одного из убитых злоумышленников оказались перчатки жены

Энгельгардта, а у другого задержанного злоумышленника оказалась шапка Энгельгардта. Энгельгардт сам хотя и не был при нападении на лесничество Терва-Ауга, но узнал от своих слуганок, что вместе с грабителями приехал также и Карл Тынсон, по поведению которого в доме было видно, что он приехал добровольно, играл на пианино и между прочим говорил, что «скажет он, если узнает, что главный самовольный охотник играет у него в доме». Задержанный впоследствии урядником Яков Милосей привез разбойников в лесничество Терва-Ауга. Соответствующими протоколами от 21 декабря 1905 года и 24 декабря того же года удостоверено следующее: 1) Дорога, на которой произошло столкновение шайки разбойников с помещиками, идет от домика, где живет управляющий полумызой, мимо сараев и затем заворачивает к дому, где живут мызные батраки; по обоим сторонам дороги—глубокая канава, а за домом батраков—лес, на дороге в разных местах—кровяные пятна. 2) Три трупа неизвестных лиц, убитых при нападении на полумызу Оллепе, оказались имеющими огнестрельные раны от выстрела из винтовки, при чем, по заключению врача, раны эти и послужили причиной смерти неизвестных.

По показанию Яна Нинемягги, 18 декабря вечером к нему в дом пришли 10 человек злоумышленников с требованием ружей и денег, и, когда он заявил им, что денег нет, то они осмотрели квартиру и ушли, оставив двоих караулить и не выпускать Нинемягги из дома. Один из злоумышленников, карауливших Нинемягги, говорил ему, что их уговорил идти на Терва-Ауга дровосек Милосей; утром на другой день после того, как злоумышленники были в лесничестве, Нинемягги, выйдя на двор, увидел «в числе немногих разбойников, оставшихся там, Якова Милосей», который пробыл в лесничестве до вечера. От слуганок Энгельгардта Нинемягги слышал, что Милосей был в числе караульчиков от разбойников, так что было заметно, что он принадлежал к их компании. Мария Супе удостоверила, что вечером, 18 декабря, в дом Энгельгардта пришли 14 вооруженных злоумышленников, разбили телефонный аппарат и потребовали ужин, а некоторое время спустя после их прихода пришел к ним Яков Милосей и пробыл целую ночь. Утром приехали еще человек 50 злоумышленников, завтракали в доме, а часов в 9 утра подожгли дом и уехали из лесничества Терва-Ауга. Милосей рассказывал Марии Супе, что он был вместе с разбойниками в Старо Фенерне, где один разбойник раньше ему знакомый, говорил речь. Эмилия Рейфельд, бывшая 19 декабря утром в лесничестве Терва-Ауга, также удостоверяет, что Яков Милосей был вместе с разбойниками и, как он сам говорил ей, пробыл с ними целую ночь. Иоганн Карлсон и Ян Линд, подтверждая факт разбойного нападения на лесничество Терва-Ауга, видели также, что Милосей был с разбойниками. Иоганн Калласполик и Вольдемар Калласполик окарауливали дом Энгельгардта в то именно время, когда вечером 18 декабря в лесничество пришли 10 злоумышленников, проникли в дом, а братьев Калласполик послали распрягать лошадей. В числе приехавших разбойников, братья Калласполики заметили Антона Меймера, который уехал вместе с ними в Оллепе; спустя некоторое время после приезда разбойников, в лесничество явился Яков Милосей и оставался с ними целую ночь, а когда

разбойники уехали, он остался в лесничестве; Милосей, по словам Вольдемара Калласполика, был знаком с разбойниками, ходил вместе с ними по комнатам, разговаривал. Кроме Меймера и Милосей братья Калласполики видели в лесничестве Карла Тынсона, который приехал с одним разбойником после того, как приехали в лесничество 10 человек других злоумышленников, а затем Тынсон тотчас же уехал, но, по словам Вольдемара Калласполика, Тынсон заходил ненадолго в комнаты дома. Иоганн Раук, бывший также караульщиком дома в лесничестве, подтвердил, что после того, как приехала шайка разбойников, Тынсон на санях привез еще одного злоумышленника и затем тотчас же уехал из лесничества, а Милосей, приходивший в дом во время приезда разбойников, большею частью был в кухне. Полицейский урядник Карл Эндсон, при производстве дознания о разбойном нападении на полумызу Оллепе и о поджоге лесничества Терва-Ауга, будучи командирован в имение Каббаль, арестовал двоих, именно Якова Милосея и Карла Тынсона, которые, показаниями допрошенных на дознании свидетелей, уличались в соучастии с разбойниками, прибывшими в имение Каббаль, при этом Эндсон помнит, что Милосей говорил, что во время поджога лесничества Терва-Ауга он хотя и находился там, но не сознался в принятии участия в поджоге, а Тынсон ссылался на то, что шайка разбойников заставила его подвезти двоих из них в лесничество. Кроме Милосея и Тынсона Эндсон, при первоначальном производстве дознания, арестовал еще 12 человек, впоследствии расстрелянных в г. Феллине карательным отрядом. Анна Лукас заявила, что в тот самый день, когда было нападение на полумызу Оллепе, к ней в дом пришли 8 человек злоумышленников, которые заявили, что они жгут только помещиков, а крестьянам нечего их бояться, после чего пришедшие, дав деньги, приказали Лукасу принести что-нибудь поесть; на другой день утром явились еще 4 человека, и в числе этих последних, вооруженные ружьями Август Метсвахт и Иоганн Сареоке, при чем Метсвахт говорил, что он был в лесничестве Терва-Ауга, где сожгли дом, а Сареоке говорил, что он был под Оллепе. Юрий Лукас подтвердил показание своей жены относительно прихода к нему в дом злоумышленников, в числе которых находились Сареоке и Метсвахт.

Независимо от указанных лиц, кроме Милосей, Меймера, Метсвахта и Тынсона, были привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу крестьяне: Иоганн Сареоке, Карл Рейндорф, Юрий Гешпок, Ганс Тилль, Юрий Кепник, Карл Юргенсон, Александр Мягги, Виллем Кивисон, Ганс Пихегальс, Петр Пихегальс, Ганс Герман, Ян Мадисон, Яков Пундер, Густав Иоат, Александр Муликас, Ганс Муликас и Карл Муликас. Из числа этих лиц Сареоке, по приговору временного военного суда в г. Ревеле 5 июля 1908 года, был осужден к смертной казни через повешение, но из отношения прокурора ревельского окружного суда от 12 августа 1908 года, № 7421, видно, что Сареоке до исполнения над ним приговора окончил жизнь в тюрьме самоубийством, остальные вышеперечисленные обвиняемые казнены карательным отрядом, что удостоверено отношением финляндского уездного начальника от 18 января 1906 за № 2532. (Дело упр. Вр. Прибалт. ген.-губ. 1908 г., св. 6, № 277, арх. № 20, д.д. 145 и 148).

Характер действий карательных отрядов.

Копия.

СПИСОК

лиц, подвергнувшихся военной экзекуции в Вейсенштейнском уезде
с 20 декабря 1905 года.

	Род наказания.	Кем наказан.
В Мариен-Магдалеиен.		
1. Портной Шульц. По найденным у него бумагам значился президентом республики в местности Оссик и Вольгоф.	Расстрелян 24 декабря.	Отрядом мичмана Измайлова.
2. Марта Юрман. При аресте оказал сопротивление.	То же самое 24 декабря.	То же самое.
3. Юганнес Танн. При аресте оказал сопротивление.	То же самое 24 декабря.	То же самое.
4. Вольдемар Юрман. При аресте оказал сопротивление.	То же самое 24 декабря.	То же самое.
5. Тенис Уринг. За подстрекательство к неисполнению законов.	То же самое 31 декабря.	То же самое.

	Род наказания.	Кем наказан.
В Арравете.		
6. Ганс Юрий Намеман. Грабитель и поджигатель имений.	То же самое 24 декабря.	Отрядом мичма- на Романовского.
7. Ганс Петов. Грабитель и поджигатель имений.	То же самое 24 декабря.	Отрядом мичма- на Романовского.
8. Пудини , из местечка Тугалепа. Главный грабитель и поджи- гатель имений.	То же самое 24 декабря.	То же самое.
9. Петр Рейнопус. Грабитель и поджигатель имений.	То же самое 24 декабря.	То же самое.
В Вейсенштейне.		
10. Август Мильн. Председатель суда респу- блики «Шульца».	То же самое 4 января.	Отрядом лейте- нанта Костен- ского.
11. Ян Нуппер. Милиционер республики «Шульца».	Расстрелян 4 января.	То же самое.
12. Ян Муук. Милиционер республики «Шульца».	То же самое 4 января.	То же самое.
13. Ганс Пертель. Милиционер республики «Шульца».	То же самое 4 января.	То же самое.

	Род наказания.	Кем наказан.
В Тургеле.		
14. Портной Нют. За противозаконную речь, сказанную им на вокзале «Алленкюль» 27 декабря.	То же самое 31 декабря.	Отрядом генер. Безобразова.
15. Портной Иосия. За агитаторство в своей волости.	То же самое 1 января.	То же самое.
16. Билиберт Больверк. За участие в незаконных выборах в Оррисарской вол.	Порка 16 января.	Отрядом лейтенанта Костенского.
17. Густав Симсон. За участие в Оррисарской волости в незаконных выборах.	Порка 16 января.	То же самое.
18. Лиза Никодемус. За подстрекательство мужа к грабежу и беспорядкам.	Арест на две недели.	Генералом Безобразовым.
19. Эвелина Ибрус.	Заложница за своего дядю сельского учителя Ибруса.	
20. Юганнес Липенид.	Заложник за своего сына.	
21. Карл Мейер.	Заложник за своего брата.	
22. Ганс Прувли. За сочувствие идеям президента Шульца.	Порка 9 января.	Отрядом лейтенанта Костенского.
23. Юрий Пальс. За сочувствие идеям президента Шульца.	Порка 9 января.	То же самое.
24. Иоганн Друман. За беспорядки в имени Текналь.	Порка 31 декабря.	Отрядом генер. Безобразова.

	Род наказания.	Кем наказан.
25. Иоганн Понт. За беспорядки на фабрике Тургеле.	Порка 31 декабря.	То же самое.
26. Александр Нредаман. За беспорядки на Тургельской фабрике.	Порка 31 декабря.	То же самое.
27. Ильвес. За беспорядки на Тургельской фабрике.	Порка 31 декабря.	Отрядом генер. Безобразова.
28. Рутт. За беспорядки на Тургельской фабрике.	Порка 31 декабря.	То же самое.
29. Иоганн Пордель. За беспорядки на Тургельской фабрике.	Порка 31 декабря.	То же самое.
30. Михольтейн. За самовольство в должности помощника старшины.	Арест на 1 месяц.	Лейтенантом Костенским.

Подписал: лейтенант *Костенский*.

С подлинным верно:

Старший адъютант штаба
23-й пехотной дивизии,

Капитан (подпись).

(Копия с дела № 1 Канцел. временного прибалтийского генерал-губернатора).

Циркуляры и инструкции.

1. Донесение ген.-губ. Соллогуба его императорскому величеству от 20 декабря 1905 года.
2. Указания Соллогуба прокурорам окружных судов от 24 января 1906 года.
3. Инструкция Соллогуба начальникам отрядов.
4. Указания военным отрядам от 19 декабря 1905 года.
5. Донесение ген.-губ. Закомельского министру внутренних дел.
6. Циркуляр Столыпина генерал-губернаторам от 9 октября 1906 года.
7. Циркуляр Министерства внутренних дел генерал-губернаторам от 21 ноября 1906 года.
8. Циркуляр Столыпина генерал-губернаторам от 6 сентября 1906 года.

ТЕЛЕГРАММА

(частью шифрованная)

На имя его императорского величества.

От генерал-лейтенанта **Соллогуба**, отправленная из Риги 20-го декабря 1905 г. в 1 час 35 мин. пополудни.

Сведения об ожидаемых погромах имений как в Феллинском и Перновском, так и других эстонских уездах, поступают ко мне с разных сторон. В виду недостаточности в прибалтийских губерниях войск для одновременных действий как во всех угрожаемых, так и уже охваченных беспорядками местах, приходится приступать к восстановлению порядка районно возможно самостоятельными отрядами, начиная с местностей, где беспорядки уже разразились и приняли наиболее опасный характер. Данных о начавшихся уже погромах имений в уездах Феллинском и Перновском пока еще нет. Ближайшим к названным уездам является отряд генерала Орлова, лишь недавно начавший действия против латышских шаек в окрестностях Валка и предполагавший затем перейти в район Вальмар-Венден. Генералу Орлову вместе с сим препровождаю депешу **вашего величества** на случай, если он признает возможным распространять ныне свои действия, хотя бы отчасти, на Феллинский и Перновский уезды. Необходимость проявления возможно большей энергии при подавлении беспорядков особо подчеркнута начальником отрядов, коим в районах их действия предоставлены полная самостоятельность и права военных губернаторов с полным подчинением им гражданских властей. Об изложенном всеподданнейше доношу **вашему императорскому величеству**, № 36.

Подписал: «Генерал-Лейтенант *Соллогуб*».

Временный
ПРИБАЛТИЙСКИЙ
генерал-губернатор.

Копия

25 января 1906 г.
№ 265.
гор. Рига.

Г. прокурору Рижского окружного суда,
» Ревельского » »
» Митавского » »
» Либавского » »

Одним из существенных условий для скорейшего восстановления законного порядка в Прибалтийском крае являются быстрота и строгость судебной репрессии по отношению к лицам, виновным в совершении наиболее тяжких видов нарушений государственной и общественной безопасности. К такого рода преступным деяниям должны быть отнесены: 1) государственные преступления, 2) всякого рода нападения на чинов войска, полиции и должностных лиц при исполнении или вследствие исполнения обязанностей службы и 3) разнородные случаи умышленных истреблений и повреждений таких сооружений (телеграф, телефон, железная дорога, мосты, водопроводы и т. п.), которые служат для правительственного или общественного пользования.

Быстрота и строгость судебной репрессии в отношении лиц, виновных в совершении этих преступлений, может быть достигнута, как передачей соответствующих дел на рассмотрение военных судов для суждения по законам военного времени, так и применением упрощенных приемов расследования с устранением из судопроизводства излишних формальностей. Разделом IV военно-судебного устава введено в этих видах правило, допускающее внесение в военный суд дела по данным полицейского дознания без производства предварительного следствия. Однако, такой порядок расследования, хотя и ускоряет значительно судебный процесс, но не может дать тех прочных гарантий для выяснения истины, которые создаются при условии производства предварительного следствия. Поэтому в местах пребывания судебных следователей гражданского ведомства, а именно в городах и других населенных пунктах представляется более целесообразным обращать возникающие дела к производству предварительного следствия, но при обязательном условии, чтобы расследование по этим делам велось вне очереди и притом со всевозможной быстротою.

При точном соблюдении требований закона быстрота эта может быть достигнута согласованием мер, принимаемых судебными, военными и полицейскими властями, и полным взаимным их содействием.

В этих видах предлагаю подлежащим военным и полицейским чинам принять к руководству следующие правила:

1. В случае обнаружения виновных в совершении упомянутых в п. 1 преступных деяний, исключительно политического характера, предавать их на распоряжение губернского жандармского управления.

2. При задержании виновных в одном из перечисленных выше в п. п. 2 и 3 преступлений доставлять их тотчас же и не позже следующего утра подлежащему судебному следователю гражданского ведомства, приглашая явиться к нему же одновременно тех лиц, которые задержали виновных, а равно и очевидцев преступления.

Вместе с тем, о совершенном преступлении должно быть немедленно донесено участковому товарищу прокурора.

3. В случае необходимости произвести в квартире или другом местожительстве задержанного обыск или выемку, не выжидать прибытия отсутствующего судебного следователя и, не останавливая доставления к нему задержанного, приступить на основании 258 ст. Уст. Угол. Суд. к обыску или выемке, о результате которых тотчас же сообщить тому же следователю.

4. Все требования судебных следователей и лиц прокурорского надзора по делам упомянутых категорий исполнять вне очереди с наибольшими быстротой и точностью.

5. При словесных (лично или по телефону) обращениях судебных следователей к чинам полиции о вызове свидетелей, принимать все меры к немедленному исполнению таких требований. При этом чинам полиции вменяется в обязанность не только объявлять вызываемым лицам под расписку (ст. ст. 435 и 382 Угол. Суд.) приглашение следователя о явке на допрос к определенному часу, но и наблюдать за действительной явкой этих лиц к следователю.

6. Такой же порядок надлежит соблюдать и при требованиях судебных следователей о вызове врачей, экспертов, понятых и других лиц.

Сообщая об изложенном, прошу ваше высочородие принять, со своей стороны, все возможные меры к скорому и энергичному производству предварительных следствий по делам упомянутых выше категорий в том случае, когда обнаружены и задержаны заподозренные в этих преступлениях лица.

В частности, для достижения скорейшего производства предварительных следствий по этим делам возможно было бы, по моему мнению, преподать судебным следователям в установленном порядке о необходимости строгого наблюдения нижеследующих правил, точно согласованных с требованиями законов уголовного судопроизводства:

1) Предварительные следствия должны быть производимы со всевозможною скоростью. Производство их не останавливается и в табельные или воскресные дни, если обстоятельства дела того потребуют (ст. 295 Уст. Угол. Суд.).

2) При явке к следователю очевидцев преступления и доставления к нему задержанных обвиняемых, они должны быть немедленно допрошены (ст. ст. 306, 307 и 398 Уст. Угол. Суд.).

3) В случае ошибки в определении территориальной подсудности, судебный следователь, к которому неправильно явились очевидцы преступления и доставлены задержанные обвиняемые, должен тем не менее тотчас же произвести допрос явившихся лиц, разрешить вопрос о привлечении обвиняемого и принять в отношении последнего меру пресечения, а затем все производство без всякого замедления передать участковому следователю (ст. 290 Уст. Угол. Суд.).

4) При осмотре мертвых тел надлежит приступать к вскрытию только в случае крайней необходимости, когда по внешним признакам врач затруднится дать точное и определенное заключение о причинах смерти.

Во всех остальных случаях следует ограничиться внешним осмотром и освидетельствованием мертвого тела (ст. 336 Уст. Угол. Суд.).

5) Собрание справок не должно задерживать дальнейшего хода дела, так как они, до их получения, могут быть препровождены дополнительно. Исключение должно быть сделано только для тех справок, без которых личность виновных остается неустановленною, а равно справок о возрасте обвиняемых, не достигших 17 лет (ст. 414 Уст. Угол. Суд.).

6) При необходимости исследования состояния умственных способностей обвиняемого или вопроса о его разумении в том случае, когда по делу имеются еще другие соучастники, производство об исследовании умственных способностей или о разумении выделяется из общего предварительного следствия и получает самостоятельное направление для того, чтобы не задерживать суда над остальными обвиняемыми (ст. 354 Уст. Угол. Суд.).

7) Призыв обвиняемых, находящихся на свободе, и свидетелей, проживающих в том городе или населенном пункте, где производится следствие, для ускорения должен делаться путем словесного требования, обращенного через чинов полиции лично или по телефону, при чем самая явка этих лиц должна назначаться в ближайший срок (ст. ст. 377 и 435 Уст. Угол. Суд.).

8) Во избежание попыток со стороны обвиняемых к нежелательному затягиванию следствия и к излишнему затемнению дела, судебный следователь, на точном основании 449 и 477 ст. ст. Уст. Угол. Суд., должен со всей тщательностью обсудить вопрос о существенности для дела исследования тех обстоятельств, которые приводятся обвиняемым в опровержение показаний свидетелей, и поверять только те из них, которые могут иметь влияние на решение дела. Во всех остальных случаях просьбы обвиняемых о допросе свидетелей и производстве других следственных действий должны влечь за собой мотивированный отказ в заявленных ходатайствах.

Подписал времен. прибалт. генерал-губернатор,
генерал-лейтенант *Соллогуб*.

Скрепил: начальник военного отдела,
Генерального штаба полковник *Сиверс*.

Верно: Полковник *Сиверс*.

(Копия с дела № 1, Канцел. Времен. Прибалт. Генерал-Губернатора).

Копия.

ИНСТРУКЦИЯ

Начальникам Северного и Южного отрядов *.

1. Начальникам отрядов в районах их действий подчиняются все местные гражданские власти, а также все части войск, команды и отдельные воинские чины.

* Генерал-майорам Орлову и Мейнард.

2. Начальникам отрядов предоставляются права начальников дивизий в военное время, а по гражданскому управлению—права военных губернаторов (ст. ст. 607—610 и 927 Положения о полевом управлении войск в военное время и ст. ст. 447 и 449 кн. III св. В. II, 1869 года, изд. 1890 г.).

3. **Задачи Северного и Южного отрядов в назначенных им районах:** а) прекратить чинимые некоторою частью местного населения грабежи и насилия, направленные преимущественно против земельных собственников, и б) восстановить законные городские и сельские власти, арестовав лиц, самовольно присвоивших себе в том или ином виде права местных властей, а также главных зачинщиков и руководителей противогосударственного движения.

4. **Способ действия.** Первоначально отряды сосредоточиваются: Северный — в районе г. Вольмар-Венден, а Южный — в районе станций Риги-Орловской дороги Крейцбург - Штокмансгоф. Опираясь на указанные пункты, отряды производят экспедиции на 1—2 перехода в направлениях, избираемых начальниками отрядов, в соответствии с получаемыми от представителей местной администрации сведениями о ходе беспорядков среди местного населения.

По выполнении отрядами возложенных на них задач в первоначально назначенных им районах, отряды передвигаются в новые районы, соответственно общим моим указаниям.

Во избежание частных неудач при встречах с более значительными вооруженными шайками, необходимо производить экспедиции возможно сосредоточенными силами, поддерживая тесную связь между отдельными колоннами.

В мере возможности должна поддерживаться связь между Северным и Южным отрядами.

При каждой отдельной колонне должен находиться представитель местной администрации и надежные проводники.

При движении колонн и остановках их на ночлег надлежит обратить особое внимание на охранение войск от неожиданных нападений. Попутные селения должны заблаговременно и внимательно осматриваться раз'ездами, дабы колонны не были встречены в селении неожиданным огнем из домов.

Разведав места сбора вооруженных шаяк, надлежит возможно быстро и скрытно обрывать их и предлагать немедленно сдать оружие и выдать главных заправил, а в случае сопротивления исполнению сего требования—самым энергичным образом проявить силу оружия.

Во избежание излишних в войсках потерь, атаки селений в конном строю следует избегать и возможно больше применять при этом артиллерийские средства.

Для снятия революционных городских и сельских властей и восстановления властей законных, необходимо в назначенных отрядам районах посетить города и по возможности все те селения, в коих находились волостные управления. Подойдя к такому селению, надлежит потребовать от жителей немедленной выдачи или указания места нахождения лиц, незаконно присвоивших себе права городских или сельских властей, и вообще

главных зачинщиков бунта, а также сдачи имеющегося оружия. В случае неисполнения этого требования, по овладении селением, дома приводятся в негодность для жилья, при этом для большего морального воздействия надо широко пользоваться пироксилином. При разрушении строений необходимо руководствоваться указаниями представителя местной администрации, дабы не уничтожить имущества лиц, непричастных к противогосударственному движению и без того уже разоренных бунтовщиками.

На местах забранных незаконных властей восстанавливаются лица, законно занимавшие административные должности, или назначаются новые лица, руководствуясь указаниями состоящих при войсках представителей местной администрации. Для поддержания восстановленных властей при них могут быть оставляемы преимущественно конные части, но с возможной бережливостью в расходовании их (силою не менее взвода).

Выданные населением и захваченные войсками главные зачинщики беспорядков, следуя вместе с войсками, приводятся на станции железных дорог—Вольмар, Венден, Крейцбург и Штокмансгоф,—откуда при первой возможности распределяются по местам заключения. В случае затруднений в возке захваченного оружия за войсками, оно приводится в негодность к употреблению.

5. **Довольствие войск.** В виду смещения населением законных властей и непристойности вести какие-либо сношения с властями революционными,—нормальный порядок получения от населения войсками всего им необходимого невозможен. Поэтому войскам разрешается забирать путем реквизиции необходимые им жизненные продукты, фураж и подводы. Во избежание же обвинения войск в насилии, реквизиции следует производить лишь в строго необходимом размере и за все забираемое выдавать населению квитанции, занося таковые в особые тетради.

6. Кроме Северного и Южного отрядов, вдоль Риго-Орловской железной дороги будет следовать, со специальной целью восстановления движения поездов, особый отряд г.м. Вендта.

7. Для самого широкого распространения в населении прилагаются объявления временного прибалтийского генерал-губернатора.

Подлинную подписал: Вр. прибалтийский генерал-губернатор генерал-лейтенант *Соллогуб*.

Верно: Начальник военного отдела канцелярии Ген. штаба полковник (подпись).

«Утверждаю»
19 декабря 1905 года.
Времен. прибалтийский
генерал-губернатор,
генерал-лейтенант
Соллогуб.

Общие указания для действия воинских отрядов, командиремых для восстановления законного порядка.

Способ действий. При каждой отдельной колонне должен находиться представитель администрации и надежные проводники.

При движении колонны и остановках их на ночлег надлежит обратить особое внимание на охранение войск от неожиданных нападений, попут-

ные селения должны заблаговременно и внимательно осматриваться, дабы не были встречены в селении неожиданным огнем из домов.

Разведав места сбора вооруженных шаек, надлежит возможно быстро и скрытно окружать их и предлагать немедленно сдать оружие и выдать главных заправил, а в случае сопротивления исполнению сего требования самым энергичным образом проявить силу оружия.

Небольшие пехотные части для быстроты передвижения можно перевозить на повозках.

Во избежание излишних в войсках потерь, атаки селений, особливо же в конном строю, следует избегать и возможно больше применять при этом артиллерийские средства.

Для снятия незаконно избранных населением городских и сельских властей и восстановления властей законных, необходимо в назначенных войскам районах посетить города и по возможности все те селения, в коих находились волостные управления. Подойдя к такому селению, надлежит потребовать от жителей немедленной выдачи или указания места нахождения лиц, незаконно присвоивших себе права городских или сельских властей, и вообще главных зачинщиков беспорядков, а также сдачи имеющегося оружия. В случае неисполнения этого требования, по овладении селением, дома приводятся в негодность для жилья, при этом для большего морального воздействия желательно широко пользоваться пироксилином. При разрушении строений необходимо руководствоваться указаниями представителя местной администрации, дабы не уничтожить имущества лиц, непричастных к противогосударственному движению и без того уже разоренных бунтовщиками.

На места забранных незаконных властей восстанавливаются лица, законно занимавшие административные должности, или назначаются новые лица, руководствуясь указаниями состоящих при войсках представителей местной администрации. Для временного поддержания восстановленных властей при них могут быть оставляемы преимущественно конные части, но с возможно бережливостью в расходовании их (силою не менее взвода).

Выданные населением и захваченные войсками главные зачинщики беспорядков, следуя вместе с войсками, при первой возможности распределяются по местам заключения. В случае затруднений в возке захваченного оружия за войсками, оно приводится в негодность к употреблению.

Довольствие войск. В виду смещения населением законных властей и непристойности вести какие-либо сношения с властями незаконными,—нормальный порядок получения от населения войсками всего им необходимого невозможен. Поэтому войскам разрешается забирать путем реквизиции необходимые им жизненные продукты, фураж и подводы. Во избежание же обвинения войск в насилии, реквизиции следует производить лишь в строго необходимом размере и за все забираемое выдавать населению квитанции, занося таковые в особые тетради.

Начальник Военного отдела

Канцелярии генерал-губернатора

Генерального штаба полковник *Сиверс*.

Временный
ПРИБАЛТИЙСКИЙ
генерал-губернатор.
Канцелярия.
Войсковой отдел.
Декабря 1906 года.
№ 1476.
гор. Рига.

Министру Внутренних Дел.

Почти годичная практика временных военных судов в прибалтийских губерниях выяснила чрезвычайно тяжелое положение лиц, привлекаемых в качестве свидетелей в эти суды по делам о преступлениях, совершенных в крае во время революционного движения: показания их не в пользу подсудимых влекут со стороны единомышленников преступника суровую месть, в виде смертного приговора, приводимого в исполнение почти немедленно после окончания суда.

Благодаря этому создается положение, при котором свидетели, даже уже показавшие на следствии не в пользу преступника, отказываются на суде от данных ранее показаний, ставя этим судей в трудное положение. Отсюда является неизбежная необходимость оградить невинных людей от расправы за правдивые показания и избавить от невозможного положения военных судей, принужденных или постановлять приговоры вопреки свидетельским показаниям или позволять подонкам общества издеваться над правосудием.

Одною из главных причин здесь является то, что имена свидетелей не составляют секрета ни для кого, а тем более для преступников. В обвинительных актах указываются точно и подробно, кто и против кого показывает, и тем дается возможность или предварительно запугать свидетеля, или отомстить ему, если запугивания не удалось. Между тем, как доложил мне председатель вр. военного суда в г. Риге, указание имен свидетелей в обвинительном акте не требуется законом, а создается обычаем, может быть, и не представляющим неудобств в нормальное время, но совершенно нежелательным и недопустимым теперь.

На основании изложенного мною вместе с сим возбуждено ходатайство перед главным военным прокурором о распоряжении с его стороны Виленскому и Петербургскому военно-окружным судам, чтобы в обвинительных актах, вносимых во временные военные суды, не указывались имена свидетелей, чем, нужно надеяться, в значительной степени будет достигнута их безопасность за правдивые показания и облегчена деятельность суда.

Об изложенном сообщаю вашему высокопревосходительству для сведения.

Подписал:

Вр. прибалтийский генерал-губернатор
генерал от инфантерии барон *Меллер-Закомельский*.

Скрепил и верно: начальник военного отдела
Генерального штаба подполковник (подпись).

(Дело канцелярии Вр. прибалтийского генерал-губернатора, 1906 г., св. 8, № 16-а архив, № 25, л. 630).

Гг. генерал-губернаторам, главноначальствующим, губернаторам и градоначальникам.

В видах борьбы с наиболее опасными проявлениями революционного движения в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, высочайшими повелениями 19 и 20 августа сего года (собр. узакон. ст. ст. 1361—1363) генерал-губернаторам, главноначальствующим и облеченным их властью лицам предоставлено было в тех случаях, когда учинение преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его предварительном расследовании, предавать обвиняемых в таковых преступлениях лиц военно-полевому суду. Засим, в последовавшем в разъяснение означенных законов циркуляре Совета министров, от 6 минувшего сентября, указано было между прочим: 1) что все предварительные относительно образования военно-полевых судов распоряжения должны быть сделаны с таким расчетом, чтобы, при первом же случае захвата виновного на месте преступления, суд мог в указанные в законе сроки приступить к разбирательству дела и постановить приговор, а этот последний быть приведен в исполнение и 2) что желательные от рассматриваемой меры результаты могут быть обеспечены лишь при неуклонном применении ее к преступлениям, выразившимся в вооруженных нападениях на должностных или на частных лиц, а также в разбоях, грабежах и насилиях.

Из приведенных указаний закона и циркуляра Совета министров явствует, что учреждением военно-полевых судов имелось в виду усилить быстроту репрессии исключительно за наиболее тяжкие преступные деяния, совершенные при наличии признаков полной очевидности преступления и лица, его учинившего, то-есть по преимуществу при захвате виновного на месте преступления, при самом совершении последнего или непосредственно по его учинении.

Между тем, в некоторых местностях возникло сомнение, не представляется ли возможным допускать преданию военно-полевых судов виновных, изблещенных в других менее важных преступлениях, нежели указанные выше наиболее опасные для общественного порядка преступные деяния. Вместе с тем, некоторые административные начальства полагали допустимым передавать дела, по которым уже состоялся приговор военно-полевого суда, на вторичное рассмотрение другого судебного места, если первоначально поставленный приговор представляется, по их мнению, не соответствующим обстоятельствам дела. Наконец, допущено было ошибочное предположение о том, что административные власти уполномочены заранее объявлять о подчинении ведению военно-полевых судов целого ряда дел определенных категорий.

Вследствие сего и в устранение различного понимания закона в отдельных местностях, Совет министров долгом считает разъяснить:

1) что военно-полевым судам могут быть предаваемы, по особому каждому раз распоряжению подлежащей власти, только лица: а) учинив-

шие убийство, разбой, грабеж и нападение на часового или военный караул, а также вооруженное сопротивление властям и нападение на чинов войск и полиции и на всех вообще должностных лиц и б) изобличенные в противозаконном изготовлении, приобретении, хранении, ношении и сбыте взрывчатых веществ или снарядов;

2) что предание упомянутых в п. 1 лиц военно-полевому суду допустимо лишь в тех случаях, **когда учинение ими преступного деяния представляется вполне очевидным**, то-есть, когда обвинение может быть основано на достоверных и не требующих особой проверки данных, а следовательно, главным образом, если преступник задержан или застигнут на месте преступления, при самом совершении последнего или непосредственно по его учинении;

3) что генерал-губернаторы, главноначальствующие и облеченные их властью лица не уполномочены заранее объявлять о подчинении определенных категорий дел ведению военно-полевых судов, но должны в каждом отдельном случае учинения преступного деяния разрешать вопрос о предании виновного военно-полевому суду,

и 4) **что приговоры военно-полевого суда не могут быть ни в каком случае отменяемы**, а потому передача завершенных сими приговорами дел на вторичное рассмотрение военно-полевого суда или другого судебного места не допустима.

О вышеизложенном имею честь уведомить вас, милостивый государь, для сведения и руководства.

Председатель Совета министров *П. Столыпин*.

(Дело канцелярии прибалтийского генерал-губернатора, 1906 г., св. 8, № 363, л. 6—7).

Совет
МИНИСТРОВ.
6 сентября 1906 г.
№ 1342.

Циркулярно.

Гг. генерал-губернаторам, главноначальствующим, губернаторам и градоначальникам.

Беспримерное усиление революционной деятельности, выразившееся в целом ряде возмутительных покушений на должностных лиц, чинов полиции и воинских начальников, а также в попытках устройства вооруженных восстаний, ставит правительство в необходимость принять самые энергичные меры для борьбы с подобными злодеяниями. В этих видах, наряду с некоторыми другими распоряжениями, во всех местностях, где проявления революционного движения приняли особенно угрожающий характер, введены, по ходатайству о том местных начальств, положения об усиленной или чрезвычайной охране, а некоторые из означенных местностей объявлены даже на военном положении. Независимо от сего, признано необходимым законом, удостоившимся утверждения 18 минувшего августа, усилить наказуемость за революционную пропаганду в войсках и, наконец, высочайше утвержденным 19 того же августа положением

Совета министров, генерал-губернаторам, главноначальствующим или лицам, облеченным их властью, предоставлено в местностях, состоящих на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, учреждать военно-полевые суды для суждения в них, ускоренным порядком и с применением в подлежащих случаях наказания по законам военного времени, таких преступных деяний, которые являются настолько очевидными, что нет надобности в их расследовании. Такие же суды по высочайшему повелению от 20 того же августа введены для лиц военного и военно-морского звания.

Однако, все эти меры не достигнут цели и останутся пустою угрозою, роняющею только авторитет власти, если начальствующие лица, обязанные применять их, не проявят самой решительной энергии в пользовании предоставленными им чрезвычайными полномочиями для борьбы с крамолою.

В виду сего Совет министров возлагает на вас, милостивый государь, обязанность немедленно озаботиться организацией военно-полевых судов, для чего войти в сношения с подлежащим военным начальством (отд. 1, ст. 1, закона 19 августа) относительно устройства судов и заблаговременного избрания имеющих войти в их состав лиц. Все предварительные по сему предмету распоряжения должны быть сделаны с таким расчетом, чтобы, при первом же случае захвата виновного на месте преступления, суд мог в указанные в сем законе сроки приступить к разбирательству дела и **постановить приговор, а этот последний—был приведен в исполнение.** При этом, **в ограждение судей от мести, желательно, чтобы имена их не оглашались.** Равным образом, должны быть заранее приняты все нужные меры к тому, чтобы в случае совершения преступления в местности, где за отсутствием потребного числа офицеров или по иной причине, военно-полевой суд не может быть образован, таковой имел возможность немедленно выехать из места расположения войсковых частей на место преступления.

Вместе с сим, считая, что лишь неуклонное применение принятой меры может привести к желательным результатам и обеспечить надлежащую силу и быстроту репрессии за преступления, выразившиеся в вооруженных нападениях на должностных или на частных лиц, а также в разбоях, грабежах и насилиях, Совет министров ожидает, что ваше превосходительство не преминете признать, по обстоятельствам переживаемого времени, неотложную необходимость подчинять действию правил 19 августа все те преступные деяния, совершенные в пределах вверенной вам местности, которые, не нуждаясь по очевидности своей в предварительном расследовании, должны быть караемы военно-полевыми судами.

Председатель Совета министров *П. Столыпин.*

Г. временному прибалтийскому генерал-губернатору.

(Дело канцелярии прибалтийского генерал-губернатора, 1906 года ов. 8, № 363, л. 1—3).

Разгром политических партий.

1. Заключение военно-прокурорского надзора о Вельмане и других от 19 февраля 1909 года.
2. Заключение военно-прокурорского надзора от 27 мая 1908 г. по делу Олундера и других.
3. Исповедь «Альфонса».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

военно-прокурорского надзора Петербургского военно-окружного суда по делу о крестьянах: 1) Владимире Вельмане, 2) Юрие Праузене, 3) Гансе Прейкове, 4) Мадисе Прейкове, 5) Юлиусе Собе, 6) Мартине Бекмане, 7) Густаве Тиккерпу, 8) Юлиусе Кунцеле, 9) Оскаре Вильдт, 10) Амални Вильдт, 11) Юли Мейер, 12) Юри Саристе, 13) Иоганне Терциусе (он же Антон Мартинсон), 14) Иоганне Симоне, 15) Альфреде Крайсе, 16) Анне Лулла, 17) Эмили Лимбервек, 18) Эльвине Ротберг, 19) Каролине Нейман, 20) Анне Тамберг, 21) Якове Кохберге, 22) Карле Тюрна, 23) Иоганне Типпо, 24) Гансе Гросмане, 25) Эдуарде Готлбове, 26) мещанине Карле Бах, 27) Альберте Лийке, 28) Амални Уньт и 29) Тенно Тельдсене.

11-го октября 1907 года агентом Эстляндского губернского жандармского управления Артельщиковым, при содействии жандармского унтер-офицера того же управления Николаенко и городского Кребеа, были задержаны на улице, в г. Ревеле, Владимир Вельман и Август Кунцель и доставлены в полицейское управление для обыска, при чем на таковом у Вельмана была обнаружена переписка, из которой видно: **что в г. Ревеле существует группа лиц, сплотившихся в одну организацию и присвоившая себе название «Ревельского комитета Российской социал-демократической рабочей партии»**, что эта группа вербовала новых членов в свою организацию, организовала денежные сборы на цели пропаганды, на издание прокламаций и газет и для снабжения средствами своих членов при поездках; устраивала собрания и сходки «комитетские» и «районные» для обсуждения вопросов организации агитации в рабочей среде и в войсках; издавала гектографированные и печатные издания группы, имела две тайные типографии и вошла в сношения с социал-демократическими организациями и в других городах, как-то: в Петербурге, Гельсингфорсе, Або и др. Агентурными сведениями и негласным наблюдением удалось обнаружить как существование тайных типографий, так и причастность некоторых лиц к вышеозначенной группе. Теми же агентурными данными удалось установить, что этой группой **с 28 на 29 июля 1907 года** было отпечатано около **300 прокламаций, под названием «К годовщине восстания на крейсере 1-го ранга «Память Азова»** и новый ли-

сток под названием «Ревельский военный листок», при чем 29-го же июля на улице было найдено по одному экземпляру именно этих прокламаций. На основании этих данных начальником Эстляндского губернского жандармского управления было предписано произвести ликвидацию этих типографий и группы лиц, имеющихся себя «Ревельским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии», таковые ликвидации и были произведены 29 июля 1907 года (у Юрия Праузена) и 23-го января 1908 года в доме № 44, по Татарской ул.

Данными произведенного при Эстляндском губернском жандармском управлении формального дознания, а также результатами обысков у разных лиц, обнаружено следующее: у Владимира Вельмана, при личном обыске и при обыске его квартиры отобраны: 1) письмо за подписью «письмоводитель Матвеев», в котором говорится, что в Кертельском комитете находится пока только пять членов и поэтому у них нет возможности пригласить к себе пропагандиста, что этому же комитету хочется быть в единении с Ревельским комитетом или с Центральным Комитетом и что Кертельский комитет просит выслать им за деньги литературу, а именно несколько экземпляров «Социал-демократии»; 2) протокол сходки с различными революционными планами, из которого видно, что Ревельским комитетом собирались денежные пожертвования, на фабрику Иогансона посылались листки для сбора в пользу РСДРП и членские взносы, что этим же комитетом рассылались прокламации, которые разъясняли обязанности членов партии и членские взносы на различные фабрики, напр., Иогансона, «Двигатель», и что среди рабочих разных фабрик устраивались сходки, на которые посылались пропагандисты; 3) «Сентябрьский отчет», где среди других расходов упоминается про расход на гектографирование 10 протоколов «Р. К.»; 4) письмо за подписью «И. Лепник», из которого видно, что куда-то посылались переводы различных статей, напр., «Алексинского». В этом же письме говорится, что «для приготовления конференции провинциальной организации нужно было бы более разработать всеобщую программу конференции Э. организац.; 5) отчет и другие заметки, между прочим, «вопросы об отчетах Р. К.»; сообщается между прочим, что «Комитет Целмолондской фабрики не собирался 2 месяца, денег в кассе вовсе нет»; «Гектограф» и др.; 6) 10 гектографированных протоколов Ревельского комитета РСДРП, из содержания которых устанавливается, что сообщество в своей деятельности в г. Ревеле подразделялось на районы «Двигательский, Котельский, Горожской» и др., что эта партия имела связь с Центральным Комитетом и вступила в сношения с преступными организациями в других городах, как-то: Петербурге, Гельсингфорсе, Або и др. По предмету сношений в протоколе имеется, между прочим, следующая записка: «если из ревельской типографии ничего не выйдет, то финляндские товарищи предлагают часть нового шрифта отправить в Финляндию и там открыть свою типографию», что Ревельский комитет имеет две тайных типографии—новую и старую. Все протоколы по содержанию своему представляют из себя денежные отчеты партии и отчеты деятельности районов, с подробным описанием происходивших в городе сходов, результатов решений на этих

сходках, содержанием протоколов, вместе с тем устанавливается, что партия имела и свою военную организацию, специальные функции которой сводились к пропаганде в войсках, к изданию для распространения между солдатами газеты «Военный Листок» и других прокламаций и воззваний для целей пропаганды в войсках задач партии. В протоколе № 2, между прочим, говорится, что «получено еще 15 фунтов взрывчатого материала». В протоколе № 7—«решили назначить одного товарища паспортистом, который приготавливал бы и выдавал паспорта по решению Р. К.»; 7) 5 листов простой бумаги с черновиками прокламаций за подписью «Ревельский комитет РСДРП», в которых говорится, что царское самодержавие грубо грабит народ, опираясь на высшие классы капиталистов и черносотенцев, что царь изменил в пользу бюрократии закон о выборах в III Государственную думу, что «мы еще не готовы к новому сражению, но час этот не далек», что истинные интересы народа защищает не царское самодержавие, а демократическая республика и Учредительное собрание. Рукописи заключаются словами: «Да здравствует вооруженное сопротивление народа! Да здравствует демократическая республика!». Экспертизой установлено, что эти черновики писаны рукой Вельмана. В найденных на улице в г. Ревеле разбросанных прокламациях, многие места тождественны с вышеописанными черновыми рукописями; 8) отчет по продаже книг «Красные годы в Эстляндии» в редакцию книгоиздательства «Тулевин» в Спб., в котором упоминается между прочим «о жалованьи Ревельскому Заместителю». На обороте отчета имеется письмо, в котором автор, обращаясь к «уважаемым товарищам», просит выслать адрес и номер некоего «Макса», чтобы переслать ему деньги. Свидетелями: Миной Курт, Иваном Генсдор, Ильей Трелиным, Августом Кунцелем и Михелем Кангурав, присутствовавшими при обыске, подтверждаются обстоятельства такового, а показаниями свидетелей жандармского унтер-офицера Семена Николаенко и агента губернского жандармского управления Ивана Артельщикова подтверждаются те обстоятельства, при каких Вельман был задержан на улице г. Ревеля. Брат обвиняемого Адольф Вельман показал, что он у брата всегда видел различные брошюры и прокламации и не раз читал их и что к брату всегда приходили знакомые мужчины.

У Густава Тиккерпу при обыске было найдено письмо с датой «Кертель, 1-го сентября 1907 года», за подписью «Матвеев», в котором говорится, что «Владимир хочет послать сюда кого-нибудь дня на два или на месяц», но что это не исполнено за неимением денег, чтобы дать этому человеку на путевые расходы и содержание, что этот же Владимир шлет Андрею Сейну поклон и что Сейн сказал, что знает одного Вельмана, который привез однажды из Петербурга в Ревель браунинги. Экспертизой установлено, что это письмо и письмо, найденное при обыске у Вельмана за подписью «Письмоводитель Матвеев», писаны одним лицом. Допрошенный в качестве свидетеля Андрей Сейн показал, что он действительно знаком с Вельманом и говорил про него А. Лийку, но о том, чтобы Вельман привозил револьверы в Ревель, он ничего не говорил и не знает, было ли это. Одна из типографий, упоминаемых в переписке, найденной у Вельмана, была обнаружена 29 июля 1907 года при обыске у Юрия Прау-

зена, при чем результатом обыска, произведенного в помещении, в саду и на чердаке дома, обнаружено следующее: 1) разрезанная бумага для печатания прокламаций, 2) части типографского шрифта, 3) части гектографа, 4) 2 отпечатанных воззвания Ревельского комитета под названием «К годовщине восстания на крейсере «Память Азова», в которых говорится, что крестьяне страшно бедствуют, тогда как помещики и дворяне богатеют и жиреют «на крестьянском поту», что начальство глумится и издевается над солдатами и матросами, заставляет нести тяжелую службу, гоняет расстреливать беззащитный народ, который восстает за свои права, что все это послужило поводом восстания матросов «Память Азова», но что восстание это было плохо подготовлено и потому не увенчалось успехом. Воззвание заключается словами «слава им, и смерть тиранам». Подпись «Типография Ревельской военной организации» при «Ревельском комитете РСДРП». Экспертизой установлено: 1) что все найденные части суть части типографии, 2) что найденные экземпляры воззвания «Память Азова» отпечатаны на найденном шрифте и 3) что найденные во время производства дознания об Ю. Праузене экземпляры газеты «Военный Листок» также частью могут быть отпечатаны на найденном шрифте. При производстве этого обыска кроме самого Ю. Праузена были задержаны: Ганс Прейков, Юлиус Соба, Мартин Бекман и Мадис Прейков. По личному обыску у каждого из них, кроме Ю. Собы, были обнаружены по 1 экземпляру воззвания «Память Азова», а у Ганса Прейкова, кроме того, 4 экземпляра воззвания, в котором говорится, что Государственная дума была очень осторожна в своих требованиях, до того осторожна, что часто жертвовала народными интересами, что, несмотря на эту осторожность, когда дошли до аграрных вопросов, местного самоуправления, неприкосновенности личности и других вопросов, то царское правительство, боясь, чтобы обсуждение этих вопросов не «отняло столбы, на которых оно держится», самовольно разогнало Думу. Что царское правительство попало все права русского народа. В этих же прокламациях критикуется закон о выборах в III Государственную думу, говорится, что «правительство вытянуло свои кровавые руки на своих врагов» и арестовало 55 представителей социал-демократической фракции, указывается на недостаток энергичной организации революционных сил общества, и народ призывается ко вступлению «в ряды революционных рабочих, крестьян и солдат», вызывается на «борьбу за землю и свободу». Заканчивается воззвание словами: «Собирайтесь и объединяйтесь в непобедимое войско, так как подобное войско может пошатнуть правительство». Подпись «Ревельский комитет РСДРП». У Ю. Собы: 1) краткое извлечение из протоколов организации Российской социал-демократической рабочей партии, 2) экземпляр «Программа Рос. Соц.-Демократ. Рабоч. Парт.» и 3) 1 экземпляр прокламации «Кто у нас изменники». При появлении полиции для обыска Мадис Прейков, Юлиус Соба и Мартин Бекман пытались-было бежать, но были задержаны. На обыске же было обращено внимание на то, что у Юлия Праузена, Мадиса и Ганса Прейковых руки были запачканы в черную краску. Присутствовавшими при обыске свидетелями ротмистром жандарм. Гришкевичем-Трохимовским, Августом Вельманом, жап-

дармским полковником Мезенцевым, Павлом Шитневым, Иваном Артельщиковым и полицеймейстером капитаном Цицерошинным подтверждаются обстоятельства обыска, а свидетель Иван Артельщиков, агент губернского жандармского управления, поставленный в наблюдение за Г. Прейковом, показал, что он однажды, 26 июля, видел, как Ю. Соба принес стоящему на рынке с цветами Гансу Прейкову какой-то белый сверток и, оглянувшись по сторонам, как бы для того, чтобы узнать, не следит ли кто за ним, передал этот сверток Прейкову. Что было в этом свертке, свидетель не знает, но утверждает, что Соба не нес этот сверток с большой натугой, как что-то тяжелое. Передав этот сверток, Соба ушел, а через ¼ часа принес еще один белый сверток и также передал его Прейкову. После ареста Праузена, занимаемый им участок снял в аренду Антон Паюс и, желая выселить жену Праузена, которая не хотела добровольно очистить помещение, пригласил к себе судебного пристава Виктора Кошкина. Когда снимали с чердака сено, то оттуда выпали части типографского шрифта, а при тщательном осмотре всего чердака были найдены еще части шрифта, которые свидетель передал своей хозяйке Елизавете Виберг в присутствии ее домашней наставницы Марии Ступиной. Изложенное в подлежащих частях установлено показаниями поименованных свидетелей.

Агентурными сведениями была обнаружена 23-го января 1908 года вторая тайная типография в доме № 44, по Татарской улице, при чем в этом же доме проживал Юлиус Кунцель. При обыске этого дома обнаружены: 1) умывальный таз с грязной черной водой; 2) части типографского шрифта, 3) перевязанный веревкой типографский набор на эстонском языке: «До чего дошла русская революция», 4) пачка газеты «*Voit-leja*» по-русски «Борец», в которой критикуется закон о выборах в III Государственную думу, говорится, что результаты выборов «еще раз убеждают нас в том, что вести мирным путем русскую революцию до конца невозможно», что «без народного движения прав добиться нельзя», что надо организовать народные массы и воспитывать в них политическое сознание. В той же газете помещены статьи: 1) «Ревельские либералы лежат на животе», в которой осмеиваются проводы губернатора Башилова той частью эстонской партии, которая признавала, якобы, справедливость и беспристрастную административную деятельность губернатора, и 2) «Кооперативные сообщества», в которой говорится о преждевременной агитации в типографии Ревельского комитета РСДРП, 3) 2 прокламации «С новым годом» издания Дерптского комитета военной организации партии С. Р., 4) машина с 3-мя валками, 5) рукопись на эстонском языке «*Kuhuon Wenemaa revolusion...*», в которой говорится, что печать и разные гражданские кружки уверяют, что русская революция кончилась, и призывают народ к мирным занятиям, но это уже была уступка со стороны правительства. В воззвании говорится, что «землю надо отнять от крупных владельцев путем экспроприации и передать ее крестьянам», что вместе с этим падет деспотизм чиновников и постоянное войско, что надо привить в войсках революционный дух, и что это мало-по-малу исполняется, и что теперь задача революции состоит в том, чтобы под-

нять понимание всех революционных слоев общества до того, чтобы новые выступления могли захватить с собой и войско и чтобы новая революционная волна низвергнула реакционного палача—правительство, при чем, чтобы «штыки, которые до сего времени охраняли это стадо изнурителей, стали бы их истребителями». «Свобода и правда придут к нам посредством меча», 6) рукописи газеты, текст которой одинаков с текстом печатной газеты и указанной в п. 4, 7) 2 типографских набора газеты «Ревельский Военный Листок» № 2, 10) 1 типографский набор той же газеты «Ревельский Военный Листок» № 2, но другая страница газеты, 11) 1 типографский набор газеты «Woitleja» № 1, 12) Пачка газеты «Военный Листок», на заголовке которой значится «Солдаты, не стреляйте в народ». Затем солдаты и матросы призываются к вооруженному восстанию. В этой газете помещены статьи: 1) «За или против народа», в которой говорится, что раньше во всех иностранных государствах было самодержавие, но везде народ сверг его, при чем описывается первая революция во Франции, что русский царь предугадывал то же явление в России, устраивал погромы, учреждал черную сотню и заставил солдат стрелять в народ. В заключение солдату указывается, что, когда он уйдет в запас и сядет на землю, его будут расстреливать, и предлагается выбор между народом и рабочими и «главным дворянином», помещиком, полковником Преображенского полка Николаем Романовым. 2) «Из жизни священника с броненосца «Александр II», в которой описывается, якобы, развратное поведение священника, и этот факт обобщается для всех священников, так что солдаты и матросы уговариваются не верить этим «фарисеям», а сплотиться в защиту «мучеников свободы». 3) «Хроника из военной жизни», в которой описывается солдатская «муштровка» на броненосце «Александр II». Подпись «Типография Ревельского комитета РСДРП». Означенный текст совершенно тождествен с текстом набора, означенного за № 9, в тексте набора № 10, при чем этот набор представляет из себя заглавный лист газеты; имеется еще одна статья под заглавием «Почтовый ящик», в которой «товарищи солдаты и матросы» призываются к распространению среди своих товарищей «Ревельского Военного Листка», а «товарищей военных писарей убедительно просят доставлять Комитету копии всех интересных приказов по частям». 13) Две рукописи текста набора означенной газеты «Военный Листок». Экспертизой установлено, что 1) отобранным готовым, т.е. набранным шрифтом, напечатаны газеты «Woitleja» и «Военный Листок» и 2) что найденные рукописи тождественны с набором. Производившим обыск подполковником Тихоновичем было обращено внимание на то, что у Ю. Кучеля руки были запачканы в черной краске.

На личном обыске Югана Симона, Ганса Гроссмана, Иоганна Типпо, а также при обыске квартир Оскара Вильдта и Тенно Тельдсепа была обнаружена печатная брошюра под заглавием «Открытое письмо всем ревельским сознательным рабочим» за подписью «Печатник М», в котором автор обращается ко всем товарищам рабочим и, указывая на ненормальность дела в партии, заключающуюся в «балаганной шуточной комедии большевизма», призывает их, в силу безразличного отношения

к партии, высказать свое слово. Затем автор жалуется на те нападки, которые он терпел от партии, вследствие которых он был принужден отказать от службы в Ревельском комитете. Но так как комитет выступил против него с изобличительной прокламацией, то он с своей стороны отвечает публичным письмом, в котором перечисляет ошибки большевиков, овладевших делами Ревельского комитета. В числе этих ошибок, характеризующих, по словам автора письма, бездеятельность и глупость партии, указывается **выпуск газеты «Борец»**, каковой выпуск не дает никаких положительных результатов, на недоверие к «товарищу Эд», который не известил партию, что в войсках нет агитаторов, на непонимание партией конспиративного действия типографии и вследствие этого непонимание назначения в эту типографию «реvisора». В заключение автор просит рабочих оценить по заслугам деятельность партии и призывает их внести в душную атмосферу свежее дыхание. На квартире же Вильдта и по личному обыску у Иоганна Симона и Якова Кохберга обнаружены записные книжки и рукописи, в которых говорится про целый ряд партийных вопросов, между прочим «о новой типографии», «об отчетах городских, районных, центрального комитета», «о членских взносах», «о шрифте», «о найме квартиры типографии», «о военной организации», «о боевой группе», «о присылке 400 рублей для Ревельского комитета», «о выпуске прокламаций от ситцевой фабрики», «о предложении Петербургскому комитету относительно конференции», «о расходах на старую типографию» и т. п. Экспертизой установлено, что найденные у И. Симона и Я. Кохберга рукописи писаны ими собственноручно. Кроме того, при обыске обнаружено: у Вильдта на квартире: I. Письмо за подписью «**Зельма**», в котором автор просит товарища «Ласфельдта» о высылке ему истраченных им на поездку в Лондон денег, при чем упоминает, что эти же деньги требовались товарищем Центрального Комитета «Кострофом» и что об этих деньгах знает Ревельский комитет; II. Письмо за подписью «Наборщик», в котором автор отказывается от службы в качестве наборщика Ревельского комитета РСДРП, вследствие дурного с ним обращения и необходимости поправить свое здоровье, пошатнувшееся на службе в типографии. Примером несправедливого отношения к нему автор приводит выговор Ревельского комитета за напечатание меньшего, чем следовало, количества листов, при чем причиной этого отнюдь не материальная выгода, а только желание принести пользу «освободительному движению», так как, по мнению автора, и выпуском «живых» листов он поддержал честь партии. Доказательством непонимания членами партии своих задач служат дошедшие до автора рукописи газеты «**Борец**», в которых говорится о **ниспровержении «самодержавия» и восстановлении «социальной республики**», тогда как автор находит необходимым иметь «**демократическую республику**», а не социальную. В заключение автор просит заплатить за него хозяину квартиры и дать средства на выезд из Ревеля, где рискует быть схваченным полицией. III. Паспорт на имя Саристе и IV. Отрывной купон с частью оттиска «Ревельский комитет Соц.-Дем. Раб. Партии». У Анны Лулла: I. Клочок бумаги с частью оттиска печати со словами «Демократический

комитет» партии. II. Два клочка бумаги, представляющие собою часть воззвания: «Устав Эстляндского союза РСДРП», в которых говорится: 1) условия приема членов союза, 2) права и обязанности Центрального Комитета по созыву конгресса, 3) права и обязанности Эстляндского союза, 4) права городского, окружного и районного комитетов по изданию литературы, 5) о денежных расчетах между собою городского, окружного, районного и центрального комитетов и 6) о составе центрального комитета и литературной редакции; III. Три квитанции о покупке 156 экземпляров «Вестник Профессиональных союзов». При обыске квартиры А. Лулла обнаружено, IV. Отчет Соц.-Дем. Раб. Партии; V. Прокламация «Ко всему народу» и VI. Один экземпляр газеты «Woitleja», в которой говорится о резолюциях, принятых на конференции эстляндской с.-д. рабочей организации, при чем резолюции эти следующие: 1) по аграрному вопросу, 2) по вопросу о Государственной думе, 3) по вопросу о профессиональных союзах, 4) по вопросу о военных организациях и боевых группах, 5) по вопросу о позиции против других партий, 6) Устав Эстонской объединительной организации РСДРП. В этой же газете помещена статья «Агитация в войсках и боевых группах», в которой говорится, что «конференция находит нужным вести в войсках самую широкую агитацию, чтобы организовать их и подготовить переход на сторону народа». Кроме того, на конференции было решено организовать из членов партии боевую группу, которая «вооруженная» руководила бы действиями при вооруженном восстании. Военные организации должны находиться в тесной связи с рабочими организациями. Наконец, «военные организации и боевые группы должны иметь всеобщее Российское бюро, состоящее под руководством и при надзором Центрального Комитета партии». «Печатано в типографии Петербургской эстонской группы. У Ганса Гроссмана полулист бумаги, на котором написано «про отчеты, бюро, всеобщие отчеты», «дело о Лютерской фабрике», «относительно адвокатов», «переговоры из Вольта» и т. п. Присутствовавшие при обыске свидетели: Иван Иванов (Рославль), Альберт Фрейбах и Степан Константюк подтвердили обстоятельства такового, при чем Иван Иванов заметил, что во время производства обыска Амалия Вильдт нагнулась около шкафа и, видимо, хотела спрятать какую-то бумажку, когда же свидетель, заметив это, крикнул А. Вильдт, чтобы она не двигалась, эта последняя выпрямилась, и на полу около нее свидетель поднял письмо «Наборщика». Альберт Фрейбах также показал, что он видел, как Иванов поднял с полу около шкафа, где стояла А. Вильдт, какую-то бумажку. Тот же свидетель удостоверил, что Анна Лулла пыталась перед обыском проглотить какие-то бумаги, которые, однако, были у нее отобраны.

Произведенным обыском у Юрия Саристе, паспорт на имя которого был найден при обыске квартиры Вильдта, было обнаружено письмо за подписью «Саша», в котором автор просит у Саристе приехать в Петербург, взяв новый паспорт, так как по его паспорту в Петербурге уже проливает какой-то молодой человек.

На обыске в корзине Юлии Мейер, которая по агентурным сведениям принадлежала к группе лиц, именующих себя «Ревельским комитетом».

было найдено: I. 221 экз. прокламации «Письмо российских крестьян к царю Николаю II», в котором говорится, что крестьяне жертвовали всем имуществом, своим трудом, своими сыновьями, давая их в войска, своей жизнью для царя, взамен этого, когда 9 января 1905 года народ пошел к царю жаловаться на своих притеснителей дворян и помещиков, тот же царь встретил их выстрелами солдат, что, когда крестьяне послали в Государственную думу своих представителей, чтобы просить у царя то, в чем крестьянин так нуждается, т.-е. земли и свободы, то тот же царь разогнал Думу. В этой же прокламации говорится, что если царь знает, как грабят народ его чиновники, губернаторы и помещики, то он «не император, а злодей», что царь вошел в сношение с «черносотенцем Вильгельмом», чтобы в случае победы народа призвать иностранные войска в защиту своего престола. В конце концов, воззвание кончается словами, что «у народа открываются глаза», что «недалек тот час, когда мы, рабочие и крестьяне, вместе со своими сыновьями-солдатами, соединенными силами восстанем против тебя и твоей разбойничьей шайки», и что народ будет сам судить палача и его разбойников. Вы будете прокляты во веки веков за все ваши зверские дела. «За все это над вами будет полномочный суд народа». Печатано в типографии «Ревельского комитета РСДРП». II. Рукопись, в которой высказывается протест правительству против привлечения к суду членов социал-демократической фракции II Государственной думы, при чем заключительные слова рукописи «Долой несправедливый суд кровавого царя! Долой царское правительство!», на этой же рукописи имеется несколько подписей и в их числе «Юлий Мейер, Эльвина Ротберг и Анна Тамберг». III. Три экземпляра брошюры «Пауки и Мухи», в которой говорится, что как паук высасывает кровь из мухи, так и из народа, рабочих и других труженников вытягивают все соки в свою личную пользу «господа денежные тузы, капиталисты, высшее духовенство» и др. В заключение говорится, что если бы все угнетенные «мухи» захотели бы соединиться, то они бы «одним взмахом крыльев разорвали бы все нити, вас связывающие», и «положили бы конец всем нуждам и рабству». «Научитесь же хотеть». Подпись: «РСДРП. Издание Ревельского комитета». IV. 1 прокламация «**Тактическая платформа**», в которой говорится, что самодержавие, опираясь на дворян-помещиков, принимает грубые меры против революционного движения, что «рано или поздно после наступившего затишья снова вспыхнет всеобщее революционное движение, при чем задачей новой революционной эпохи будет переход государственной власти к «народным представителям». Затем излагается роль пролетариата в минувшем и грядущем революционных движениях и излагаются задачи социал-демократии, при чем задачи эти следующие: 1) возбуждение политической инициативы среди пролетариата, при чем прогрессивные классы пролетариата вызываются «к поддержанию общей борьбы против самодержавия»; 2) непоколебимая и идейная борьба против всех попыток ограничить классовую самостоятельность пролетариата и 3) развитие политической и организационной самостоятельности рабочих. Подпись: «Ревельский комитет РСДРП». V. 2 экземпляра газеты «Социал-Демократ» № 2, в первой статье под заглавием «Под

каким знаменем» все приглашаются собраться под знаменем социал-демократии, которая одна может «свергнуть старое правительство и создать народу права и свободу», во второй статье «в память Государственной думы» говорится, что Дума «ничего не может нам дать, пока власть находится в руках царя, Трепова и других подобных громил», и поэтому народ призывается к решительному сражению «с самодержавием», и, наконец, в статье: **«Резолюция собрания делегатов эстляндских земских с.-д. организаций»** говорится, что необходимо среди новобращен вести пропаганду, поддерживать в будущем с ними связь и, таким образом, через них агитировать в войсках. **VI. 6 экземпляров газеты «Социал-Демократ» № 3, в первой статье которой, под заглавием «Несколько слов про современное положение»,** говорится, что правительство, будучи не в силах бороться с народным волнением и восстаниями, потому решило создать новую Государственную думу; во второй статье, под заглавием «Известия», «Революционный рабочий» призывается к смелому движению, и статья заканчивается словами: «Долой самодержавие!» «Да здравствует Великая Российская революция!». **VII. 1 экземпляр газеты «Социал-Демокр.» № 4, в которой** говорится, «что власть в государстве пока еще в руках самодержавия, потому что оно имеет поддержку в черносотенцах и в части „несознательного“ войска». **VIII. 1 экземпляр газеты Социал-Демокр.» № 5, в первой статье которой, под заглавием: «Страна, поднимайся»,** говорится, что милостивые господа сосут у народа кровь, что казаки бьют, грабят и насилюют народ, что вся страна находится под военным положением. Статья заканчивается словами: «Долой самодержавный строй! Да здравствует основное учредительное собрание!». Во второй статье, озаглавленной—«В предсмертных судорогах», говорится, что «старый самодержавный строй» умирает, несмотря на все свои попытки, чтобы удержать за собой позицию, и поэтому надо работать, пробуждать сознание в народе, чтобы окончательно свергнуть самодержавие. Заключительные слова те же: «Да здравствует революция! Долой самодержавный строй!». Все экземпляры газеты «Социал-Демократ» напечатаны в «**типографии Ревельского комитета РСДРП, IX. 10 экземпляров брошюры «Движущиеся силы и перспективы русской революции»,** в которых, между прочим, говорится, что от «Николая II нечего ожидать попытки в каком-либо вопросе встать в решительное противоречие с окружающими, что его правительство совсем не желает облегчить бедственное положение народа, а отделяется только пустыми обещаниями, и поэтому крестьянам рекомендуется самовольно конфисковать крупные землевладения». Юлия Мейер проживала на квартире Анны Тамберг, у которой также был произведен обыск, давший следующие результаты: **I. Брошюра Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии** и **II. гектографический листок, в котором изложен подробный расход Ревельского комитета, при чем в приходных статьях значится: взносы от ревельских заводов, в приходных статьях литературной кассы от фабрик, от г. Нарвы, 400 руб. пожертвования какого-то товарища; расходные статьи: материал для типографий, жалованье наборщикам, техника, бумага в старую типографию, на 6 000 экземпляров «Молодежь-эстонцы» и др.** Относительно всего найденного у А. Тамберг

она показала, что получила это от Ю. Мейер, и, вместе с тем, А. Тамберг же подтвердила, что все найденное в корзине ее квартирантки Ю. Мейер принадлежит этой последней. Свидетельскими показаниями Ганса Пекке и Альберта Гутмана, присутствовавших при обыске, подтверждены обстоятельства такого.

Обыском, произведенным у Эльвины Ротберг, фамилия которой была среди подписей на рукописи, отобранной у Ю. Мейер, было обнаружено следующее: I) прокламация под заглавием «**Красный флаг**», в которой говорится, что задачи Ревельского комитета заключаются в организации народных масс на борьбу с правительством. Там же в статье, под заглавием «Народ под судом», говорится, что правительство разогнало Государственную думу, отдало под суд много депутатов, что отдаются под суд представители рабочих классов, но настанет время, когда народ сам посадит на скамью подсудимых правительство. Статья заканчивается словами: «Долой гнусное правительство, царское самодержавие»; II) **1 экз. газеты «Социал-Демократ» № 8**, в первой статье, озаглавленной «Должны ли мы идти на выборы», говорится, что «всеобщая забастовка значит вооруженное сопротивление и столкновение организованных народных революционных сил с кровавым царским самодержавием», что народ должен поддерживать своих представителей в их «противоправительственных действиях». Оба найденные экземпляры напечатаны в типографии Ревельского комитета. Допрошенная в качестве свидетельницы Елизавета Метус показала, что у Эльвины Ротберг сходились: Эмилия Лимбервак, Юлия Мейер, Анна Тамберг, Мария и Каролина Нейман и занимались чтением прокламаций.

На обыске у Каролины Нейман было обнаружено следующее: I) 1 брошюра «Красные годы в Эстляндии 1905—1906 гг.», II) экземпляр газеты «Социал-Демократ», № 8. Текст одинаков с текстом той же газеты, найденной у Э. Ротберг, III) брошюра «**Патриотизм, война и социал-демократия**», в которой говорится, что социал-демократия во всех странах действует против войны и что в тех странах, где социал-демократия является сильно сплоченной, поражение на войне для правительства означает гораздо больше, чем частичная утрата могущества, престижа и т. п. IV) 1 экземпляр брошюры «**К теории классовой борьбы**», в которой говорится, что эта теория неминуемо идет к практическим и политическим ошибкам, при чем эти ошибки могут иметь гибельные последствия для дела революционного социализма, и V) 1 экземпляр прокламации «**Речь З. В. Коноплянниковой**», в которой автор излагает причины, заставившие ее убить полковника Мина, и говорит, что «мы, борцы за свободу, чувствуем в себе силу бороться против самодержавия». При допросе К. Нейман, она показала, что получила часть найденных у нее прокламаций от солдата Вороновича, между тем как показаниями этого же Алексея Вороновича устанавливается, что он получил от К. Нейман различные издания Ревельского комитета, с просьбой распространять их между солдатами. Виновоность К. Нейман подтверждается еще показаниями Марии Рукки, которая объяснила, что получила от К. Нейман, найденные у нее при обыске прокламации, и что эта последняя уговаривала ее, Рукки, со-

бирать деньги в пользу бастующих рабочих. Прокламации же, найденные при обыске М. Рукки, следующие: I) 1 экз. прокламации под заглавием **«Только членам партии»**, в которой Ревельский комитет дает своим избирателям отчет о положении организации и о деятельности комитета. Из этого отчета видно, что **«районные комитеты работают более или менее надлежащим образом»**, что «от Ревельского комитета отнята возможность письменной агитации», поэтому многие явления общественной жизни остались не оповещенными, так например: **отдача под суд социал-демократической фракции Второй думы**, «событие, превышающее все другие дерзкие, насильственные меры царского правительства». Указывается на разлад среди членов партии, что некоторые **члены ведут пропаганду между товарищами, чтобы не платить членского взноса**. Оповещается для сведения членов партии **факт ухода со службы из типографии наборщика**, что и было причиной неиспользования в целях широкой пропаганды печатными прокламациями, «факт отдачи под суд соц.-дем. фракции II думы». Наконец, члены партии призываются к совместной и дружной работе; II) 1 экз. подписного листа, с воззванием, в котором описывается столкновение рабочих с фабричной администрацией в паровозном отделении фабрики Лаусмана и это отделение объявляется под всеобщим бойкотом, а рабочие других фабрик призываются к денежной помощи бастующим рабочим вышеуказанной фабрики; III) 1 экз. прокламации, в которой говорится, что правление Металлического завода поместило в газетах объявление о том, что в паровозное отделение требуются рабочие, поэтому **комитет Коппельского района предупреждает товарищей, что означенное отделение фабрики находится под бойкотом, и всякий поступивший на эту фабрику будет считаться «штрейкбрехером»**, и IV) 1 экз. воззвания от **«Комитета Лютерской фабрики»** к рабочим той же фабрики, в котором порицаются действия и поступки зрителя Мауера, который заставлял рабочих покупать ему пиво, проявлял над ними свою власть, штрафовал их, а фабричная администрация не увольняет его, поэтому рабочие призываются к тому, чтобы требовать от администрации фабрики увольнения Мауера; если же администрация откажет рабочим в их требовании, то «употребить насилie».

Произведенным обыском у участника по агентурным сведениям к «Ревельскому комитету» **Альфреда Крайса** обнаружено: I. 2 экземпляра прокламации под заглавием **«16-ое октября»**, в которой описывается «кровавое дело на Ревельском рынке, происшедшее 2 года тому назад, и говорится, что правительство самовольно нарушало им же изданные постановления и законы, но что все «преступления правительства» против народа бледнеют перед случаем «16 октября». Прокламация заканчивается словами: «Слава павшим, вечное проклятие злодеям»; II. Прокламация, озаглавленная **«Российская социал-демократическая рабочая партия. Избирательная платформа»** с предвыборной агитацией в III Государственную думу в пользу социал-демократов. В прокламации этой, между прочим, говорится, что «только под напором широких масс народа и под давлением народного восстания пошатнется войско, на которое опирается правительство, и падут крепостные стены самодержавного производства», «нам необхо-

димо полноправное учредительное собрание», и, наконец, излагаются требования социал-демократии: 1) чтобы основные законы государства были выработаны учредительным собранием, 2) чтобы чиновники и начальники назначались народом, 3) чтобы все органы самоуправления в городах и уездах избирались всеобщим, прямым, тайным и пропорциональным голосованием, 4) чтобы всем гражданам были присвоены одинаковые политические права, 5) чтобы вместо постоянного войска была народная милиция, 6) чтобы земля, принадлежащая помещикам, царскому роду, лично «ему», церквам и друг. была отчуждена народу, и другие требования. Подпись «Ревельский комитет»; III. 1 экземпляр газеты «Социал-Демократ», № 7, в которой говорится, что «народ 2 года борется с разбойническим правительством» и что «социал-демократия должна стремиться к тому, чтобы низвергнуть царское правительство». В той же газете помещена статья под заглавием «Высокочитимый людоед», в которой обсуждается приказ Меллер-Закомельского о том, чтобы фабриканты не принимали обратно на службу рабочих, участвовавших в забастовках, при чем этот приказ называется «людоедским» и говорится, что наступит час, «когда твой кровный враг наступит тебе, правительству, на грудь и растопчет тебя в прах». Типография Ревельского комитета; IV. 1 экземпляр брошюры «Движущие силы и перспективы русской революции», одинаковый с таковой же, обнаруженной у Ю. Мейер; V. Проект реорганизации Петербургской организации ПК РСДРП, среди пунктов есть следующие: 1) условие, при котором можно сделаться членом организации, 2) о заводских союзах, 3) о заводских комитетах, 4) о военной организации, 5) о боевой организации и др., 6) прокламация «Письмо крестьян к царю Николаю II», одинаковое с таковым же, найденным в количестве 221 экземпляра у Ю. Мейер.

У Эдуарда Готлибова при обыске в его квартире было обнаружено письмо с подписью «Карл», в котором автор сообщает, что в тюрьме сидят много «большевиков и мало меньшевиков», при чем первые нападают на автора. Далее автор спрашивает о положении «каassy» и ответ просит написать в Петербург по адресу, который можно узнать в том месте, куда автор с адресатом ходил однажды вечером, на «явку к П.». Экспертизой установлено, что это письмо писал Карл Тюрна. Обыском на чердаке и в подвале башни был обнаружен старый типографский шрифт. Свидетели Иоганн Касперк, Георгий Розенблат, Николай Быстров и Ирман Шринсон по предъявленной им фотографической карточке опознали в И. Терциусе задержанного при обыске в квартире О. Вильдта Антона Мартинсона, участвовавшего в разгромах разных имений в Рапсельском уезде, в 1905 году. По обыску у Карла Бах, который, по показаниям свидетелей: Ганса Казекенда, Иоганна Вихмана и Евы Серман, бывал у В. Кунцеля, преступного ничего обнаружено не было. Экспертизой установлено, что: 1) письмо за подписью «Саша» писано Иоганном Терциусом, 2) что письмо за подписью «Наборщик» и «Карл» писаны Карлом Тюрна, 3) что одна из найденных рукописей писана Карлом Тюрна.

В период производства дознания по настоящему делу, к каковому, как имеющие значение, приобщены: 1) письмо, доставленное агентурным

путем, в котором говорится, что в Ревеле захвачена типография с готовым набором газеты «Woitleja», и из этого же письма видно получение денег для организации Ревельского комитета. Письмо с подписью «С. О.», 2) письмо, найденное выпавшим при разведении Эмили Лимбервек с подписью «Твой В.», в котором автор дает разные поручения и, между прочим, просит переговорить относительно брошюры «Красные годы в Эстляндии». Письмо это Владимиром Вельманом было признано за свое, и 3) письмо, доставленное прокурором Ревельского окружного суда, за подписью «Анна», в котором автор пишет «уважаемым товарищам», что она на все вопросы, обращаемые к ней на дознании, отвечает незнанием, и что, **если надо для целей партии, она признает своими письма «Зельма».**

Во время нахождения в тюрьме Эмили Лимбервек, тюремная надзирательница, Анастасия Добкевич, нашла на полу возле того места, где развешалась Э. Лимбервек и еще одна арестантка, письмо за подписью «Твой В.».

Владимир Вельман и другие подлежат обвинению в том, что в 1907 г., в г. Ревеле, они одновременно вступили и приняли участие в тайном сообществе, присвоившем себе наименование «Ревельского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» и поставившем заведомо для них, обвиняемых, целью своей деятельности, путем вооруженных выступлений народа и мятежей в частях армии и флота, насильственное в ближайшем будущем ниспровержение установленного основными законами в государстве российском образа правления, с заменой такового демократической республикою, при чем для осуществления задач и целей сообщества они, обвиняемые, собирались на собрания и сходки «комитетские» и районные для обсуждения вопросов организации, собирали денежные сборы на нужды партии, вели сношение с Центральным Комитетом РСДРП в Петербурге и с другими преступными организациями, принимали участие в оборудовании и снабжении средствами двух типографий в г. Ревеле, печатали, издавали и распространяли специальные временные органы партии газету «Борец» на эстонском языке и газету «Военный Листок», а равно и другие воззвания и прокламации, с целью достижения задач партии, путем агитации в рабочей среде и в войсках.

Деяние это предусмотрено по отношению к каждому из поименованных 1 ч. 102 ст. Угол. Улож.

(Дело Управл. Вр. прив. генер.-губ., 1907 г., св. 7, № 277, т. VII, архив № 22, л. 247—363).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

военно-прокурорского надзора, Петербургского военно-окружного суда по делу о крестьянах: Антоне Олуцдере, Вольдемаре Иогансон, Эдуарде Зоммере, Юганнесе Мюллере, Индрике Сикемая, Юганнесе Сареоксе, Александре Доннере, Якобе Лейсе, Придике Уммусе, Югане Нааль, Доозе Ребане, Карле Ремерте, Юганнесе Мейстере, Александре Нильмане, Юган-

несе Ротберге, Александре Юсьеве, Иване Тю'ясма, Югане Лемане и крестьянке Елизавете Безен.

В начале 1907 года, в гор. Ревеле, негласным наблюдением полиции было установлено существование преступного сообщества злонамеренных людей, поставивших целью своей деятельности учинение тяжких преступлений посредством огнестрельного оружия для приобретения, путем разбойных нападений и убийств, денег и другого имущества, а также для терроризирования местного населения и для устранения из мести тех лиц, которые могли препятствовать их преступной деятельности. По тем же сведениям к числу преступлений, совершенных указанным сообществом, могли быть отнесены нижеследующие:

1) убийство 17 февраля в пределах Фикельской волости, Гапсальского уезда из засады члена Государственного совета барона Будберга, сопровождавшееся убийством повара его Яна Лива, покушением на убийство кучера Карла Лазера и ограблением около 17 000 рублей денег и другого имущества у барона Будберга;

2) разбойное нападение 15 февраля в гор. Ревеле на лавку Мадиса Ловицкого, сопровождавшееся убийством городского Шелковского во время преследования разбойников;

3) убийство утром, 23-го января, в гор. Ревеле на Гиргенсонской улице двумя лицами мастера Металлического завода Андерсона;

4) разбойное нападение в ночь на 22 февраля на дом крестьянина Каркмана, в Шварценской волости, Ревельского уезда, сопровождавшееся причинением Каркману истязаний и мучений в виде поджигания ему огнем ступней ног, и наконец

5) покушение на убийство, 6 апреля, в гор. Ревеле крестьянина Александра Сагора, сопровождавшееся поранением его.

На произведенном затем предварительном следствии обстоятельства настоящего дела выяснились в следующем виде:

27 февраля 1907 года пристав 2 части гор. Ревеля Мюльберг, получив сведения о том, что в доме № 44 по Ризенкампфской ул., в квартире крестьянки Май Мюллер, собираются члены боевой группы революционной организации, совместно с другими чинами полиции в ночь на 28 февраля произвел в этой квартире обыск и задержал сына Мюллера часовых дел мастера Юганнеса Мюллера, бывшего подмастерья последнего Индрика Сикемая и неизвестного человека, назвавшего себя крестьянином Антоном Рейманом, предъявившего в удостоверение своей личности паспорт на это имя, и оказавшегося впоследствии крестьянином Антоном Яновым Олундером (он же Голунбер). При обыске в этой квартире были обнаружены, между прочим, следующие вещи: в ящике стола: заряженный револьвер системы Маузера, коробка с набором шрифта и 3 электрических фонаря; в ведре с помоями: заряженный револьвер Браунинга, 27 патронов (из них 7 нарезанных); в кармане пиджака Олундера: завернутая в бумажку маленькая склянка с белым порошком, оказавшимся морфием, и записная книжка, в коей имеется запись о стоимости приобретенных им в Финляндии 10 браунингов и 500 штук патронов, и паспорт на имя Реймана; в сундуке: две маленькие коробочки с бездымным порохом, тетрадь

с революционного характера песнями и Эрфуртская программа; в шафрейке *: 15 холостых патронов, обойма для браунинга с 3 боевыми патронами и 18 гильз. Все эти предметы, по заявлению Олундера, принадлежали ему. Над окном в квартире имелся сигнальный звонок с опущенным через окно на улицу шнурком.

Одновременно с обыском в квартире Мюллера был произведен также обыск в доме № 6 по Петушьей улице, где, по сведениям полиции, также собирались подозрительные люди. Хозяином этой квартиры был крестьянин Иоганн Наэль. Последнего в момент обыска дома не было, в квартире же его полицией были обнаружены крестьянин Ганс Калмет, сотрудник газеты «Сенумед» и крестьянин Придик Уммус, проживавший в квартире Наэля. При обыске в квартире были найдены под кроватью 8 чистых паспортных бланков, а в кармане, висевшего на стене пиджака, письмо на эстонском языке за подписью «Савви», дата 9 февраля 1907 года, следующего содержания: «Дорогие товарищи. Вы мое письмо получили в субботу 10 февраля. Поезжайте тогда кто может с первым поездом в Юрьев. Гансу известно, где встретимся. Ему удобнее всего приехать, так как он может дня два пробыть у своих. Часовых дел мастер Ойя проживает теперь в Вологде, его братья работают, будто бы, на фабрике. Как приятно встретиться с глаза на глаз с неприятелем. Теперь я это намерен сделать. Хорошо если бы из вас двое приехало, но только такие, которые на все готовы. Если денег хватит, то приезжайте втроем. Больше доверять этой б. . . ли нельзя. До свидания Савви». В этом же кармане найдена цинковая печать, а в кармане пиджака, висевшего в чулане, гектографированный листок **Ревельского комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.**

После произведенного в квартире Мюллера обыска, там на дежурство было оставлено несколько полицейских чинов, которые и задержали еще несколько лиц, явившихся на эту квартиру. В числе этих лиц были: выше-названные Калмет и Уммус, которые при производстве обыска в квартире Наэля арестованы не были, и крестьянин Юганнес Сареокс, предъявивший первоначально паспорт на имя Александра Баха, а при дальнейших распросах лично назвавший себя Гансом Кийс. При обыске Сареокса у него был найден револьвер Браунинга и запасная обойма с патронами. Затем последовательно были задержаны крестьяне Якоб Лейс, высланный в административном порядке в Вологодскую губернию, и Александр Доннер. При этом у Лейса, назвавшегося Гольманом, был найден паспорт на имя последнего, две прокламации и два номера **«Социал-Демократа»**, а у Доннера, назвавшегося Владимиром Вельманом, два паспорта на имя Вельмана и Якобсона, а также 105 рублей денег.

28 февраля владелец дома № 44 по Ризенкампфской улице Ян Юрсон представил полученное им того же числа по почте письмо на имя Антона Реймана, т.-е. Олундера. На конверте имеется штемпель «Юрьев», а на письме дата 27 февраля 1907 года. Содержание письма следующее: «К. С. Дети наилучшие. Я еду тогда в среду наверное. На непредвиден-

* Кладовая.

ный случай возьми с собой больше. Кто там превосходит тебя, **Альфонт** утверждает, что М. получил из Риги 35 рублей уже раньше. Здешние члены боевой организации нуждаются, пошлите по почте на имя редакции **Номмик 100 рублей**, чтобы можно было что-нибудь делать. Добавьте **Александру. До свидания И. С.**

Имея в виду содержание последнего письма, а также указанного выше письма, найденного в квартире Наэля, полиция, предполагая, что из Ревеля должен будет кто-нибудь выехать в гор. Юрьев, установила наблюдение на станции Ревель, при чем был задержан человек, назвавшийся Яковом Кеном и предъявивший на это имя паспорт, в действительности же оказавшийся крестьянином Доозом Ребане. При обыске у Ребане было отобрано письмо, адресованное в гор. Юрьев, редакции **Номмик г. Савви**, нижеследующего содержания: «Ревель, 28 февраля 1907 года. Уважаемый господин. Будьте настоль любезны и приезжайте раньше сюда, у меня случилось несчастье, не могу ехать в Тапе, заболела жена и сын, отправлены в клинику. Один из лучших товарищей в клинике. Будьте тогда столь любезны и приезжайте сюда. С почтением Е».

3 марта был задержан явившийся на свою квартиру Юган Наэль, при чем при обыске на столе была найдена записка, начинающаяся словами: «наше дело очень плохо, смотри, чтобы ничего не говорил, вышло скверно...». Далее сообщается об убийстве городского, последовавшем после нападения на лавку Ловицкого. На обороте этой записки имеется другая записка, начинающаяся словами: «уважаемый господин», в которой неизвестный просит выслать ему белье и пальто.

20 марта при отправлении Дооза Ребане на допрос из следственной тюрьмы тюремной администрацией у него были отобраны отдельные записки, в которых он просит, между прочим, чтобы лицо, к которому он пишет, повидалось с личностью, доставившей в тюрьму письмо от Савви, а также просит, чтобы письмо, написанное им, Ребане, Савви, было придержано, пока Савви не будет разыскан, чтобы он лично мог получить. Далее Ребане сообщает, что нужно остерегаться давать деньги таким лицам, которые берут их только для того, чтобы проматывать, а также предостерегает давать деньги социал-демократам, которым уже везде отказывают в кредите. Одна из записок начинается словами: «Дорогой квартирохозяин» и в ней Ребане просит выдать принесшему от него записку 100 рублей и взять квитанцию, а другому человеку выдать, сколько последний пожелает. В этой же записке Ребане пишет: «кроме того, никогда не давайте денег из своей квартиры, а делайте так, как будто принесли откуда-нибудь из города, только не из дому...». На некоторых из этих записок имеется подпись «Ребане», на других же подпись «Геллер».

Вследствие указаний в названных записках на то, что из какой-то кассы выдаются деньги по запискам Дооза Ребане в доме № 5 по Земляной улице в квартире Ивана Тух'яема, у коего проживал Ребане, 20 марта чинами полиции, под руководством полицмейстера г. Ревеля Цицеровина, был произведен обыск, при чем в квартире были найдены спрятанные в клубках из тряпок и ниток кредитные билеты на сумму

3 040 рублей, золотой монетой 580 р., серебряной на 1 р. 50 коп., а также обнаружены зарытые в земле в принадлежащем к квартире сарае процентными бумагами, в виде 9 билетов Харьковского земельного банка, на сумму 1 300 рублей, а всего 4 921 р. 50 коп. Кроме того, за стенным подсвечником была обнаружена записка на имя Тюх'ясма от Дооза Ребане, в которой последний, между прочим, просит его показать, что он, Ребане, «во время всех происшествий был дома», а также подыскать свидетеля, который может показать, что он, Ребане, купил часы у какого-то человека на рынке.

Находившийся при обыске в квартире Иван Тюх'ясма, заявивший первоначально, что никаких денег у него нет, по обнаружении таковых стал утверждать, что все найденные деньги его собственные и составляют сбережения за много лет. Каковые обстоятельства не нашли себе, однако, подтверждения в данных предварительного следствия, так как из сообщения сберегательной кассы при отделении Ревельского отделения Государственного банка от 12 июля 1907 года за № 1591 усматривается, между прочим, что Иван Тюх'ясма имел всего 776 руб. 73 коп., каковые деньги и были выданы ему 3 февраля 1904 г. В других каких-либо учреждениях Тюх'ясма денег не имел.

Независимо от вышеизложенного, негласным наблюдением было установлено, что в закулочной лавке Александра Нильмана по Ново-Гаванской улице, в доме № 8, собираются подозрительные лица, в том числе Карл Реммерт и Елизавета Безен. Вследствие сего Реммерт и Безен были задержаны 7 марта на улице городовым Иваном Юргенсоном и Максимом Ванн, при чем у Реммерта были обнаружены разные печатные издания революционных и социал-демократических организаций, а также письмо за подписью «Валентин», в котором автор запрашивает Петербургскую организацию, какого взгляда следует держаться на экспроприацию, и просит об этом уведомить ревельских товарищей, которых уже невозможно удержать от экспроприаций.

Из протокола осмотра записной книжки, найденной у Олундера, видно, что в ней имеется между прочим такая запись «в кассе 8501», далее «Финлянд. С.-Д. платить», при чем указано: «10 брау—500,500 патр. 50», и, наконец, отмечена уплата денег «Нильману и Савви». В записной книжке Дооза Ребане имеется, повидимому, такса вознаграждения революционного комитета и участников сообщества. По заключению эксперта, по сличению почерков, записка, отобранная 3 марта в квартире Наэля и начинающаяся словами «наше дело плохо», писана Юганнесом Сарексом, а записка на оборотной стороне, начинающаяся словами: «уважаемый господин», написана рукою Дооза Ребане. Последним написаны все отобранные у него записки, в частности за подписью «А. Геллер» на имя Савви и Тюх'ясма. Письмо, обнаруженное 27 февраля на квартире Наэля «Дорогие товарищи и пр.» за подписью «Савви», и письмо, доставленное Юрисоном и адресованное на имя Реймана за подписью И. С., написаны Юганом Яловым Леманом, задержанным в гор. Юрьеве, и, как то видно из сообщения судебного следователя 4 участка Юрьевского уезда, привлеченным в качестве обвиняемого в принадлежности к тайному сообществу, присвоив-

пему себе наименование «Северной Лифляндской окружной организации Российской социал-демократической рабочей партии», поставившему целью своей деятельности насильственное изменение в России установленного законами основным образа правления, и имевшим в своем распоряжении средства для взрыва, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 102 Угол. Улож., а также обвиняемым по другому по ст. 129 того же уложения. По заявлению спрошенного в качестве свидетеля мещанина Плацкого, он давно был знаком с Леманом, имевшим прозвище «Савви», и ему было известно, что означенный Леман состоял в переписке с неким Антоном (фамилии не знает) и отправлял ему письма по адресу «Ризенкампфская улица, дом № 44».

Спрошенный в качестве свидетеля крестьянин Александр Саггар показал, что осенью 1906 года он познакомился с Юганесом Мюллером, к которому принес для починки свои часы, а с Сикимяэ познакомился весной того же года в Александровской волости, где Сикимяэ жил у своего брата. Осенью 1906 года Саггар видел у Мюллера, проживавшего тогда по Б. Юрьевской улице, в доме № 8, Антона Олундера, которого Мюллер называл Антоном Рейманом и говорил, что тот приехал из Финляндии, ничем не занимается и принадлежит к партии социалистов-революционеров. Впоследствии Саггар часто встречал у Мюллера Олундера и настолько близко сошелся с ним, что Олундер несколько раз спрашивал Саггара, не знает ли последний такого капиталиста, которого можно было бы убить и ограбить. Об этом же Саггара спрашивал однажды и Индрик Сикимяэ. Саггар видел в квартире Мюллера револьвер системы Маузера, при чем Мюллер объяснил ему способ обращения с этим револьвером. У Мюллера часто собирались Карл Реммерт, Якоб Лейс, Антон Уммус, Дооз Ребане, Александр Доннер и Юганес Сареоке, назвавший себя Гансом Кийсом, и Югана Назль. Почти все они имели револьверы Браунинга и кнпжалы. Некоторые из этих лиц почевали иногда в квартире Назля по Петушьей улице, в доме № 6, о чем ему, Саггару, было известно со слов самого Олундера. Олундер ездил иногда в Финляндию и, как предполагает свидетель, привозил оттуда оружие. Так как-то однажды Сикимяэ сказал ему, Саггару, что оружие достанет Олундер. Какие между собою разговоры вели названные лица, он, Саггар, не знает, так как при его приходе разговоры обыкновенно прекращались. Накануне убийства мастера Андерсона Саггар встретил на Нарвской улице Индрика Сикимяэ, который сообщил ему, что на следующий день будет убит один человек, но кто именно, не сказал, заметив только, что об этом он узнает из газет. На другой день Саггар вновь встретил на улице Сикимяэ, и последний прочел ему из газеты об убийстве Андерсона. Заподозрев в этом убийстве Олундера, Саггар сказал Сикимяэ, что знает, кто убил мастера, на что Сикимяэ заметил, что об этом он, Саггар, не должен никому говорить, так как в противном случае он сам будет убит оставшимися на свободе членами шайки. В начале февраля Саггар вместе с Сикимяэ уехали на работы в имение Аллафер. Когда в Аллафере стало известно об убийстве барона Будберга, то Сикимяэ стал торопиться в город Ревель, утврждая, что у Мюллера и Олундера должны быть теперь деньги. По возвращении в город Ревель,

в 20-х числах февраля, Саггор зашел на новую квартиру Мюллера по Ризенкамфской улице, при чем заметил у Олундера новое пальто, калоши и сапоги, а у Мюллера новое пальто, целый новый костюм, сапоги и гитару. При этом Сикимяз заявил, что будет жить даром у Олундера, который берет его на полное содержание. К этому Саггор добавил, что от своей матери Мелании Саггор, работавшей в гавани вместе с матерью Мюллера, он слышал, что последняя говорила ей, что Олундер уехал из Ревеля 15 февраля и вернулся только 20 февраля. Показание Саггора, в этой части, вполне подтвердила допрошенная в качестве свидетельницы Мелания Саггор, при чем добавила, что Май Мюллер, явившись в гавань 22 февраля, заявила, что работать больше не будет, так как не нуждается уже в деньгах. Факт отсутствия Олундера из города Ревеля с 15 по 20 февраля удостоверила, между прочим, в своем показании и означенная Май Мюллер.

Допрошенная в качестве свидетельницы крестьянка Пелагея Короткова показала, что осенью 1905 года, к ней в портняжную мастерскую, поступила в мастерщицы некая Елизавета Безен. Вскоре же Короткова заметила, что Безен стала приносить в мастерскую разные книжки и прокламации, при чем говорила, что получает их от своих «товарищей». В январе 1907 года Безен как-то в разговоре созналась Коротковой, что у нее был сожитель по имени «Воли»—какой-то Вольдемар Иогансон, с которым Безен была некоторое время в пеладах, но затем опять помирилась с ним. С этим «Воли» Безен часто встречалась, по словам ее, в закусных лавках ее двоюродного брата Нильмана, сначала по Б. Юрьевской и затем по Гаванской улице, где иногда и оставалась ночевать. Дня за два или три до убийства барона Будберга, Безен в присутствии Эльфриды Каскт сказала Коротковой: «Сегодня вечером или завтра утром слетит с плеч одна голова» и на вопрос Коротковой: «Чья же голова»—ответила: «одного буржуя». 16 февраля и в субботу 17 февраля Безен в мастерскую на работу не приходила, а 19-го, явившись к Коротковой, прежде всего сказала: «Ну, слава богу, убили», при чем на дальнейшие вопросы Коротковой ответила, что убили «барона» и что в убийстве этом принимал участие и «Володька»; при этом Безен сказала: «Голова у барона, как рубленое мясо, больше губернатором не будет». Через несколько дней после этого у Безен появился новый костюм и новая обувь, при чем она объяснила Коротковой, что на костюм «Воли» дал ей 15 рублей и что в убийстве барона Будберга участвовало 6 человек, которые взяли себе по 1 000 рублей, а 10 000 рублей отдали в какое-то бюро. Кроме того, Безен говорила Коротковой, что «Воли» скрывается, а где именно, знает об этом один только Нильман. На замечание Коротковой, что за выдачу убийц барона Будберга можно получить большие деньги, Безен сказала, что, хотя она и знает их, но никогда не выдаст и лучше умрет, при чем добавила, что хотя полиция и арестовала одного «товарища», а именно квартирохозяина, участвовавшего в убийстве Будберга, но, однако, должна будет выпустить его, так как он никого не выдаст. Вместе с тем Пелагея Короткова добавила, что когда она спросила Лизу Безен, почему убийцы и Воли Иогансон знали, что барон Будберг пойдет именно по той дороге, где он был и убит, с деньгами, то Лиза

Безен ответила, что было прислано о том письмо и что на ее вопрос, откуда этот Югансон достал деньги, которые дал Безен, эта последняя ответила: «я же сказала, что Володька убил барона и получил тысячу».

По показанию крестьянина Карла Лазера, служившего кучером в имении Лосс-Фикель, 17 февраля, около 12 часов дня, он выехал из имения вместе с бароном Будбергом и его поваром на станцию Ристи. Ехали на саях, запряженных парю лошадей цугом. В верстах трех от имения они встретили по дороге двух молодых людей, шедших со стороны имения Штейнгузен. Поровнявшись с саями, они неожиданно стали стрелять в барона Будберга из револьверов и одним из выстрелов ранили его в голову. Барон Будберг, в свою очередь, выстрелил два раза в злоумышленников и приказал гнать лошадей, но в это время из-за деревьев около дороги выскочили еще четыре человека и открыли стрельбу из револьверов, при чем одним из этих выстрелов был убит повар Ян Лива и ранена передняя лошадь. Остановив лошадей, злоумышленники окружили со всех сторон барона Будберга, вышедшего из саней, и почти в упор произвели ему в голову несколько выстрелов, коими он и был убит. Стреляя в барона Будберга, разбойники кричали: «Говорят, что ты будешь губернатором, мы тебе покажем, какой ты губернатор». После этого разбойники обыскали труп барона и его чемодан, а также чемодан повара, после чего перерезали постромки у передней раненой лошади и уехали в саях на другой лошади по направлению к имению Штейнгузен. По словам Лазера, когда барон Будберг и повар были уже убиты, он упал на колени перед разбойниками и просил пощадить его жизнь. Тогда один из разбойников подошел к нему и спросил его, женат ли он и имеет ли детей и после ответа Лазера, что он женат, но детей у него нет, разбойник вдруг направил на него револьвер, и едва только Лазер успел рукою прикрыть лицо, как раздался выстрел, коим была прострелена ладонь его правой руки. Тогда Лазер упал на землю лицом в снег, при чем тот же разбойник выстрелил ему в висок и хотел сделать еще выстрел, но другие крикнули ему: «довольно, останется лежать». Из числа убийц четверо имели шайки из заячьего меха, один, имевший серое пальто, был в барашковой шапке, и шестой был одет в пиджак и имел на голове летнюю фуражку. Все разбойники были вооружены револьверами, при чем у пяти были браунинги, а у одного системы Маузера.

По показанию управляющего имением «Викттель» Николая Эйхфуса, барон Будберг приехал в это имение 12 февраля специально для получения арендных денег, с крестьян арендаторов. Всего им было собрано около 17 000 рублей, но из них 2 000 барон Будберг истратил на расходы по имению, и, таким образом, с собою он повез около 15 000 рублей. Узнав о возвращении в имение сильно пораненного кучера, свидетель совместно с дворянином Эдуардом фон-Люлером и помощником начальника уезда Швидтом немедленно же отправился на место совершения преступления. Прибыв сюда, они нашли трупы барона Будберга и повара, при чем карманы одежды первого выворочены. Тут же лежал изрезанный чемодан барона Будберга, пустой футляр от его револьвера, ремни от постромок раненой лошади, а также валялись выброшенные из чемодана белье и раз-

ные бумаги. Кроме денег, лежавших в чемодане у барона Будберга, были похищены бумажник с деньгами и часы.

В виду всего вышеизложенного, на основании постановления вр. Прибалтийского генерал-губернатора от 27 марта 1907 года за № 146, крестьяне Антон Олундер, Вольдемар Югансон, Эдуард Зоммер, Юганес Мюллер, Индрик Сикимяз, Юганес Сареокс, Александр Доннер, Яков Лейс, Придик Уммуе, Юганес Наэль, Дооз Ребане, Карл Реммер, Елизавета Безен, Юганес Мейстер, Александр Нильман, Юганес Ротберг, Александр Юсьев, Иван Тюх'яема и Югана Леман подлежат преданию Петербургскому военно-окружному суду.

(Дело управления Прибалтийского генерал-губернатора, 1907 г., св. 6, № 277, т. 3, арх. № 18, л. 64—77).

Примечание: Олундер, Зоммер, Югансон и Сареокс приговорены к смертной казни через повешение; в каторжные работы: Ребане на 20 лет, Мюллер—12 лет, Тюх'яема и Сикимяз—18 лет; Наэль, Леман и Нильман—15 лет; Ротберг—6 лет, Мейстер—без срока; в арестантские отделения: Лейс—6 лет, Доннер—5 лет, Реммер 1½ г.; в тюрьму Безен на 2 мес.

Приговор утвержден 16 июля 1908 г. Я. К.

ИСПОВЕДЬ «АЛЬФОНСА».

Кония с показания, подписанного собственноручно содержащимся под стражей при сыском отделении гор. Риги, **Густава Генрикова Лацного**, по кличке «Альфоне».

Состоя на должности ученика-наборщика в типографии «Мюллера» при газете «Дюна Цейтунг», я случайно познакомился в Латышском обществе с молодым человеком Яунземом. Когда после нескольких встреч я познакомился с ним ближе, он стал давать мне брошюры и листки революционного содержания, за подписью — «лат. соц.-демократ. партии», и начал меня водить на собрания. Потом говорил мне выносить из типографии шрифт для печатания нелегальной газеты «Циня» и прокламаций. Я согласился и вынес всего за довольно продолжительное время около 30 пудов для латышской соц.-демократ. партии. Потом он, Яунзем, познакомился с Штралом, представителем «Савениба» (латышск. соц.-демократ. союза). Для «Савенибы» я тоже вынес в довольно продолжительное время около 15 п. шрифта. Потом, это был уже конец октября 1905 года, я стал носить шрифт для рижской группы российской соц.-демократ. рабочей партии, для них я вынес лишь около 5 пуд. Потом наступили октябрьские дни, и я на одном собрании познакомился с Рудольфом **Делином**, известным под кличкой «Чом». После **октябрьских дней я поступил в боевую дружину российской соц.-демократ. рабочей партии**, организованную для самообороны от черносотенцев, предводительствуемую Марком. Когда Марка арестовали, то на его место вступил «Наполеон». Когда собрания уже полицией не разрешались, то отдельные члены этой дружины стали совершать экспроприации с целью снабжения деньгами партии. Из этой дружины отделились

отдельные члены, которые образовали самостоятельные боевые группы. Одним из таких отделившихся членов был «Чом». Он подговорил меня поуступить к нему, и я согласился. 1) Первая экспроприация, на которой я участвовал вместе с Чомом, Бульдогом, Гриншкой и Келле, была в казенной винной лавке по Б. Московской ул., за заводом Кузнецова, забрали из кассы около 50 рублей и разбили бутылки с вином; 2) в казенной винной лавке по Перновской улице участвовали я, Чом и неизвестные рабочие, забрали деньги и разбили бутылки с вином. Сколько денег взяли, не помню; 3) в казенной винной лавке по Б. Московской ул. участвовали я, Чом, Келле, Чиновник (Граубин), Бульдог, забрали около 40 рублей, разбили бутылки с вином; 4) в казенной винной лавке по Б. Невской ул. разбили бутылки с вином и забрали из кассы 180 руб., участвовали я, Чом, Казак и Келле, неизвестный мне молодой человек и Чиновник; 5) в убийстве помощника пристава Поржницкого, околоточного надзирателя Борисовича и городского Бундже участвовали из нашей группы я, Чом, Казак, Бульдог и Чиновник. Других я не знаю оттого, что были рабочие из задвинского района латышской социал-демократ. партии; 6) в казенной винной лавке по Дорофеевской ул. разбили бутылки с вином, забрали из кассы 40 рублей и несколько гербовых марок, участвовали я, Чом, Казак, Келле, Бульдог и неизвестный мне молодой человек; 7) в казенной винной лавке по Царско-Садовой улице участвовали я, Чом, Казак, Келле, неизвестный мне молодой человек, Чиновник и Академик, заорали 40 руб. из одной кассы, а другая была закрыта, и так как сиделец лавки выбежал, то мы не могли открыть вторую кассу, и там деньги остались целы, что деньги там были, то мы узнали оттого, что хотели открыть и по звонку узнали, что там деньги. Келле один раз выстрелил в сидельца, который из верхнего этажа стрелял в него, но ни сиделец ни Келле не были ранены, еще там выносили вино и раздавали проходящим рабочим, остальные бутылки были разбиты; 8) в казенной винной лавке по М. Лагерной ул. № 22—24 участвовали я, Чом, Келле, Казак и Бульдог, взяли из кассы около 200 рублей и разбили бутылки с вином; 9) в убийстве 2-х городских на Ключевой ул. участвовали я, Чом, Чиновник и молодой человек, по кличке «Дирсберг». Предлагал в них стрелять Чиновник, который знал, что городские будто бы отличаются шпионством; 10) в казенной винной лавке по Дерптской улице участвовали те же лица. Сколько денег забрали, я не помню, разбили также бутылки; 11) в казенной винной лавке по Гевельской ул. № 67 участвовали те же лица, взяли из кассы около 45 руб. и разбили бутылки с вином; 12) в казенной винной лавке по Гоголевской улице участвовали те же лица, забрали из кассы около 60 рублей и разбили бутылки с вином; 13) в казенной винной лавке, угол Ключевой и Матвеевской ул., сколько денег было взято, не помню. Участвовали те же лица; 14) убийство на углу Ключевой и Матвеевской ул. околоточного надзирателя 3 уч. Московской части, Малькова и, идя дальше по Ключевой ул., на углу Рыцарской двух околоточных надзирателей—Давгарта и Кременецкого—участвовали я, Чом, Казак, Чиновник и неизвестные мне молодые люди рабочие, в числе около 8—10; 15) в помещении старого Государственного банка, по Замковой ул. № 12, экспроприация железного сундука со старыми ассигнов-

ками. Чом получил сведения, что в сундуке находится около 60 000 рублей казенных денег; участвовали в похищении сундука я, Чом, Келле, Гришка, Дирсберг, Академик, Казак, Секретарь и Губернатор. Похитив ящик, мы увезли его к Келле и, разломав его, там денег не нашли. Вечером того же дня мы унесли ящик со всеми ассигновками в открытый ватер-клозет базара Берга и там оставили; 16) в казенной винной лавке по Суворовской улице № 66 участвовали те же лица, забрали из кассы около 14 рублей и разбили бутылки с вином; 17) в ссудной кассе Груннера забрали из кассы около 350 рублей и револьвер системы Смит и Вессон; участвовали: я, Чом, Бульдог, Давид, Келле, Дирсберг, Казак и Кужа. После этого я уехал вместе с Чомом, Гришкой и Чиновником в Петербург. В Петербурге я постоянной квартиры не имел, почевал по разным квартирам, куда меня отводил неизвестный молодой человек из ивочной квартиры. В Петербурге я пробыл до конца февраля или начала марта, когда я приехал обратно в Ригу; 18) перед моим отъездом в Петербург в декабре я принимал участие в нападении на караульных драгун на заводе «Проводник». Сделано было нападение по поручению лат. соц.-демократ. рабочей партии с целью отобрания у драгун оружия в возмездие того, что драгуны, якобы, изнасиловали работниц этого завода. Организатором нападения был «Брайшас». Как я узнал потом, они пытались устроить нападение уже два раза, но тогда почему-то не удавалось. Участвовали всего около 20 человек; знакомых мне было: Брайшас, Чом, Казак, Бульдог; остальных я не знаю, но знаю, что рабочих завода «Проводник» среди них не было. Оружие, взятое там, было передано представителю лат. соц.-демократ. рабочей партии и впоследствии отправлено в Тальсен. При хищении оружия, произошла перестрелка, из нас ни раненых, ни убитых не было; число убитых и раненых драгун я в точности не помню. Нападение было сделано приблизительно так: Брайшас роздал нам контрольные марки завода, с которыми мы под видом рабочих проникли через ворота в завод и около 6 часов утра напали на здание, в котором жили драгуны. Сначала были арестованы дежурный и 2, находившихся в конюшне, драгуна, а потом вошли в здание, где жили драгуны. Когда начали хватать оружие, то некоторые из них схватили винтовки и начали стрелять, тогда вошедшие туда революционеры стали стрелять; 19) я участвовал при нападении на контору на Новой улице, при чем был убит Чом. Участвовали: я, Чом, Казак и Розенфельд. После этого я уехал в Юрьев и прожил там до 15—16 июля 1906 года, а потом уехал в г. Ревель, где я участвовал при нападении на казенную винную лавку в Ревельском уезде. При этом я был ранен в правую руку и уехал сначала в Петербург, а потом в Финляндию лечиться. В Финляндии мне произвели операцию. В сентябре 1906 года я опять уехал в Юрьев и там иногда выезжал в другие города и Финляндию, где жил до июня 1907 года; 20) 21 июня я участвовал вместе с Душшей, Ванткой, Блицером и еще одним молодым человеком при нападении на казенную винную лавку и на волостной дом; 21) вскоре после этого мы произвели нападение на артельщика Юрьевского банка, но он успел забежать в одну из лавок, так что мы ничего не достали. После этого я уехал в Финляндию и прожил там до сентября, а потом опять поехал

в Юрьев; 22) последнее выступление, в котором я участвовал, было нападение на поезд близ ст. Эльва. При этом нападении участвовали следующие лица: я, Дупша, Ванька, Карл, Американец и Мазайс. Дупша был убит, а остальные пошли обратно в Юрьев, где меня и арестовали. Может-быть, были и еще какие-нибудь мелкие экспроприации, которых я не помню. (Подписал «Альфоне»).

С подлинным верно: пристав сыскной части (подпись).

(Дело управления Прибалтийского генерал-губернатора 1908 г., св. 8, № 304, арх. № 26, л. 89 [182—183]).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. ПРЕДПОСЫЛКИ 1905 года	
А. Общие замечания	5
Б. Историческое развитие аграрных отношений	6
В. Земельные отношения перед революцией	12
Г. Правовое устройство, как средство притеснения крестьян:	
1. Положение местного самоуправления	21
2. Патронатное право	23
Д. Промышленное положение края	26
Е. Политические течения и партии до 1905 г.	30
Ж. Выводы	33
Глава II. 1905 год.	
А. Период агитации и петиций	35
Б. Период вооруженной борьбы	45
В. Усмирение края и действия карательных отрядов	56
Глава III. ЛИКВИДАЦИОННЫЙ ПЕРИОД.	
А. Террор и инструкции к подавлению	68
Б. Барон Меллер-Закомльский и периодическая печать	74
В. Деятельность военных судов	76
Г. Разгром социалистических партий	78
1. Соц.-демократическая рабочая партия	78
2. Другие социалистические группы	84
Д. Проект земского самоуправления и ликвидация генерал-губернаторства	85
Глава IV. НИКОЛАЙ РОМАНОВ И ВИТТЕ, КАК УСМИРИТЕЛИ НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 1905 г. В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ	
	89
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ	
	95
ПОРТРЕТЫ:	
1) Карл Руга — «Papp»	37
2) Владимир Вельман — «Vulli»	81
3) Тевис Либс	87
ПРИЛОЖЕНИЯ ДОКУМЕНТЫ.	
Приложение № 1. — Оценка революции 1905 г.	99
» № 2. — Постановления крестьянских сходо́в и прошения	108
» № 3. — Заключение военно-прокурорского надзора о погромах	117
» № 4. — Характер действий карательных отрядов	126
» № 5. — Циркуляры и инструкции	130
» № 6. — Разгром политических партий	141